

I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чем объяснить хорошо известный факт, что русский народ в своем былинном эпосе отводит самое видное место именно Киевскому периоду своей древней истории?

Это не может быть случайностью. Народ, переживший на протяжении своей истории много тяжелых и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям. Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опозитизированные предания не записывались, а хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим:

Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей¹.

Звучит потому, что она правдива и искренна, потому, что это голос подлинной жизни.

Л. Майков, в своей специальной работе «О былинах Владимиров цикла»² совершенно правильно отметил, что русский народный эпос по своему содержанию соответствует нескольким, постепенно сменявшимся периодам исторической жизни и отражает

¹ Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда.

² Л. Майков. О былинах Владимиров цикла. СПб., 1863.

Греков Б.Д.
Г 80 Грозная Киевская Русь. — М.: Алгоритм, 2012. — 256 с.

ISBN 978-5-4438-0042-4

Советский историк, академик Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) в своем капитальном труде по истории Древней Руси писал, что Киевская Русь была общей колыбелью русского, украинского и белорусского народов. Книга охватывает весь период существования древнерусского государства – от его зарождения до распада, рассматривает как развитие политической системы, возникновение великокняжеской власти, социальные отношения, экономику, так и внешнюю политику и многочисленные войны киевских князей. Автор дает политические портреты таких известных исторических деятелей, как святой равноапостольный князь Владимир и великий князь Киевский Владимир Мономах. Читатель может лучше узнать о таких ключевых событиях русской истории, как Крещение Руси, война с Хазарским каганатом, крестьянских и городских восстаниях XI века.

УДК 63.3
ББК 94(47)

© **Греков Б.Д.**, наследники, 2012.
© **ООО «Алгоритм»**, 2012
© **ООО «Издательство Эксмо»**, 2012

ISBN 978-5-4438-0042-4

в себе более или менее полно быт и понятия каждого периода. Тот же автор отметил, что только Киевский период своей истории народ заполнил героями-богатырями¹.

В.О. Ключевский в своем курсе русской истории тоже подчеркнул это специфическое отношение былинного эпоса к Киевскому периоду. Он совершенно верно подметил, что народ помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, любит и чтит его, как не любил и не чтит он ни одной из столиц, сменивших Киев.

Глубоко прав и Байрон, указывая на то, что историк чаще вводит в заблуждение, чем народная песня. Это положение легко продемонстрировать хотя бы на примерах только что процитированных двух историков.

Л. Майков думает, что былины вспоминают «Киевский удельный период Древней Руси в том цикле, который группируется около Владимира», и «умалчивают о междоусобиях между князьями» в то время, как «по летописям именно удельные распри и были главными причинами княжеских переездов и войн»².

Ключевский говорит о том, что «в старой киевской жизни было много неурядиц, много бестолковой толкотни; «бессмысленные драки княжеские», по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием»³, т.е. и Ключевский, так же, как и Майков, не отделяет периода существования Киевского государства от периода феодальной раздробленности.

В былинах этого смещения нет.

Народ более точно наметил основные вехи периодизации своей истории. Не бестолковую толкотню и бессмысленные драки воспевал он в своих былинах. Время непрерывных феодальных войн, время «всеобщей путаницы» наступило позднее, и в былинах этот период не отражен: героев-богатырей тогда уже не стало. Этот период нашей истории нашел свою оценку не в былинах.

В знаменитом «Слове о полку Игореве» мы читаем следующие правдивые и яркие строки: «Тогда при Ользе Гориславичи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждобожа внука, в княжих крамолах веци человеком скратишась. Тогда по Русской

¹ «Напротив того, герои других циклов почти никогда не называются богатырями». Ук. соч., с. 1. Примечание.

² Л. Майков. Ук. соч., с. 1 и 62.

³ В.О. Ключевский. Курс русской истории, часть I, с. 204. 1937.

земли редко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотяьт полетети на уедие». «А погании со всех стран прихождаху с победами на землю Русскую»¹. Так же смотрел на дело и летописец XII века, сравнивая свое настоящее с недавним прошлым: «...древнии князи и мужи их... отбораху русския земли и ины страны придаху под ся», а сейчас «за наше несутьство навел Бог на ны поганные, а и скоты наши и села наши и имения за теми суть»².

И автор «Слова о полку Игореве», и летописец одинаково осуждают период разрозненного существования частей еще недавно единого, хотя, как оказалось, и непрочного Киевского государства. Народ в своих оценках событий прошлого выделил не этот период непрерывных междукняжеских войн и слабости перед врагом внешним, а время Киевского государства как время своего величия и силы. Народные симпатии отнесены к тому времени, когда русская земля, собранная под властью первых киевских князей из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, действительно представляла силу, грозную для врагов и в то же время дававшую возможность развитию мирного народного труда, — залог дальнейшего будущего страны.

Под Киевским периодом истории ни в коем случае нельзя разуметь период уделов с его разобщенностью отдельных княжений и княжескими усобицами, как это делают и Л. Майков, и отчасти В.О. Ключевский. Время уделов нельзя называть Киевским хотя бы по той причине, что Киева как политического центра уже тогда не было, он ступежался и решительно затерялся среди других местных центров. Напрасно В.О. Ключевский думает, что это было время, когда «киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе — о Русской земле, об общем земском деле». На самом деле эти отношения между уделами складывались совсем не так. Совсем не такую картину рисует нам глубокий знаток современных ему политических отношений, великий наш поэт, автор «Слова о полку Игореве»; летописные факты тоже говорят совершенно о другом. Если можно говорить в это время о единстве русского народа, то лишь только в смысле этническом. Политического единства, хотя бы в относительной форме Киевского государства, в это время уже не было.

¹ Слово о полку Игореве. Л.: Academia, с. 68.

² Новгородская I летопись, с. 2. 1888.

Все симпатии народа, выраженные им в былинах, относятся именно к Киевскому государству, к моменту его расцвета, т.е. к княжению Владимира Святославича.

Чтобы убедиться в этом, стоит только взять в руки былины о главных русских богатырях — Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и др. Все они современники князя Владимира, все они так или иначе с ним связаны, вместе с ним успешно выполняют основную задачу — защиту своей родной земли от внешнего врага. А почему это так, почему народ с явными симпатиями отнесся к этому времени, станет нам ясно, если мы дадим себе труд сопоставить условия жизни русского народа периода до образования Киевского государства со временем существования этого государства.

«Славяне и анты, — говорит Прокопий, — не управляются единым представителем власти, но с давних времен живут в демократии, и потому у них всякие дела решаются сообща»¹. То же подтверждает и Маврикий Стратег. Этот последний нам особенно интересен потому, что изучает славян с определенной целью: он интересуется их военной силой с тем, чтобы сделать отсюда ряд практических выводов для Византийской империи. Он пишет: «Они не имеют правления и живут во вражде между собою; у них много начальников, которые не живут в мире, поэтому полезно некоторых из них привлекать на свою сторону обещаниями или подарками, особенно соседних к границе, и при их помощи нападать на других»². Маврикий советует далее принимать меры к тому, чтобы славяне не объединились под одной властью, так как такое объединение, несомненно, усилит мощь славян и сделает их не только способными к самозащите, но и опасными для соседей, и прежде всего для самой Византии.

Киевское государство как раз и осуществило то, чего так боялся византийский политик. Под власть Киева были втянуты все восточнославянские и многие неславянские племена. Киевское государство стало обороноспособным в полной мере и грозным для своих соседей. Вражда племенных вождей прекратилась, появились условия для дальнейшего развития страны. Это, несомненно, важное достижение. Русский народ не случайно так хорошо запомнил этот период своей истории.

¹ Procopii. De bello Gotico, III, 14.

² Mauricii. Strategici, XI, 5.

Очень важно обратить внимание еще на одно обстоятельство: былины Владимирова цикла, т.е. былины о Киеве и Киевском периоде истории нашей страны, сохранены для нас не украинским, а великорусским народом. Они поются в бывших Архангельской, Олонецкой и Пермской губерниях, в Сибири, в Волжском низовье, на Дону, т.е. там, где русскому народу жилось легче, где гнет крепостного права был слабее либо его совсем не было. И этот интерес к своему далекому прошлому среди великорусского народа, эта заслуга сохранения ценнейших и древнейших фактов из жизни народной говорит нам о том, что киевская история не есть история только украинского народа. Это период нашей истории, когда складывались и великорусский, и украинский, и белорусский народы, период, когда выковалась мощь русского народа, период, который, по выражению Ключевского, стал «колыбелью русской народности». Совсем не случайно Илья, крестьянский сын из села Карачарова близ города Мурома, идет через «Вятические леса», преодолевая все опасности, в стольный Киев-град к кн. Владимиру. Несмотря на имеющиеся в нашей литературе попытки представить дело иначе и в Муроме видеть черниговский город Моровск, а в селе Карачарове — черниговский же город Карачев, былинная правда остается непоколебленной и подтверждается новыми соображениями. Соловей-разбойник, его товарищ Скворец, Дятловы горы, на которых построен был мордовский город Ибрагимов, или Абрамов, разрушенный в начале XIII в. и замененный русским городом Нижним (Горький), — все это говорит о мордовских родах, носивших названия от имен птиц. В Мордовской земле мы очень рано видим славянские поселения и среди них город Муром, один из старейших городов. Связь этого края с Киевом несомненна. Она подтверждается и летописными данными.

Итак, Киев — центр большого государства. Власть Киева простиралась на далекие пространства вплоть до бассейна Оки и Волги. Это целый период в истории последующих государств Восточной Европы.

История Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны.

Само собой разумеется, что политические успехи народов, вошедших в состав Киевского государства, — и прежде всего вос-

точных славян, т.е. народа русского, которому бесспорно принадлежала в этом процессе ведущая роль, — стали возможны только при известных условиях внутреннего их развития. Было бы очень наивно думать, что объединение восточного славянства и неславянских народов под властью Киева есть результат какого-либо внешнего толчка.

Прежде чем произошло это объединение, народы нашей страны успели пережить очень многое, успели достигнуть значительных результатов в области экономики и общественных отношений.

Все эти проблемы экономического, общественного и политического развития восточноевропейских народов, и прежде всего восточного славянства, сложные и трудные, совершенно естественно всегда привлекали внимание всех интересовавшихся историей нашей страны, а сейчас они поставлены перед нами с еще большей остротой. Их актуальность не требует доказательств: без решения этих задач нельзя получить правильного представления о русском историческом процессе в целом.

Факт серьезных разногласий между исследователями этих вопросов объясняется, прежде всего, тем, что для столь отдаленной от нашего времени поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения. С другой стороны, все эти вопросы, несмотря на то, что они касаются такого отдаленного от нас времени, имеют и имели не только чисто академическое значение, и поэтому вокруг них шла острая борьба, обусловленная национальными и политическими позициями участвовавших в ней лиц. Отсюда неизбежны различные подходы к фактам, самый выбор фактов и их трактовка.

С тех пор, как эти вопросы сделались предметом научного (даже в самом широком и расплывчатом понимании термина) исследования, они стали вызывать бурный интерес и восприняты были с большой горячностью. Труд акад. Мюллера «О происхождении имени и народа Российского» (где автор, несомненно, позволил себе умалить роль русского народа в образовании государства и его древней истории) Ломоносов встретил более чем энергичным отпором. «Сие так чудно, — пишет Ломоносов, — что если бы г. Мюллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹.

¹ М.В. Ломоносов. «Репорт» 16 сент. 1749 г. Билярский. Материалы для биогра. Ломоносова. СПб., 1865, с. 760.

Тот же, по сути дела, стиль полемики мы можем встретить и позднее. В 70-х годах XIX в. у Гедеонова, автора книги «Варяги и Русь», вырываются по адресу норманистов далеко не спокойные фразы: «Неумолимое норманнское veto, — пишет он, — тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины». «Но кто же, какой Дарвин вдохнет жизнь в этот истукан с норманнской головою и славянским туловищем?»¹ Подобных примеров можно привести много.

Неудивительно, что в полемику по жгучим вопросам древнейшего периода нашей истории внесено было много лишнего, способного запутать и усложнить и без того темный вопрос.

Я не успокаиваю себя тем, что мне удастся распутать этот сложный узел, мало склонен я и рубить его. Мне хочется только сделать попытку использовать ряд достижений в нашей науке по данному предмету и подвести им некоторые итоги. Мне хотелось бы по мере сил критически подойти к различным сторонам общественной жизни нашего далекого прошлого, проверить показания различных источников, письменных и неписьменных, путем перекрестного их сопоставления и, таким образом, попытаться найти ответы на вопросы, поставленные современностью.

Вполне понятную для древнейшей поры нашей истории скудость письменных источников наша современная наука пытается восполнить путем привлечения к решению стоящих перед нею задач новых и самых разнообразных материалов. Это — памятники материальной культуры, данные языка, пережитки самого русского народа, а также пережитки и быт народов нашего Союза, еще недавно стоявших на низших ступенях общественного развития, и пр. Но и расширение круга источников все же еще не дает нам возможности полностью разрешить стоящие перед нами проблемы и проникнуть в покрытое мраком далекое прошлое.

Археология, при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же, в силу специфичности своего материала и методов его изучения, часто бессильна ответить на ряд стоящих перед нами вопросов; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но, тем не менее, и этого недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

¹ С.А. Гедеонов. Варяги и Русь, I, с. VII и X.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные источники способны окончательно вывести нас из области более или менее обоснованных предположений. Письменный источник имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключаящую вполне законные сомнения.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере условными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей и искать в них истоки тех общественных явлений, которые никогда не переставали и едва ли когда-нибудь перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность.

В настоящих очерках рассматриваются общественные и политические отношения Древней Руси главным образом в тех рамках, в каких это позволяют прежде всего наши письменные источники. Другие виды источников привлекаются лишь отчасти и попутно.

Письменность появляется в отдельных обществах на довольно поздних ступенях их истории. Письменность у восточных славян появилась уже в классовом обществе, когда остатки родовых отношений бытовали в нем только в виде пережитков прошлого. Первые известные нам письменные памятники, договоры с греками, «Правды», летописи — связаны с интересами общества, уже порвавшего связи с родовым строем.

Договор с греками 911 г. упоминает о письменных завещаниях¹, которые могли делать русские, живущие в Византии. Если здесь можно допустить, что русские, живущие в Византии, могли писать завещания не по-русски, а по-гречески, то в договоре 945 г. русская письменность подразумевается с гораздо большей категоричностью. Русский князь обязуется снабжать своих послов и купцов, отправляемых в Византию, грамотами «пишуще сице: яко послах корабль селико». Грамоты должны служить гарантией, что послы и купцы прибывают к грекам именно от князя русского и с мирными целями.

Последнее исследование С.П. Обнорским языка договоров приводит автора к очень важному для истории выводу. Договоры 911 и 945 гг. отличаются один от другого по типу языка. До-

¹ А.А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. 39. Договор 911 года. 1916.

говор 911 г. пропитан болгаризмами, но писан он все же языком русским; в договоре 945 г. черты русского происхождения дают себя чувствовать достаточно широко. Отсюда вытекает предположение, что перевод договора 911 г. сделан болгаринном на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком; переводчиком договора 945 г. должен был быть русский книжник. С.П. Обнорский приходит к убеждению, что оба перевода сделаны были в разное время (911-й, 945 г.), приблизительно совпадающее со временем заключения самих договоров¹. Наличие русской письменности в начале X века, таким образом, становится как будто несомненным².

Господствующие классы общества на всем значительном пространстве, занятом восточным славянством, во время составления используемых мною письменных памятников, т.е. в IX—XI вв., говорили приблизительно одним языком, тем самым, который мы можем видеть в этих памятниках, — где он лишь несколько искажен последующими переписчиками, — имели общее представление о своих интересах и способах их защиты и довольно рано (первые сведения IX века) успели связать себя общностью религиозных верований с соседней Византией.

Само собой разумеется, что те крупные факты, с которыми нас знакомят письменные памятники, имеют свою собственную и часто очень длинную историю, о которой умалчивают эти источники. Самый характер некоторых памятников, конечно, исключает возможность требовать от них «историчности», поскольку они часто имели целью только зафиксировать определенный, иногда очень ограниченный комплекс явлений данного момента, носящий, как всякий подобный комплекс, следы отмирающих и вновь возникающих элементов, не всегда, однако, легко распознаваемые.

Только автор «Повести временных лет» ставил перед собой подлинно широкую историческую задачу, которая, нужно сознаться, остается не вполне разрешенной и в настоящее время. Он хотел написать ни больше ни меньше, как историю Киевского государства с древнейших времен: «Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть».

¹ С.П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», VI—VII, с. 102—103.

² Очень интересно и убедительно пересматривает вопрос о начале письменности в России акад. Н.К. Никольский. «Повесть временных лет как историч. источник». 1930.

Летописец писал свой труд с определенной целью и в определенной политической обстановке. Ему нужно было показать в истории Киевской Руси роль княжеского рода Рюриковичей.

Отсюда понятной делается и склонность его к норманизму. А.А. Шахматову удалось показать, что на первых страницах «Повести временных лет» мы имеем переделку старых преданий о начале Русской земли, освещенную сквозь призму первого русского историка-норманиста, сторонника теории варяго-руси¹.

Заранее можно сказать, что с летописной концепцией образования Русского государства нам придется очень значительно разойтись не только потому, что у нас разные с автором летописи теоретические представления об обществе, государстве и историческом процессе в целом, но и потому, что, имея перед собой определенную задачу, летописец сделал соответственный подбор фактов, для него полных смысла, для нас часто имеющих второстепенное значение, и совсем пропустил мимо своего внимания то, что для нас сейчас имело бы первостепенную ценность. Кроме того, все наши летописцы были связаны волей заказчиков, каковыми обычно являлись князья. Заказчиком той летописи, которая имеется в нашем распоряжении, был Владимир Мономах.

Летописец поместил в конце своего труда заметку о самом себе: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си, «летописець», надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимире, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета. А иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах»².

Какой заказ мог сделать Владимир Мономах своему историографу, догадаться не трудно, если только мы сумеем правильно понять политическую ситуацию момента.

Для этого нам совершенно необходимо сделать небольшой экскурс в область политических отношений второй половины XI и начала XII вв. Нам необходимо познакомиться с людьми, делавшими тогда историю, с людьми, которые писали и для которых писалась тогдашняя история.

С середины XI в. достаточно ясно определились черты надвигающегося нового этапа в истории Киевского государства. От-

¹ А.А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. XV, XXI и др. «Сказание о призвании варягов». Изв. отдел русского языка и словесности, т. IX, кн. 4, с. 285—365. Н.К. Никольский, с. 27.

² Лаврентьевская летопись, под 1110 г.

дельные части «лоскутной» империи Рюриковичей в течение IX—XI вв. настолько созрели и окрепли, так выросли их собственные задачи внутренней и внешней политики, что киевский центр с киевским князем во главе не только перестал быть для них условием роста их богатства и силы, но в некоторых отношениях стал даже помехой дальнейшему их развитию и выполнению их собственных политических целей. Призрак распада Киевского государства стал совершенно очевидным. Отдельные князья начинают чаще и чаще проявлять свои центробежные тенденции и в своих противоречивых по отношению друг к другу интересах сталкиваются между собой, делая, таким образом, неизбежными «усобицы». Но княжеские «усобицы» — это не единственная опасность, грозившая феодалам. Это время насыщено восстаниями народных масс в разных местах Киевского государства.

Летописец, не склонный уделять много внимания массовым выступлениям, все же отмечает движения 1068-го, 1071-го, 1091-го и 1113 г. Последнее, по-видимому, было особенно сильным, и растерявшиеся господствующие классы киевского общества настойчиво зовут на Киевский стол самого энергичного и властного из князей, Владимира Мономаха. Мы отчасти знаем, что киевская делегация говорила Владимиру Мономаху: она запугивала его дальнейшим разрастанием народного движения.

Итак, положение правящих кругов Киева, русских князей (к этому времени сильно размножившихся), а также бояр, представителей Церкви, купцов и ростовщиков, оказалось сложнее и опаснее, чем они себе представляли. «Минули лета Ярославля», «стрелы по земле» уже были рассеяны. Во Владимире Мономахе растерянные верхи искали своего спасения.

Владимир прибыл в Киев и стал действовать разнообразными средствами: в ход были пущены репрессии, компромиссы, обращение к общественному мнению. 12 лет сидения Владимира на Киевском столе воскресили времена, когда Киев стоял во главе государства и держал в руках власть.

Несколько слов о Киеве, Владимире Мономахе, его дяде и отце. Эти несколько слов рассчитаны исключительно на создание правильной перспективы, необходимой для оценки событий и участвовавших в них людей.

О Киеве конца X — начала XI вв. говорит Дитмар как о большом городе, в котором было 400 церквей и 8 рынков и несметное множество народа. Адам Бременский во второй половине XI в. на-

зывает Киев соперником Константинополя. Митрополит Киевский Иларион в своем знаменитом «Слове» называет Киев городом, «блистающим величием», Лаврентьевская летопись под 1124 г. говорит, что в Киеве был грандиозный пожар, причем «церквий единых изгоре близ 600». Весьма вероятно, что здесь кое-что и преувеличено, но, несомненно, во всяком случае, что Киев в XI в. — один из больших городов европейского масштаба. Не случайно ему так много внимания уделяют западноевропейские хронисты. Двор киевского князя хорошо известен во всем тогдашнем мире, так как киевский князь в международных отношениях к этому времени успел занять весьма определенное место.

Киевский детинец. VIII—XIII вв.

Ярослав Мудрый находился в родственных связях с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии. Его дочь Анна была замужем за французским королем Генрихом I и активно участвовала в политической жизни Франции (была регентшей после смерти своего мужа). Ее собственноручная подпись славянскими буквами (Ана рѣина, т.е. Anna regina) имеется на латинской грамоте, выданной в 1063 г. от имени малолетнего французского короля Филиппа I. Внучка Ярослава Евпраксия — Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) была замужем за императором Священной Римской империи Генрихом IV.

При дворе Ярослава жил изгнанник из своего королевства Олаф Норвежский, сын которого с русской помощью возвратил себе норвежский престол. При том же дворе жил и другой знаменитый викинг Гаральд, после громких военных походов в Сицилию и Италию ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он был женат на дочери Ярослава — Елизавете. Как видно из английских «Законов Эдуарда Исповедника», в Киеве у Ярослава нашли себе приют сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.

Неудивительно, что в этой интернациональной обстановке дети Ярослава научились говорить на многих европейских языках. Нам хорошо известно, что Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, говорил на 5 языках. Всеволод был женат на греческой принцессе из дома Мономахов, его сын Владимир женился на дочери последнего англосаксонского короля Гите Гаральдовне, вынужденной бежать из Англии вследствие норманнского вторжения.

Я не могу сейчас приводить многочисленные факты участия Киева в европейской жизни государств и народов. Думаю, что и приведенные мною сведения, хотя и подобранные весьма однобоко, служат ярким показателем положения Киева в тогдашней Европе.

Таким образом, Владимир Мономах, к которому нам надлежит сейчас снова вернуться, жил в очень сложной, насыщенной европейской политической атмосфере.

Он понимал толк в литературе, о чем свидетельствует его «Поучение», едва ли не навеянное соответствующими английскими образцами¹. Он очень хорошо знал и политическое значение летописи. По прибытии в Киев он уже застал здесь летопись, составленную монахом Киево-Печерского монастыря, но эта летопись Мономаха не удовлетворила.

Мы не знаем, что собственно не понравилось Владимиру Мономаху в этой летописи, почему он счел необходимым переделать ее и передать дело в другие руки и даже в другое учреждение (из Печерского монастыря в Выдубицкий Михайловский монастырь), потому что эта старая летопись до нас не дошла, но зато мы можем догадаться, чего хотел Владимир Мономах от игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

¹ М.П. Алексеев. Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. Тр. отдела древнерусской литературы, т. II. Л.: Изд. Акад. наук, 1935.

Кажется, Сильвестр справился со своей задачей, т.е. правильно понял требования момента. Владимир Мономах, во всяком случае, был доволен новым трудом и постарался выказать свое расположение к его автору: спустя два года он велел поставить его епископом своего наследственного города Переяславля, где Сильвестр и умер в 1123 г. Через его труд красной нитью проходит борьба с сепаратистскими тенденциями феодальной знати, стремление укрепить идею единства Русской земли, внедрить в сознание феодалов необходимость подчинения Киеву и киевскому князю.

Сильвестр пользовался трудами своих предшественников, где уже были даны некоторые схемы, полезные и для данного момента, нуждавшиеся только в некоторой переделке. Сильвестр мог прочитать в Новгородской летописи рассказ о том, как в Новгороде когда-то властвовали варяги и «насилъе деяху словеном, кривичем и мерям и чюди»¹, как эти угнетенные прогнали своих насильников и «начаша владети сами в себе и города ставити», как печально оказалось для них отсутствие сильной власти, когда после изгнания варягов они «всташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица и всташа град на град, и не беша в них правды»².

Мы, к сожалению, не знаем, что было написано по этому предмету в еще более старой киевской начальной летописи, тоже не дошедшей до нас. Во всяком случае, Сильвестр в своем труде вычеркнул фразу новгородской летописи о насилиях врагов, не поместил он также и рассказа о восстании новгородцев против Рюрика, но использовал из трудов своих предшественников только то, что казалось ему нужным. Отсутствие твердой власти приводит к усобицам и восстаниям. Восстановление этой власти (добровольное призвание) спасает общество от всяких бед. Спасителями общества в IX в. явились варяжские князья, в частности Рюрик. Рюриковичи выполняли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI в. снова повторились старые времена «всташа сами на ся, бысть межи ими рать велика и усобица». Призвание Мономаха в Киев летописцем, таким образом, оправдано. Отсюда следовал и логически правильный вывод: долг киевлян подчиняться призванной власти, а не восставать против нее. Усобица слишком хорошо была известна киевскому обществу второй половины XI в.

¹ Новгородская I летопись, с. 4, 1888.

² Там же, с. 5.

Понятно, почему мы должны относиться к сообщениям и рассуждениям Сильвестра весьма и весьма осторожно. Если даже он и передал нам факты насколько умел добросовестно, то использовал их в своих целях, соответственно осветив их.

Мы очень хорошо понимаем, почему летописец, поставивший в заголовке своего труда тему о происхождении киевских князей, главное свое внимание отдает Новгороду и варяжским князьям, и в частности князю Рюрику и его преемникам.

Увлеченный своей идеей и устремив все свое внимание на север, южный летописец поспешил на факты этого периода своей южной полянской истории, издавна связанной с хазарами и Византией гораздо больше, чем с варягами норманнами. Летописец — историк княжившей при нем в Киеве династии, прежде всего.

Вполне понятно, что, исполняя свою задачу, он старался показать роль не только современных ему Рюриковичей, но и далеких их предков, несомненно стараясь изобразить их в привлекательных чертах, иногда полемизируя с более правдивыми и ходячими представлениями о еще сравнительно не столь давнем прошлом, часто невыгодном для господствующего класса в целом и его верховного представителя, в частности. Положение писателя довольно понятное. Не один русский Нестор или Сильвестр находился в подобном состоянии. Английский летописец тоже, по-видимому, имел задачу облагородить происхождение власти своих королей и пользовался теми же приемами. Бритты обращаются к своим легендарным князьям с совершенно аналогичной речью: «*Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*»¹.

Имея перед собой центральную политическую задачу, летописец разрешал ее при помощи доступных ему средств. И нужно прямо сказать, что средствами этими он пользовался по-своему далеко не плохо: он знает цену источнику, он умеет хотя и своеобразно, но критически к нему относиться, умеет отделять то, что ему представляется главным, от второстепенного. Но он, конечно, человек своего времени, своей среды и хорошо понимает политическое значение своего труда. Он понимает политическую — в смысле международных отношений — ситуацию момента и совершенно ясно проявляет тенденцию, которую можно характеризовать как поворот лицом к Византии с вытекающим отсюда следст-

¹ Бестужев-Рюмин. Русская история, I, с. 98, примеч. 3, 16.

вием — затушевыванием старых связей со ставшим сейчас (после разделения церквей) еретическим и проклятым Западом¹.

В распоряжении летописца находились письменные источники — греческие, западноевропейские, русские, а также предания, личные наблюдения как над окружающей его средой, так и над славянскими и неславянскими племенами, часто в своем развитии стоявшими ниже того общества, к которому принадлежал он сам. Он настолько недурно справился со своей темой, что его схемы в основном господствовали в нашей науке до недавнего времени, а частично не лишены значения и сейчас.

Было бы, конечно, странно требовать от летописца ответа на стоящие перед нами научные проблемы, но для решения их мы не можем обойтись без его труда, этого единственного в своем роде произведения. Перед нами стоит труднейшая задача — разложить весь этот труд летописца на составные элементы и использовать их для собственных надобностей. Работа необычайной сложности. А.А. Шахматов, его ученики и оппоненты пытались это сделать и, нужно отдать им справедливость, результатов достигли значительных, хотя далеко еще не достаточных. Можно надеяться, что их продолжатели путем привлечения археологических и языковых материалов продвинули работу еще дальше.

Несмотря на то, что работа в этом направлении только начала, мы все же попробуем использовать ее для того, чтобы представить себе, насколько возможно, главнейшие этапы в развитии общества, населявшего Восточную Европу в IX—XII вв. на различных участках этой огромной территории.

Необходимо заранее оговориться, что почти все наши письменные памятники касаются, прежде всего, территории по Волхову — Днепру, т.е. территории, на которой протекали главнейшие события этого периода, и почти не затрагивают более отдаленных от этой главной магистрали пунктов. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что эти другие места, иногда более захолустные, не имели в это же время своей истории: и здесь, несомненно, текла своя жизнь, не попавшая только в своих проявлениях на страницы летописи, но, тем не менее, вскрываемая систематической работой археологии. После работ А.А. Спицына², А.В. Арциховского³,

¹ Н.К. Никольский. Повесть временных лет.

² А.А. Спицын. Владимирские курганы. Зап. Археол. общ., т. XV.

³ А.В. Арциховский. Курганы вятичей.

А.Н. Лявданского¹, Б.А. Рыбакова², В.И. Равдоникаса³, П.Н. Третьякова⁴, М.И. Артамонова и др. — мы смело можем говорить о состоянии и характере хозяйства в древнейший период нашей истории, об изживании племенного строя, о зарождении классов, о некоторых чертах классовых отношений и религиозных представлениях населения как центрального междуречья, так и областей, лежащих к западу, северу и юго-востоку от главной водной дороги, так хорошо нам известной из русских летописей, из сочинения Константина Багрянородного, византийских и западноевропейских хроник (знаменитый путь «из варяг в греки»).

Тем не менее, ввиду неполноты и несистематизированности археологических данных наше внимание все же будут больше всего привлекать не «захолустья», а именно те места на территории Восточной Европы, которые лучше и полнее других освещены, прежде всего, письменными источниками, говорящими более доступным языком, чем вещественные.

Это совершенно неизбежно еще и потому, что именно в этих пунктах общественная жизнь обнаруживает наиболее яркие показатели основных контуров интересующего нас процесса, именно здесь мы, прежде всего, можем подметить те наиболее прогрессивные явления в истории народов, населявших тогда Восточную Европу, которые мы с полным основанием можем считать ведущими.

Что же мы хотим знать? С какими вопросами собираемся мы подходить к страницам нашей летописи, к древнейшим памятникам материальной культуры и другим историческим источникам?

Перед нами все та же, еще до сих пор не решенная проблема, которую ставил перед собой 900 лет тому назад наш первый историк, автор «Повести временных лет»: откуда пошла Русская земля, как она развивалась, через какие этапы своего роста она достигла настоящего своего состояния?

¹ А.Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. ун-в., т. III, в. 3.

² Б.А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археалогіі, т. III, Беларуская Акадэмія навук, Інст. гісторыі, Мінск, 1932.

³ В.И. Равдоникас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологич. данных. Основн. проблемы генезиса и развития феодального общества, с. 102—130. ГАИМК. 1934.

⁴ П.Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Вост. Европе, изд. ГАИМК. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», № 4.

Не углубляясь пока в так называемое «доисторическое» прошлое Восточной Европы и касаясь только частично истории тех народов нашей страны, которые в своем развитии опережали славян и находились с ними в самых разнообразных формах общения, мы намерены главным образом остановиться на вопросах образования и истории Киевского государства с тем, чтобы вскрыть главные моменты этой истории, общественные силы, ее творившие, условия, при которых она протекала.

Государство могло образоваться только тогда, когда распался родовой строй, когда на смену родовым отношениям пришли классы со своими противоречивыми интересами и сложными взаимными отношениями. Это нам хорошо известно. Мы только не можем точно ответить на вопрос, когда именно это происходило.

Однако если мы лишены возможности найти точные даты этих крупнейших фактов (в таком же положении неизбежно находится историк любой страны), у нас есть возможность произвести ряд наблюдений, по которым мы можем хотя только приблизительно, но все же наметить время этих важнейших сдвигов в истории народов, населявших и населяющих нашу страну. И письменные, и не письменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы он ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет. Поэтому очень важно расчистить почву для решения основной задачи, твердо и четко установить главные положения, предпосылки дальнейшего исследования. И этой предпосылкой, прежде всего, является определение характера той общественной среды, которая подлежит нашему изучению.

В этой плоскости вопрос о системе и способах хозяйства в период распада родовых отношений, образования классового общества и формирования государства, о преобладании тех или иных отраслей его для нас не может быть второстепенным. А так как по этому предмету в нашей литературе имеются серьезные разногласия, то я считаю необходимым в первую очередь разобраться в этих противоречивых мнениях.

Еще писатели XVIII в. никак не могли сговориться о том, с чего начала Древняя Русь. В то время как кн. Щербатов или Шлецер готовы были рисовать наших предков X столетия «дикарями», чуть ли не бегавшими на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались просвещенными европейцами в стиле того же XVIII в. Щербатов объявил древних жите-

лей России прямо «кочевым народом». «Хотя в России прежде ее крещения, — говорит он, — и были грады, но оные были яко пристанища, а в протчем народ, а особливо знатнейшие люди упражнялись в войне и набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жили»¹. «Конечно, люди тут были, — рассуждал Шлецер, — Бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли леса...». «Неправда, — возражал Щербатову и Шлецеру Болтин, — руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы»². Этот спор в несколько иной форме перешел и в XIX в. и дожил до XX в. В.О. Ключевский, М.В. Довнар-Запольский и Н.А. Рожков, с одной стороны, с другой — М.С. Грушевский, М.К. Любавский, Ю.В. Готье и М.Н. Покровский в XX в. еще продолжали спор о том, чем и как занимались славяне в древнейшую известную нам пору своего существования, что было основной экономической базой их существования. М.С. Грушевский, Ю.В. Готье, в значительной степени М.К. Любавский и, наконец, весьма решительно М.Н. Покровский настаивали на том, что основой древнеславянского хозяйства было земледелие, между тем как В.О. Ключевский, М.В. Довнар-Запольский и Н.А. Рожков считали земледелие совершенно второстепенным занятием и на первое место выдвигали охоту на пушного зверя.

В последнее время С.В. Бахрушин занял в этом вопросе позицию компромиссную³.

Совершенно очевидно, что это — проблема величайшей важности, от правильного разрешения которой зависит в значительной мере и ответ на основной вопрос, стоящий в данный момент перед нами.

¹ М. Щербатов. История Российская, т. I, с. 11, примеч. 1794.

² М.Н. Покровский. Русская история с древн. времен, т. I, с. 1—2.

³ С.В. Бахрушин считает, что земледелие у приднепровских славян существовавшее и раньше, приобрело господствующее значение только с XI в. См.: «Историк-марксист», кн. III, с. 168. 1937.

II

МЕСТО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

«История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в черноземном среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом крае основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов, и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народнохозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиваться там, где было наиболее природных условий для ее развития, а где развивалась успешно, там ее успехи были искусственны...»¹ Давно уже и наша археология и историческая наука в целом начали указывать на «неестественность» и «искусственность» этого построения Ключевского, но, тем не менее, у многих представителей нашей науки этот предрассудок еще продолжает держаться (Довнар-Запольский, Лященко, Рожков). С особенной силой выступил на защиту этого положения Н.А. Рожков. Он сде-

¹ В.О. Ключевский. Боярская дума Древней Руси, изд. 5, с. 11. 1919.

лал попытку обосновать его целым арсеналом документальных доказательств, и, конечно, это обстоятельство обязывает нас ближе присмотреться к самому предмету и к системе защиты положений, выдвинутых недавно умершим историком.

По его мнению, земледелие в древнейшей Руси не только не господствовало, но и не было даже очень важной отраслью хозяйства.

«Кий, Щек и Хорив¹ по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами. Северяне платили дань хазарам по шкурке белки с дыма. Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной кунице с дыма.

По словам арабского писателя Ибн-Хардадбе, жившего во второй половине IX в., русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц, т.е. продукты звероловства. В 945 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ними договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом, мехами. То же самое обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга. Ей же приписывается устройство княжеских «ловищ», т.е. приспособлений для охоты на зверей в землях древлянской и новгородской, и «перевесищ» — приспособлений для ловли птиц — по Днепру и Десне. Древляне, осажденные Ольгой в Коростени, предлагали ей дань «скорою», т.е. мехами. По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха»². Дальше тот же автор делает указания на пчеловодство и рыболовство, снабжая свои рассуждения ссылками на соответствующие места многочисленных источников. И, тем не менее, согласиться с такими положениями автора невозможно.

Легенда о Кие, Щеке и Хориве использована Н.А. Рожковым не совсем верно. Летописец приводит три варианта сведений о них и особенно о первом из братьев. Сам летописец отдает предпочтение последнему варианту, по которому Кий является князем, путешествует в Византию и принимает там «велику честь... от царя». И мы не можем не согласиться в данном случае с летописцем: из всех трех версий предположение о том, что Кий был у полян одним из князей, подобных тем, о которых говорит Маврикий Стратег или которых упоминает летописец, наиболее вероятно.

¹ Цитирую Рожкова как автора, более детально аргументирующего эти положения.

² Н.А. Рожков. Русская история, т. I, с. 76—77.

Стало быть, звероловство здесь весьма сомнительно. Платеж дани мехами, конечно, говорит только о наличии мехов и об их ценности, и больше ни о чем¹. Необходимо, наконец, пересмотреть и обычное понимание некоторых слишком хорошо знакомых и традиционно толкуемых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что «козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма». Но не правильнее ли будет читать «по беле и веверице», где «бель» будет серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представятся нам в другом свете². Для решения этого вопроса совершенно необходимо в первую очередь обратить внимание не на предметы, которыми покоренное население облагалось в виде дани, а на единицу обложения. Это есть дым, или дом, рало, плуг. Дым, или дом, — это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица. Плуг или рало говорят сами за себя. Все эти термины, в сущности, обозначают одну и ту же единицу обложения, в основе которой лежит сельское хозяйство.

Вятичи в 964 г. говорили Святославу: «Козаром по щяльгу от рала даем». То же видим и несколько позднее: в 981 г. Владимир «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше»³. Мы имеем, правда, несколько более позднюю расшифровку этой земледельческой единицы обложения. Гельмольд (XII в.), рассказывая о западных прибалтийских славянах, между прочим, сообщает, что «существует у оботритов епископская подать, которая заменяет десятину, а именно: от каждого плуга, т.е. от двух волов или одного коня — мера хлеба, 40 мотков льна, 12 нумм доброй монеты (XII nummi probatae monetae)...»⁴

¹ Св. Мариан, основатель монастыря в Регенсбурге (в 1075 г.), был у киевского князя Святослава и от него, а также и от других знатных лиц «богатеящего города Киева, получил в подарок драгоценные меха ценою в 100 фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург». Эти меха там были проданы, и на вырученные деньги сооружена монастырская крыша. Vita S. Mariani. М.Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Пост. ист.-арх. комиссии, 34, с. 22.

² В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побересть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснятин, пойма на них дань: черные куны и бель сребро, и вдасть ему...»

³ Лаврентьевская летопись, под 964 и 981 гг.

⁴ Helmoldi. Chronica Slavorum, lib. I. Monumenta Germaniae histodca, t. XXI, p. 21.

Если единица обложения в данном обществе получила свое происхождение от главного пашенного орудия производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим.

Эти наши соображения мы можем очень хорошо проверить, если сопоставим приведенные факты с предметами материальной культуры, постоянно находимыми при раскопках.

В этом отношении у археологов нет разногласий.

В своей работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» археолог В.В. Хвойка делает опыт подведения итогов многочисленных данных археологических раскопок в Среднем Поднепровье, т.е. в районе для нас особенно интересном, поскольку здесь образовался центр «варварского» русского государства. Не только для «славянской эпохи» (терминология В.В. Хвойка. — Б.Г.), но и для периодов более ранних В.В. Хвойка с уверенностью говорит о господстве здесь земледелия. «Итак, мы видели, — подводит итоги Хвойка, — что обитатели Среднего Приднепровья славянской эпохи знали многие отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда местного населения. Первенствующая роль принадлежала все-таки земледелию и скотоводству. Это подтверждается весьма частыми находками сельскохозяйственных орудий — железных паральников, мотыг, серпов, кос и др. орудий, находимых в городищах и могильниках этого времени, а также и находками огромного количества зерен хлебных злаков, нередко хранившихся в особых помещениях. В жилищах, как обнаружило исследование древних построек, уничтоженных пожаром, в отделении, соседнем с жилым помещением, нередко оказывались целые слои поджаренных хлебных зерен — пшеницы, ячменя, ржи и проса; иногда они находились в деревянных обгоревших кадках и бочках. В некоторых случаях, напр. в Шарковском (Шаргородском) городище, хлебные зерна были обнаружены в специальных зернохранилищах, устроенных в отделении, находившемся по соседству с жилым помещением. Зернохранилища эти представляли собой круглую выкопанную в желтой материковой глине яму со сводчатым верхом, в котором находилось отверстие; стенки такой ямы были докрасна обожжены»¹. «Славянскую эпоху» В.В. Хвойка начинает после «великого переселения народов», т.е. его наблюдения идут в глубь веков — задолго до образования Киевского государства.

¹ В.В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, с. 61. Киев, 1913.

Оказывается, та же картина характерна не только для Среднего Поднепровья.

Едва ли не самым замечательным археологическим открытием наших дней следует считать раскопки П.Н. Третьяковым укрепленного поселка в устье р. Сонохты, впадающей в Волгу, в 20 км ниже устья р. Шексны вблизи дер. Березники. Раскопки производились в 1934—1935 гг. Поселок возник приблизительно в III—IV вв. нашей эры, погиб вследствие большого пожара около IV—V столетия. В этом укрепленном поселке 11 построек, из коих 5 жилых изб, 1 большое общественное здание, 2 помещения, связанных с производством и обработкой металла, 1 ткацкая изба, 1 помещение для хранения и размола зерна и 1 — погребальное.

Для нас в данном случае весьма важно отметить, что люди этого поселка питались хлебом и занимались подсечным земледелием, о чем свидетельствует не только наличие особой хлебной избы, но и орудий производства: специальные топоры для срубания деревьев, серпы, зернотерки. Какие именно хлебные злаки здесь возделывались, установить не удалось. Зато по косвенным данным устанавливается культура льна, из которого ткали полотна. Рядом с земледелием тут имеются явные следы и других отраслей хозяйства — охоты, рыболовства, добычи и обработки металла, прядения, гончарного дела, работы по дереву и др. Перед нами, очевидно, коллектив родственников, ведущих свое многостороннее хозяйство¹.

Работа П.Н. Третьякова одним этим объектом изучения (Березники) не исчерпывается. Он раскопал много поселков в Верхнем Поволжье и более позднего времени (VII—IX вв.) и пришел к выводу, что земледелие господствует в этом районе безраздельно и что характер земледелия постепенно меняется. Подсека, т.е. земледелие досошное, постепенно сменяется сошным, пашенным. Оснащенной железным наконечником сохе предшествует деревянное рало. Лошадь, которая в старое время употреблялась в пищу, в связи с этими переменами становится необходимой для земледелия тягловой силой и служит пищей лишь в очень ограниченной мере. Этот перелом в технике земледелия, т.е. переход от подсечного к пашенному земледелию, падает, по наблюдениям автора, приблизительно на VII—VIII вв.

¹ П.Н. Третьяков. Доклад в группе истории Академии наук СССР 26 апреля 1938 г.

Вместе с тем он отмечает и перемену в формах поселений. На смену укрепленным городищам идут неукрепленные, но зато более крупные поселки, причем родственные коллективы сменяются коллективами, объединяемыми общностью хозяйственных интересов.

Вопрос об этнической принадлежности населения этих поселков, для данного случая не первостепенный, мы оставляем пока в стороне.

В 1929 г. украинский археолог А. Федоровский раскопал Донецкое городище в 7 км от Харькова, у с. Карачевки, на правом берегу р. Уды. Это городище более позднего времени — XI—XII вв. Тут мы имеем уже не подсеку, а настоящее пашенное земледелие. А. Федоровский нашел здесь полный ассортимент хлебных злаков (просо, рожь, ячмень, пшеницу мягкую и твердую, гречу), а также лен и мак, нашел жернова, зернотерку, четыре серпа. Но самое главное, на что он в своем отчете обратил особое внимание, — это то, что вся поверхность селения покрыта ямами разной глубины, предназначенными для хранения зернового хлеба. Он раскопал около 80 таких ям, и это еще не все, так как раскопки не закончены. Стенки этих ям тщательно выглажены, кое-где заметны следы лопат, кое-где видны следы глины и извести, имеются остатки березовой и сосновой коры, которой выстилались когда-то эти ямы. В целом ряде ям были обнаружены обуглившиеся зерна хлебных злаков. «Русская Правда» и летопись тоже упоминают о таких хлебных ямах¹. А. Федоровский относит их к древнейшему слою своих раскопок XI—XII вв. Автор пробует объяснить огромное количество этих ям тем, что ими можно было пользоваться только определенное, ограниченное время, так как в них разводились бактерии, портившие хлеб, после чего приходилось яму забрасывать и делать новую. Весьма вероятно, что догадка автора имеет основание, но нельзя не сделать дополнительно и другого заключения о том, что здесь мы имеем доказательства господства сельского хозяйства в данном районе вообще и, в частности, в данном селении. Иначе нельзя объяснить заботы об устройении этих ям и их количества.

Ассортимент хлебных злаков говорит о том же². Совершенно очевидно, что земледелие и на этой территории существует не со вчерашнего дня, что для развития всех перечисленных культур

¹ «Оже крадут гумно или жито в яме...» «Правда Русская», Карамз. список, ст. 40.

² Хроника археологии та мистецтва, ч. I, с. 5—10. Всеукраинская Академия наук. Киев, 1930.

требуется время, измеряемое не десятилетиями, а столетиями¹. Что эти находки А. Федоровского не исключительны и что Харьковский район в этом отношении не единственный, видно из археологических данных раскопок и более старого периода, и современных.

В раскопках северянских курганов Самоквасов давно уже отмечал факты, вполне подтверждающие это наблюдение Федоровского и сообщения летописи. И там серпы и три сорта хлебных зерен указывают, по его мнению, на земледельческий быт северян². К таким же выводам приходят и Гамченко на основании раскопок в урочище Струга³ и Антонович по данным раскопок древлянских курганов⁴. Раскопки селения Райки (10 км от Бердичева) подтверждают то же. Эти раскопки замечательны тем, что дают нам не случайно сохранившийся вещевой материал, а полный домашний обиход населения, катастрофически погибшего в начале XIII в. Тут мы имеем полный ассортимент орудий сельского хозяйства: лемехи разных типов, серпы, косы, путы для лошадей; большое разнообразие хлебных злаков: просо, овес, рожь, горох, вика, а также мука, пшено, конопля и мак. Большое количество цилиндрических замков говорит о том, что мы имеем дело с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками — имущественным неравенством и специфическими преступлениями. То же мы имеем по Роси, в так называемой Княжьей горе, поселения, относимом археологами к XI—XII вв. Здесь найдены различные орудия производства с преобладанием сельскохозяйственных (177 предметов), среди них имеются плуги.

Исследователь Ковшаровского городища (Смоленской губ.) говорит о сельском хозяйстве здесь в XI—XIII вв. совершенно определенно: «Главным занятием жителей было сельское хозяйство». Найденные в городище обуглившиеся (от пожара) зерна, главным образом ячменя (2—3 вида), меньше овса (1—2 вида) и пшеницы, мотыги с серпами и жерновами служат этому ярким подтверждением. Не найдено лишь остатков сохи, которая, несомненно, уже существовала. Возделывали и лен, отпечатки ткани из которого хо-

¹ За разъяснения, данные мне по этому предмету, приношу большую благодарность Н.И. Вавилову.

² Д.Я. Самоквасов. Северянские курганы. Тр. III археол. съезда, т. I, с. 219 и др.

³ Чтения в историч. общ. Нестора Летопис., кн. XIII.

⁴ В.Б. Антонович. Раскопки в стране древлян // Мат. по археолог. России, № 11, с. 15. СПб., 1893.

рошо сохранились на обожженной глине. Несомненно, были, но не сохранились и огородные растения. Были и домашние животные (лошадь, корова, овца, свинья, собака и пр.), кости которых найдены в городище. Хлебные зерна, найденные в этом городище, были обследованы специалистом К.А. Флаксбергом¹, который пришел к заключению, что здесь возделывались, главным образом, яровые хлеба и больше всего ячмень, но он же подчеркивает, что отсутствие ржи среди зерен, найденных в раскопках, не позволило ему высказаться относительно сельского хозяйства более определенно.

Конечно, отсутствие точных данных о сохе и об озимых хлебах, если оно не случайно, наводит на мысль о более отсталой системе земледелия, чем в Киевщине и в Волжско-Камском районе, где сошники найдены в слоях X в., и, может быть, даже в Новгороде. Впрочем, сам А.Н. Лявданский² не сомневается, что в XI в. соха с железным наконечником в Смоленщине уже известна. Приблизительно то же мы имеем и в земле радимичей, недавно подвергшейся тщательному обследованию Б.А. Рыбакова. На основании изученных им раскопочных материалов около 150 курганов он приходит к весьма определенному выводу о том, что земледелие было основным занятием радимичей, что они стремились занять наиболее плодородные черноземные части территории. Охота составляет едва заметное занятие, которое не оставило в курганных раскопках никаких следов.

Автор указывает также на то, что здесь сеялись не только хлебные злаки, но и технические культуры, и прежде всего лен. Дань, платимая радимичами по одной шкурке с дыма, тоже говорит о ничтожных размерах охотничьего промысла. Сторонников теории о господстве здесь охоты не спасает и обычно приводимый ими относящийся к 1150 г. факт платежа смоленскому епископу десятины лисицами, так как и в XVI в., когда относительно места земледелия в хозяйстве этого края уже нет споров, мозырский наместник продолжал собирать с населения мед и «по лисице с каждого дыма». За время X—XII вв. здесь, правда, не найдено металлических сошников; в изобилии имеются топоры, серпы, косы-горбуши. Отсюда можно было бы сделать вывод о преобладании подсечной системы, что не противоречило бы нашему представ-

¹ К.А. Флаксберг. Хлебные зерна из Ковшаровского городища, Гриневской вол., Смоленского уезда. Там же, с. 250—254.

² А.Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3, с. 247. Смоленск, 1926.

лению о радимичах и вятичах как о племенах отсталых в своем развитии по сравнению с другими славянскими племенами. Красочное изображение летописцем этих лесных жителей, живущих «зверинским обычаем», хорошо известно всем. Необходимо, однако, иметь в виду, что Б.А. Рыбаков не обследовал радимичских городищ, а изучал только могилы. Работы того же Б.А. Рыбакова над археологическими материалами дреговичей, в своем развитии недалеко ушедших от радимичей, позволяют говорить более решительно о пашенном земледелии или, во всяком случае, о более высоких формах подсечной системы у дреговичей даже в IX в., если не раньше¹.

Недавние раскопки В.И. Равдоникаса на границе новгородских владений с Карелией говорят о той же роли земледелия даже для северного района. М.И. Артамонов имел поэтому полное основание в одной из своих последних статей заявить, что «вопреки распространенному среди некоторых историков мнению, у славянских и финских племен Восточной Европы еще задолго до возникновения Русского государства земледелие было важнейшим видом хозяйственной деятельности»².

Данные языка говорят о том же: уже в глубокой древности в славянском языке имеются термины, свидетельствующие, что славяне прекрасно знакомы с хлебными злаками, огородными овощами и сельскохозяйственными орудиями производства.

Археологические и лингвистические данные вполне согласуются со сведениями древнейшей «Правды Русской». Отправляющемуся в служебную командировку вирнику полагалось «взяти 7 ведер солоду на неделю, также овен, либо полоть или две ногате, а в среду резану, в три же сыры; в пятницу тако же. А хлеба, поскольку могут ясти, и пшена; а кур по две на день; кони 4 поставите и сути им на рот (овса), колько могут зобати». Дальше еще имеется разъяснение относительно продуктов для вирника и его помощников: «Борошна, колько могут изъести». Перед нами продовольственная обычная норма для командированного сборщика податей и штрафов. С другой стороны, и отклонения от этой нормы обнаруживают то же первенствующее значение хлеба. Крайнее

¹ Б.А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археалогіі, т. III, Беларуск. Акадэмія наук, Інст. гісторыі. Мінск, 1932 (также выступление 28 октября 1934 г. в заседании МОГАИМК).

² М.И. Артамонов. Археологические исследования в СССР // «Правда» от 7 февраля 1938 г.

ограничение в пище обычно в таких случаях изображается как переход на хлеб и воду. Антоний Печерский «яды хлеб сухой, и того черес день, и воды в меру вкушая»¹.

Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которого основана, прежде всего, на земледелии. Хлеб — основная пища людей, как овес — лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов.

«Обилие» в наших старых письменных памятниках обозначает, прежде всего, изобилие хлеба, продовольствия. «Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, воста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве, кто обилие держит»². Из дальнейшего видно, что под обилием действительно разумелся хлеб прежде всего. В духовной новгородца Климента XIII в. читаем: «Даю за все то два села с обильем, и с лошадьми, и с бортью...»³ Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям, фразу «земля наша велика и обильна», безусловно, имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия. В уже цитированной выше «Правде» детей Ярослава середины XI в. мы имеем изображение княжеского хозяйства, по крайней мере настолько полное, чтобы не оставить в нас сомнения относительно земледельческой базы, на которой оно покоится. За сообщаемыми «Правдой» деталями ясно проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т.е. жилые и хозяйственные постройки, княжеские слуги различных рангов и эксплуатируемое население — смерды, рядовичи, изгои и закупы (последняя категория взята из «Пространной Правды», но у нас нет никаких оснований думать, что она возникла лишь тогда, когда составлялась эта «Правда») и обыкновенные рабы. Среди хозяйственных построек либо прямо называются, либо с очевидностью подразумеваются — клеть, конюшня, коровий двор, хлев, помещение для сена и дров. Называются следующие детали сельского хозяйства: рогатый рабочий скот (волы) и лошади, скот молочный и мясной («говядо»), овцы, свиньи, козы; из птиц — голуби, куры, утки, журавли, лебеди. Имеются некоторые данные об организации сельского хозяйства: сельский староста и ратайный староста,

¹ Ипатьевская летопись, с. 110. 1871.

² Лаврентьевская летопись, под 1071 г.

³ М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, с. 118. 1908.

очевидно, наблюдатели за сельскохозяйственными работами. Упомянуты поля, разграниченные межами. Нарушение межи карается самым высоким штрафом — «А иже между переорет... то за обиду 12 гривен» (ст. 33). Предполагается, что кто-то заинтересован в расширении своей пашни за счет соседа, под которым в данном случае разумеется князь. Кто же мог, прежде всего, покуситься на чужую межу, как не земледелец-смерд, уже ставший нуждаться в земле и уже успевший почувствовать стеснение в еще недавнем праве ее свободного использования? О росте княжеского, боярского, церковного землевладения я буду говорить ниже¹.

Классическое изображение смерда-земледелца в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде (1103 г.) нам хорошо известно. Здесь смерд изображается в качестве мелкого непосредственного производителя, владеющего орудиями сельскохозяйственного производства, усадьбой, инвентарем живым и мертвым и пр. Смерды — самая многочисленная группа населения Киевской и Новгородской Руси. Все они, прежде всего, земледельцы.

Вполне понятным делается и обращение кн. Ольги к древлянам, записанное в Лаврентьевской летописи под 946 г. (не большая беда, если летописец этот рассказ снабдил подробностями, взятыми из обихода современной ему жизни): «Вси ваши гради предашася мне и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя, а вы хотите измрети гладом».

Относительно голодовок у нас имеется достаточное количество сведений, из которых с совершенной ясностью вытекает, что земледелие есть основное и главное занятие деревенского населения.

«Том же лете вода бяша велика в Волхове, а снег лежа до Яковлева дня; а на осень уби мороз вершь всю (т.е. хлеб) и озимице и бысть голод и церес зиму ржи осьминка по полугривне»². «Стояста 2 недели полне, яко искря гуце, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дождь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уйме жит и сена не уделаша...»³ «Том же лете стоя все лето ведром, и пригоре все жито, а на осень уби всю ярь мороз. Еще же за грехи наши не то зло оставися, но паки на зиму ста вся зима теплом и

¹ Отсюда, конечно, не следует, что в той же «Правде» Ярославичей не может быть статей, особенно вставленных позднее, касающихся предметов и не только княжеского хозяйства.

² Новгородская I летопись, под 1127 г.

³ Там же, под 1145 г.

дождем, и гром бысть; и купляхом кадку малую по 7 кун. О велика скорбь бяше в людях и нужда»¹. «Той же осени найде дождь велик и день и ночь на Госпожькин день, оли и до Никулина дни не видехом светла дни, ни сена людей бяше льзе добыты, ни нив делати»². «Изби мраз на Въздвиженье честного креста обилье по волости нашей, а оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривн, а в дворех по 30, а пшенице по 40 гривн, а пшена по 8, а овес 13 гривн. И разидеся град наш и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, а останок почаша мерети»³.

Не остается никаких сомнений, что неурожай есть общенародное бедствие: не только деревня страдает от него, но и городской житель вынужден терпеть «скорбь велику и нужду», если по тем или иным причинам не родился хлеб. Необходимо обратить внимание, что эти факты, взятые из летописей, касаются Новгородской земли.

Самое серьезное внимание необходимо обратить на различие нашими источниками озими и яри. Это говорит о пашенном устойчивом земледелии, весьма возможно, о двухпольной, а может быть, и трехпольной системе.

Конечно, с первого взгляда может показаться, что все эти факты относятся только к XI—XII вв., что, может быть, в несколько более раннее время (IX—X вв.) дело обстояло иначе. Эти сомнения разрешают показания иностранцев и археологии, которые вполне подтверждают наши наиболее ранние письменные свидетельства. Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что «славянская земля (имеются в виду западные и отчасти восточные славяне) обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне — народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ». Восточные документы свидетельствуют, что славянский лен в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент⁴. Под 997 г. в Лаврентьевской летописи помещен рассказ об осаде Белгорода. Старик советует осажденным горожанам собрать «аче и по горсти овса или пшенице или отруб» для того, чтобы устроить кисельный колодезь и обмануть неприятеля. Предполагалось, что эти продукты имеются у большинства

¹ Новгородская I летопись, под 1161 г.

² Там же, под 1228 г.

³ Там же, под 1230 г.

⁴ А.Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал Баби. Виз. врем., т. XXV, с. 62.

населения даже во время осады, рассчитанной на голодный измор осажденных. Маврикий Стратег, писатель конца VI в., сообщает, что у славян много проса и пшеницы. В IX в. не только упоминается, как говорит Рожков, рало (или плуг) у вятичей, но оно стало там, как мы видели, единицей обложения. В «Правде Русской» (Пространной) из произведений сельского хозяйства называются пшеница, жито, горох, пшено, полба, ячмень. В «Вопрошании Кириковом» — горох, соцевица, пшеница и овощи. В церковном уставе середины XI в. записано: «Аще муж иметь красти конопля или лен или всяко жито». Араб Ибн-Русте (первая половина X в.), рассказывая о жатве у славян, дает понять, что земледельческие продукты были главной пищей их (особенно они любили просо, о чем говорят также Маврикий и Лев Мудрый). У Льва Диакона мы встречаем известие, что император Цимисхий по договору со Святославом 971 г. дозволил Руси привозить в Грецию хлеб на продажу. Менандр, византийский писатель VI века, сообщает о том, что у антов имелись поля, подвергшиеся опустошению со стороны войск византийских. Хлеб и мясо — это, по словам Константина Порфирородного, обычная жертва славян, а значит и пища, и, конечно, не новая, а весьма старая, потому что жертвенный ритуал есть освященная вековыми обычаями традиция.

Вообще известные нам факты относительно дохристианской религии славян говорят о земледельческом культе по преимуществу. Солнце и земля, два главных божества во всяком земледельческом культе, имеются и у славян. Они даже считают себя «Дажь-божьими внуками», а землю называют своей матерью. Ранняя история христианства на Руси еще раз подтверждает земледельческий характер хозяйства древних славян IX—X вв.: та синкретическая религия, которая образовалась в результате принятия христианства, не носит на себе почти никаких существенных налетов тотемизма, что для концепции Ключевского — Рожкова было бы необходимо. Христианские понятия и представления заменили собой элементы именно земледельческого культа: весна превратилась в Богородицу, приезжающую на Благовещение на сохе, святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца. Особенно Егорий: он «жито родит», «ярь засекает», «горох сеет и на поле первый бог»¹. Молиться

¹ М.Н. Никольский. Ист. русск. церкви, с. 50—51 и др., изд. 2-е.

славянин привык под «овином»¹ и т.д. То же можно наблюдать и у пруссов, непосредственных соседей восточных славян.

Протестуя против водворяемого среди них христианства, они говорят своим миссионерам, что из-за них земля прусская перестанет давать жатву, деревья — плоды, животные — приплод².

О земледелии как хозяйственной основе жизни древнеславянского общества говорит и славянский календарь, возникший еще в родовом строе во время господства огневой подсечной системы земледелия. Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ, и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, — называется сечень, второй, когда срубленные деревья подсыхают, — сухой, третий, когда сожженные деревья превращаются в золу, — березозол, четвертый — травень, дальше идут — кветень, серпень, вресень (от вресци — молотить)³. Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь.

М.С. Грушевский объясняет противоречия в показаниях византийских писателей относительно состояния земледелия у славян тем, что, по его мнению, эти писатели сталкивались со славянскими пограничными поселениями, население которых, в обстановке колониционного движения среди постоянных опасностей, отставало от форм более культурной жизни славян, живущих вдали от византийских границ. «Источники, которые знали славян в нормальной обстановке, — говорит Грушевский, — на насиженных местах, показывают у них широко развитую земледельческую культуру, положившую свой глубокий отпечаток на весь славянский быт». «Правда, — продолжает тот же автор, — такие источники мы имеем за более позднее время — X и даже XI вв., но такое широкое развитие земледелия показывает, что мы имеем дело не с каким-нибудь новым, а очень старым культурным достижением»⁴.

Решительно поддерживая точку зрения М.С. Грушевского на роль земледелия в Древней Руси и допуская, что М.С. Грушевский не ошибается в объяснении этих «противоречий», я все же думаю, что можно объяснить их и иначе. Если более старые писатели говорят о славянском земледелии в очень скромных выражениях

¹ Дополнения к актам историческим, относ. к России (ДАИ), I, № 1.

² Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1897.

³ Н.М. Карамзин. История Государства Российского, т. I, изд. Смирдина, с. 72—73, примеч. 159.

⁴ М. Грушевський. Історія України-Русі, т. I, с. 128, изд. 2-е, 1904.

(один из них, Прокопий, даже утверждает, что «оба народа [славяне и анты. — Б.Г.] живут в худых, порознь рассеянных хижинах и часто переселяются»), а более поздние свидетельства дают картину настоящего пашенного земледелия, не проще ли здесь видеть прогресс в технике славянского земледелия и вытекающие отсюда вполне понятные следствия?

Итак, все имеющиеся в нашем распоряжении факты решительно противоречат утверждению Ключевского — Рожкова о том, что земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства. Для Рожкова это явствует, как мы видели, из того, что в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты «добывающей промышленности — меха, мед и воск». Рожков прав в том, что «богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе», но этот факт не служит аргументом в пользу основного утверждения автора. Хлеб стал «богатством» гораздо позднее, в тот момент, когда феодальные отношения совершенно явственно стали обнаруживать признаки своего разложения, — в конце XVIII в. и особенно в XIX в. — но и сам Рожков не станет отрицать, что земледелие было главным занятием сельского населения и в XV—XVII вв. в Московском государстве, в то время, когда пушнина, несомненно, продолжала оставаться самым выгодным и преобладающим русским товаром на европейских и азиатских рынках.

Мне кажется, что в наших источниках нет данных для того, чтобы признать основные положения Ключевского, Рожкова и их последователей доказанными. В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси основным занятием населения было земледелие.

Пушная охота явилась в сколько-нибудь развитом виде следствием внешней торговли, причем охота эта могла стать большим промыслом только на севере, так как в средней полосе и, особенно, на юге не могло быть пушного зверя, способного по своей ценности конкурировать с пушниной севера.

III

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материальное производство есть основа общественной жизни, средства труда являются также и показателями общественных отношений, при которых совершается труд. История общества не может быть построена без изучения именно этой стороны исторического процесса.

Однако, выделяя иногда ради технического удобства исследования историю материального производства в особую отрасль нашей науки, мы никогда не должны забывать, что исторический процесс представляет собой комплексное единство, где все части его взаимно обусловлены.

Только при таком понимании задач специального исследования истории техники можно ожидать от этих работ научных достижений, способных пролить свет на уже исчезнувшие периоды истории изучаемого общества. Нужно сказать больше: 1) письменные памятники есть исторический источник, довольно поздний по времени возникновения; 2) в течение долгого периода существования письменности ею пользуются далеко не часто, и много сторон жизни, таким образом, остается не зафиксированными письменностью и 3) с течением времени, благодаря самым разнообразным обстоятельствам, письменные памятники исчезают, унося с собой в вечность забвения многие очень интересные страницы протекшей жизни..

Отсюда ясно, что для того, чтобы заглянуть в далекое прошлое, нужны не только письменные источники. Памятники материального производства, язык, заключающий в себе пережитки

древнейших эпох, фольклор должны быть привлечены к разрешению исторических проблем, и не только для времени, не освещенного письменностью, но и для более правильного и отчетливого понимания самих письменных памятников, так как нам хорошо известно, что одни и те же слова на протяжении своей длинной жизни не всегда обозначают одно и то же.

Для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций останки средств труда имеют такое же значение, как останки костей для изучения организации исчезнувших видов животных. Следовательно, и в поставленной в данном случае задаче исследования техники сельского хозяйства раннего периода в истории Древней Руси необходимо иметь в виду всю сложность и взаимную обусловленность единого общественно-экономического процесса, необходимо иметь в виду, что, изучая сельское хозяйство и его технику в историческом развитии, мы изучаем, собственно говоря, базу общественного развития в целом, конечно, если мы согласимся с тем, что сельское хозяйство было господствующим у наших предков задолго до образования государства. Задача, таким образом поставленная, — а иначе она ставится едва ли может, — приобретает колоссальное значение и делается ответственной задачей для решения основных проблем исторического развития общества. Само собой разумеется, что одной постановкой вопроса, даже если она и совершенно правильна, вопрос еще не решается.

Необходимо подлинное его изучение, которым, однако, до сих пор не занимались.

М.Н. Покровский сделал первую попытку связать эволюцию техники сельского хозяйства Древней Руси с отдельными этапами в истории общественных отношений¹, но, как мы сейчас увидим, его построения и выводы не могут считаться правильными и требуют серьезного пересмотра.

М.Н. Покровский, связывая технику сельского хозяйства с общественными отношениями, представлял себе эволюцию этой техники в трех этапах — подсека, перелог, трехполье, причем время победы трехполья он обозначал XV—XVI вв., в зависимости от района (в Новгородской земле раньше, чем в центре Московского государства). Подсека и перелог делали невозможной прочную

¹ М.Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, вып. I, с. 71, 74, изд. 3-е.

оседлость крестьянина, трехполье ее требовало. Крестьянина, по мнению Покровского, прикрепило к земле и к владельцу трехполье¹. Здесь, безусловно, верно устанавливается принципиальная связь техники сельского хозяйства с общественными отношениями. Остальные положения требуют значительных поправок. Прежде всего, это относится к устанавливаемому Покровским чередованию систем сельского хозяйства. Определенное сомнение возбуждает также предлагаемая им датировка этих этапов. Наконец, необходимо указать и на то, что крестьянская крепость не механически вытекала из состояния техники в данный момент. Имею основание полагать, что сам автор этих положений не всегда думал так прямолинейно, как это может показаться с первого взгляда.

Ввиду важности предмета позволю себе привести несколько соображений того же автора, высказанных им в других местах его произведений. В книге 1-й четырехтомника он говорит: «Что правнук русского крестьянина часто умирал очень далеко от того места, где был похоронен его прадед, — это верно, но очень поспешно было бы делать отсюда вывод, что прадед и правнук при своей жизни были странствующими земледельцами, смотревшими на свою избу как на что-то вроде гостиницы», «Древняя Русь исходила из представления о крестьянине как более или менее прочном и постоянном обитателе своей деревни. Кто хотел бродить, тот должен был спешить сниматься с места, иначе он сливался с массой окрестных жителей, которых закон рассматривал, очевидно, как оседлое, а не как кочевое население. Словом, представление о древнерусском земледельце как о перехожем арендаторе барской земли² и об оброке как особой форме арендной платы приходится сильно ограничить, и не только потому, что странно было бы найти современную юридическую категорию в кругу отношений, так мало похожих на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактам. Делиться с баринном продуктами своего хозяйства крестьянин, очевидно, должен был не как съемщик барской земли, а по каким-то другим основаниям. Для феодализма как всемирного явления это основание западноевропейской исторической

¹ М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. 1 и 2, с. 41. 1931.

² Здесь М.Н. Покровский имеет в виду мнение Ключевского о крестьянине как о «вольном и перехожем съемщике чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда» (Курс русской истории, ч. 2, с. 389, изд. 3-е).

литературой указано давно. В ней давным-давно говорится о процессе феодализации поземельной собственности»¹.

Но дело в том, что М.Н. Покровский в более поздней своей работе утверждает совершенно обратное: «Что касается самих крестьян, то их нельзя в это время было назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне в это время не было. Как мы сейчас указали, земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки этих лесов, сжигали их, устраивали там пашню. Когда эти места переставали давать урожай, крестьяне передвигались на другие. Таким образом, население тогдашней России постоянно передвигалось с места на место. Очень редко внук крестьянина умирал на том месте, где родился дед, и даже в течение своей жизни крестьянину приходилось переменить несколько, может быть даже не один десяток, пашен. При такой подвижности населения господствующему классу не было никакой выгоды закреплять это население к какому-нибудь одному месту. Крестьяне были прикреплены к земле и к владельцам только гораздо позже, когда стало тесно, земли стало меньше и появилось правильное хозяйство, сначала переложное, потом трехпольное»². Следовательно, одно из этих мнений должно быть нами отвергнуто, так как совместное их существование немыслимо. Я считаю, что у нас имеются все данные так же энергично поддержать первоначальное представление М.Н. Покровского об оседлости крестьянина, как и отказаться от его же теории бродяжничества.

Тут все ясно. Крестьянин осел и обзавелся своим собственным мелким хозяйством, стало быть, техника сельского хозяйства позволила это сделать, а затем уже оседлый мелкий земледелец стал объектом эксплуатации, которая без зависимости от землевладельца, как бы мы ее ни называли, невозможна. Таким образом, мы и со стороны требований современной историографии подходим к необходимости исследовать настойчиво поставленный, но не всегда верно и точно разрешаемый вопрос.

¹ М.Н. Покровский. Русск. ист. с древн. времен, т. I, с. 33—34, изд. 3-е. Некоторые поправки в свою трактовку вопроса о возникновении крепостного права в России Покровский внес в более поздней своей работе «Марксизм и особенности исторического развития России», с. 84.

² М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, с. 29, 1933.

В вышедшей в 1927 г. статье А.В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» тоже подчеркнута это социологическое значение изучения эволюции орудий производства, хотя положения автора требуют дальнейшего обоснования и проверки.

К сожалению, у А.В. Арциховского не было в руках достаточного материала для решения задачи применительно к истории России, и по необходимости ему пришлось пользоваться фактами римской истории. Появление колесного плуга в Италии, по его мнению, совершает переворот в земледелии и, в свою очередь, становится гранью в истории общественных отношений¹.

Об этом же в 1937 г. высказался другой исследователь технической эволюции в римском земледелии, М.И. Бурский. Он тоже считает чрезвычайно важными для дальнейшей эволюции общественных отношений изменения в технике земледелия. Но он указывает на то, что при изучении техники римского земледелия нельзя забывать специфических общественных отношений в Риме.

«Усовершенствование плуга и широкое распространение его было для дальнейшего развития производства необходимым и в то же время в условиях рабства невозможным. Невозможным потому, что раб, которого хозяин отличал от неодушевленного орудия труда, *instrumentum mutum*, только как орудие, одаренное речью, как *instrumentum vocale*, давал почувствовать орудиям труда, что он человек, дурно обращаясь с ними и с истинным сладострастием подвергая их порче». «Усовершенствованный плуг, если бы он даже широко распространился, оказывался в руках раба, в конечном счете не более, если не менее, производительным, чем старый, и, во всяком случае, менее производительным, чем старый плуг в руках свободного крестьянина или колона»². Введение новых, более усовершенствованных орудий земледелия было, следовательно, возможно, по мнению автора, только при условии изменения общественных отношений в Риме.

Работа П.Н. Третьякова «Подсечное земледелие в Восточной Европе» является в нашей историографии первой попыткой подойти к разрешению этой большой проблемы применительно к России. Мне кажется, что этот опыт нужно считать в основном удачным. По крайней мере, главные выводы автора кажутся впол-

¹ Труды социологической секции РАНИОН, с. 133.

² Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве, с. 78—79. 1937.

не убедительными. Подсечное земледелие в том виде, как его рисуют материалы, связано с переходным этапом в истории классового общества патриархальной семейной общины. Соха и борона, орудия нового этапа в истории сельскохозяйственного производства, вырастая в условиях подсечного земледелия, окончательно сложившись, в свою очередь, в соответствии с общим ходом развития производительных сил, дают начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему. Важнейшей предпосылкой эволюции сохи явилась возможность использования скота в качестве тягловой силы.

Попробуем обратиться к подлинным свидетельствам нашей древности.

При скудости наших источников по этому предмету, конечно, приходится пользоваться не только прямыми свидетельствами, но и косвенными намеками, все же помогающими уяснить систему сельского хозяйства.

Прежде всего, необходимо указать, что подсека в качестве господствующего способа земледелия в IX—XI вв. для некоторой части Киевщины исключается. Более длительное ее бытование было возможно лишь на севере, в Новгородской земле, и на северо-востоке, в бассейне Волги-Оки.

Леса на юге были выжжены и вырублены довольно рано, и чем южнее, тем их становилось меньше, пока степь не делалась господствующей. В степях подсеки быть не может. Скифы, которые давно вдоль Днепра занимались земледелием, не выжигали леса для устройства своих пашен. Если бы это было иначе, Геродот не преминул бы об этом упомянуть. Их орудия производства говорят о том же. У них было предание, что с неба упали — золотые плуг, ярмо, секира и чаша. Благодаря этому небесному дару скифы научились пахать. Плуг для подсеки не нужен.

Что касается нашей страны в более позднее время, то имеющиеся у нас сведения — пока исключительно археологического характера — говорят о том, что к X—XI вв. топор в качестве главного орудия подсечного земледелия сменяется сохой даже на севере. Для Киевской земли эту дату нужно отодвинуть далеко назад, быть может, к скифскому времени.

Нужно, однако, сказать, что раскопки со специальной целью изучения истории земледелия в нашей стране начались очень недавно, и материал, добытый археологами, еще не достаточно систематизирован. Сейчас можно говорить только о некоторых сто-

ронах дела, пролагающих пути к решению задачи, но еще не дающих ее полного разрешения.

Несомненно, что территорию, занятую восточным славянством в Европе, необходимо разбить на пояса, различающиеся по свойствам климата, почвы и растительного покрова, и трактовать каждый из них в отдельности. Затем необходимо установить связь между системой землепользования, качеством орудий, производства и общественно-экономической стадией в развитии данного общества. Необходимо помнить, что всякое новое разделение труда имеет свои особые орудия производства и что средства труда представляют характерные отличительные признаки каждой определенной эпохи общественного производства.

Для наших целей, прежде всего, необходимо разделить территорию, занятую восточным славянством, по признаку наличия леса. Лесной север и значительная часть центра в этом отношении представляют, естественно, одну полосу, отличную от другой, южной, где леса мало или нет совсем.

Север представляет в известный период общественного развития страну подсечного земледелия, тогда как безлесный юг дает возможность на первых ступенях развития земледелия вести залежную или переложную систему.

Не нахожу нужным изображать здесь подсечную систему в целом, но считаю все-таки необходимым указать на основную экономическую основу этой системы. Для своего осуществления она требует значительных человеческих коллективов, так как отличается большой трудоемкостью (на десятину около 45 дней мужских и женских), во владении этого коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше площади ежегодного посева, срок пользования участками очень невелик — 3—4 года. Эта система может обходиться без тягловой силы животного¹. Из этого видно, что обычная крестьянская семья не может справиться с подсекой как основной системой хозяйства. Перелог при подсечной системе хозяйства — это не система. Отдыхающее поле зарастает лесом и превращается снова в лядину, требующую повторения процедуры выжигания, хоть и облегченным способом. Стало быть, перелог в лесных местах — не особая стадия в развитии сельскохозяйственных систем, а переход к полевому пашенному земледелию. Настоящий перелог мы можем наблюдать только в степных пространствах.

¹ П.Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе, изд. ГАИМК.

К сожалению, мы не имеем по этому предмету специальных исследований. Однако мне кажется, мы можем понять переложную систему, по крайней мере в основных, наиболее характерных чертах, наблюдая ее у современных нам степных народов. В частности, я имею в виду земледелие казахов XIX в.

Оно описано в материалах по киргизскому землепользованию «экспедицией» по исследованию степных областей Тургайской области. Совершенно очевидно, что буквально переносить эти наблюдения на причерноморские степи невозможно, но, безусловно, можно найти здесь ряд условий, которые мы должны учесть и при решении нашего специального вопроса.

Вследствие обилия обширных площадей и плодородия почвы казаху-земледельцу нет необходимости употреблять какие-нибудь сложные приемы для обработки своих пашен. Одна вспашка степи часто обеспечивает урожай на несколько лет. Впервые подняв целину и посеяв на ней хлеб, земледelec распахивает ее на другой год только в том случае, если не надеется без обработки получить хороший урожай, в противном случае семена только забораниваются и земля не трогается плугом или сохой. Таким способом часто сеется хлеб на одной и той же площади из года в год до тех пор, пока он не начинает совершенно заглущаться сорными травами.

Заброшенная залежь поднимается при первой возможности, если есть надежда получить с нее урожай, так как залежь распахать вообще легче, чем степь. Так поступает земледelec до тех пор, пока земля перестает давать хорошие урожаи. Обычно снимают подряд 5 хлебов: 1) просо или пшеницу, 2) пшеницу, 3) пшеницу, 4) овес, 5) овес.

Пашня обрабатывалась обыкновенными сабанами (купленными в земских складах вскладчину), какими пахут казаки и крестьяне. Сабаны и бороны покупались в Кустанае, Троицке, Арске и в ближайших поселках и часто приобретались артелями земледельцев, состоявшими из двух, трех, редко из пяти человек. В среднем на одно сеющее хозяйство по уезду приходилось по 1/2 сохи и по 1/2 бороны. Казахи IV административного аула Кумакской волости говорили, что они помнят время, когда очень часто 10 хозяев складывались сообща и покупали один сабан; ко времени обследования уже каждый зажиточный земледelec стремился завести свой собственный сабан. В силу этого большинство пахало «супрягой», т.е. вскладчину. Два-три земледельца вместе покупали сабан и вместе пахали: кто умел пахать — ходил за сохой, другой сеял,

третий являлся погонщиком и т.д. Кто выставлял больше быков или лошадей, тот распахивал для себя больше. Вообще каждый распахивал и засеивал себе особый участок, так как «урожай зависит от счастья». При такой комбинации, когда в артель вступал хозяин, у которого не было скота, но был сабан, — ему выделяли одну пятую часть всего вспаханного его орудием.

Супрягой мог пахать только тот, кто имеет не менее 2 быков. Если имелся только один бык, удобнее было отдать его в «маин», на весеннюю пахоту, за что можно было получить 1/2 десятины, засеянной просом или пшеницей.

Большинство казахов-земледельцев (61,2% общего числа) обрабатывало свои пашни супрягой, 22,7% пахало самостоятельно, 10,9% — посредством найма и 5,2% — смешанно. В последнюю категорию входили также хозяева, нанимавшие пахать казахов или русских, имевших собственные орудия, но пахавших скотом хозяина; сюда же входили те, кто одну часть пашни обрабатывал своим трудом или супрягой, а другую распахивал русский, «исполу».

Таким образом, только последние две категории земледельцев, составлявшие в сумме 16,1% от общего числа, прибегали к наемной силе при обработке пашни, другие же, составлявшие 83,9%, обрабатывали пашню самостоятельно или артелью¹.

Из наблюдений над подлинной жизнью казахов и над системой их земледелия с несомненностью вытекают следующие положения: 1) подсека здесь невозможна, 2) переложная система — единственно возможная при наличии большого количества свободной земли и при условии кочевания со стадами. Если устранить последнее условие, система земледелия должна будет измениться и превратиться непременно в двухполку или трехполку.

Итак, лесной север переходит к полевому хозяйству от подсеки через особого рода своеобразный перелог, степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же полевому пашенному земледелию.

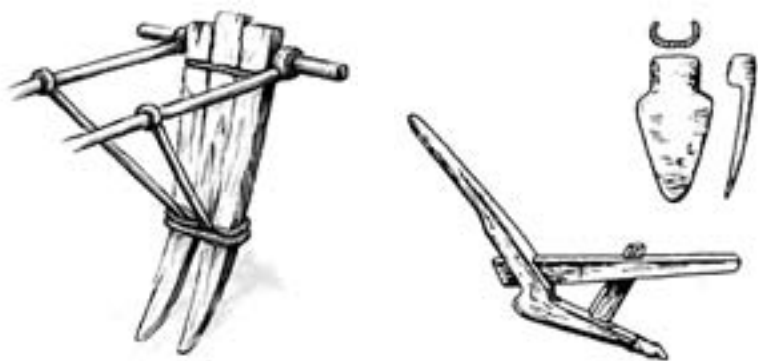
Орудия производства при этом разные и история их не одинакова.

На севере появляется трезубая соха, разрыхляющая и бороздящая выжженное из-под леса поле. Дальнейшая история сохи заключается в уменьшении количества зубьев и в появлении лемеха.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайской области, Кустанайского уезда, т. V, с. 124—127, 131.

Это орудие следует связывать с новым видом земледелия — двухполкой и трехполкой, где при наличии унавоживания стали необходимы орудия, отваливающие пласты земли.

На юге история пашенного орудия прodelывает свою собственную эволюцию: мотыга — рало — плуг.

Соха и рало

Относительно тягловой силы, впрягаемой в рало, что-нибудь определенное сказать трудно; весьма вероятно, что это были волы, но не исключается и лошадь. Северная соха предпочитает лошадь. Может быть, и разнообразие систем самого рала также стоит в связи с тягловой силой. Во всяком случае, рало — плуг выросли в совершенно других конкретных условиях, чем соха.

Ясно, что условия подсечного земледелия не соответствовали этим новым орудиям производства, как не соответствовал родовой строй новой общественной формации. Эта новая формация, базирующаяся на мелком крестьянского типа сельском хозяйстве, могла появиться только при условии господства индивидуально-мелкого земледелия, где орудия производства и техника труда должны были находиться в полном соответствии с орудиями производства и тягловой силой прирученного животного.

Орудия обработки земли развиваются в той же закономерности.

О Киевской земле и Поднепровье говорить не приходится: техника земледелия здесь, весьма вероятно, связана со скифами. Что же касается северо-запада и северо-востока, то первые железные сошники в раскопках появляются в Волго-Камском районе в эпоху

формирования болгарских городов. Они известны также и в местах, являющихся периферией этого феодального образования. Все это сошники двузубых сох, хотя в Болгарах найдены также части плугов. Что касается северного и западного районов нашей страны, то железные лемехи появляются там также не ранее X—XI вв. В обследованных А.Н. Лявданским¹ и его сотрудниками в верховьях Днепра городищах — число которых равно многим десяткам, если не сотням — ни разу не был найден сошник, находили лишь косы, серпы и мотыги, хотя сам Лявданский и не переставал надеяться, что сошники здесь будут найдены.

Дальнейшие археологические работы, несомненно, дадут нам более изобильный и еще более убедительный материал. Но и сейчас мы можем говорить определенно о том, что приблизительно к X в. в лесной полосе по территории, орошаемой Днeпром с притоками, Ловатью, а весьма вероятно и в бассейне Волхова уже стали пахать землю сохой с железным наконечником, т.е. здесь стало развиваться пашенное земледелие. Это не значит, что оно сразу убило подсеку, но это значит, что появился более прогрессивный способ обработки земли, которому предстояло будущее. Подсека стала системой, обреченной на медленное умирание. Таким образом, техника сельского хозяйства поднялась на большую высоту, и тем самым положено было основание для серьезных перемен в земельных отношениях, т.е., в конечном счете, для весьма серьезного переустройства общественных отношений².

Посмотрим, что говорят по этому предмету наши письменные источники.

Начнем с древнейшей редакции «Правды Русской».

Обычно принято думать, что древнейшая недатированная часть так называемой краткой «Правды» не содержит в себе никаких данных об отношении отображенного там общества к земле. Если рассуждать формально, то это, конечно, так. Но если мы вдумаемся в то, что говорит эта древнейшая «Правда», если мы попытаемся конкретно представить себе, как жили те люди, о ко-

¹ А.Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, ч. 3.

² Мои как будто ясные соображения С.В. Бахрушин понял иначе. «Б.Д. Греков, — пишет он, — остался при своем прежнем мнении, что уже в IX—X вв. в Приднепровье господствовало безраздельно пашенное земледелие, к которому население перешло еще с незапамятных времен, миновав земледелие подсечное» // «Историк-марксист», кн. III, с. 168. 1937.

торых говорит «Правда», то мы едва ли сможем удовольствоваться обычно принимаемыми в нашей науке первыми внешними впечатлениями.

Несомненно, эта «Правда» говорит главным образом о «мужах», под которыми не трудно вскрыть дружинную рыцарскую среду в обычном понимании термина. Тут мы имеем рыцаря-мужа с его неразлучным спутником — боевым конем и оружием, с которым рыцарь тоже не расстается, наконец, с его одеянием. Что эти мужи существуют не со вчерашнего дня, видно из того, что в их среде успел вырасти и окрепнуть условный кодекс рыцарской чести, обычный в этой среде для всей Европы.

Но мы прекрасно знаем, что западноевропейское рыцарство своими корнями уходит в землю. Его кормят крестьяне, сидящие на его земле, оно входит в состав класса землевладельцев-феодалов, землей оно связано с деревней, с общиной, в каких бы отношениях оно к ней ни стояло.

И, конечно, у всякого исследователя древнерусской жизни естественно возникает вопрос о том, как живут «мужи» древней «Правды Русской». На этот вопрос наши исследователи отвечают по-разному либо вследствие неясности предмета предпочитают никак на него не отвечать. Но мы должны согласиться с тем, что этот вопрос слишком важен, чтобы обходить его молчанием. Если состояние источников не позволяет нам ответить на вопрос точно, то мы не вправе игнорировать и неясные намеки источников. Они требуют комментария.

В древнейшей «Правде», в ст. 13, читаем: «Аще поймет кто чужь конь, любо оружие, любо порт, а познает в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду»¹.

Поскольку здесь речь идет о тех же «мужах», интересы которых отображены в тексте этой «Правды», на что также указывает и перечень предметов (конь, оружие, порт), характерных именно для «мужей»-рыцарей, на нас лежит обязанность объяснить, в какой связи находятся «мужи» и «миры».

Тут есть стороны дела совершенно несомненные и вытекающие из них более или менее обоснованные предположения: 1) мир — это, несомненно, община; 2) община имеет определенные границы, которые учитываются законом при разыскивании про-

¹ Все ссылки на статьи «Правды» сделаны по новому академическому изданию «Правды», «Правда Русская», 1939 г.

павших вещей; это тоже совершенно ясно; 3) тот, кто ищет свою пропавшую вещь, т.е., по нашему предположению, муж-рыцарь, связан со «своим миром». Это хотя и предположение, но его не трудно обосновать.

В чем именно выражается эта связь, мы из данного текста не видим, но что она есть, это очевидно, потому что мир по отношению к «мужу» называется в «Правде» его миром, т.е. тем миром, с которым он связан, в котором, по всей видимости, он и живет. Мне думается, что до некоторой степени помочь нам в разрешении загадки могут и другие статьи той же «Правды». Статья 17, хотя она, быть может, и не одновременного с первыми статьями происхождения, говорит о господине, владеющем «хоромами», в которых скрывается ударивший «свободного мужа» холоп. Этот господин достаточно силен, чтобы оказать сопротивление тем, кто разыскивает скрывающегося холопа. Перед нами встает вопрос о том, где стоят эти хоромы, где живет их господин. Можем ли мы игнорировать здесь наличие миров-общин? Думаю, что самая простая гипотеза, способная помочь в уяснении конкретного смысла этих статей, заключается в том, что «господин» и «муж» — это два термина, которые обозначают одно и то же понятие, что все действие происходит на территории «мира», т.е. в общине, хотя, быть может, и не совсем в одно и то же время.

В городе или в деревне — это в данном случае все равно, потому что города, кроме нескольких наиболее крупных, в это время еще не совсем обособились от «мира». Город в «Пространной Правде» не случайно противопоставляется хоромам. («А кто сам своего холопа досочитя в чеем любо городе или в хороме...» — ст. 114 Карамз. сп.)¹

Эволюция соотношения между мирами и городами заключается в том, что по мере внутреннего развития городов, по мере роста их экономического и политического значения они становятся во главе миров, и самый термин «мир» заменяется в таких случаях термином «град». Именно в этом смысле летопись упоминает древлянские грады, которые успели сдать Ольге и приступили к своему обычному занятию («делают нивы своя»). Этим же объясняется и факт отсутствия термина «град» в древнейшей

¹ Хотя есть основание думать, что Карамзинский список является компилятивным, но чтение «в храме» встречается также и в одной редакции «Пространной Правды», имеющей, несомненно, архаические черты (Археографический II сп., ст. 114. Акад. изд., ср. Юшков С.В. «Правда Руська», с. 152, ст. 100).

«Правде», где он поглощается термином «мир», и замена термина «мир» в позднейшей «Правде» XII в. словом «град»: «Аще кто конь погубит или оружие или порт... а последи познает в своем граде, а свое ему лицом, взята, а за обиду платити ему 3 гривны» (ст. 34 «Пространной Правды», Троицк. IV сп. 2 Ср. ст. 13 «Правды» Ярослава)¹.

Приблизительно в таком же смысле употребляется термин *grod* и в Польше.

Итак, наиболее вероятное объяснение ст. ст. 13 и 17 древнейшей «Правды» позволяет нам представлять себе дело так: мужирыцари связаны с мирами-общинами, живут на их территории, где и стоят их крепко сложенные хоромы, способные защитить своего хозяина.

Если это так — а едва ли более вероятное предположение возможно, — то возникает дальше вопрос о челяди, которой владеют «мужи». Что делает в господской усадьбе челядь?

Для тех, кто убежден, что в это время наши предки занимались «охотой и торговлей», неизбежно предположение, что эта челядь ходит с луками по лесам, стреляет белок и куниц с тем, чтобы доставить «скору» своему хозяину, который ждет своих челядинцев с охотничьей добычей и готовит лодьи для отправки мехов на далекие заграничные рынки.

Для тех, кто думает, что мужи-дружинники этого времени живут данью с покоренных народов и не интересуются ни землей, ни хозяйством, челядь вообще не объяснима: ее некуда приткнуть.

Для тех же, кто считает такую картину несоответствующей показаниям всех наших источников, кто считает, что основное занятие наших предков в эти древние времена было земледелие (подсечное и пашенное), неизбежно заключение, что челядь, пре-

¹ Ср. со ст. 36: «А оже будет в одном граде, то ити исцу до конца того свода...», ст. 39: «А из своего города в чюжую землю извода нет...» В ст. 114 «чей либо город» противопоставляется «хоромам». Здесь город, несомненно, укрепленная усадьба. «Город» в смысле округа понимал, как мне кажется, совершенно правильно еще Эверс. «Град первоначально, — писал он, — на славянском наречии означает место, потом огражденное, т.е. укрепленное место, *castrum*. См. Трехязычный Лексикон и Церковный Словарь. Очевидно, под сим словом должно разуметь не одни только сии места, но и зависящие от них земли и угодья... В России (до XVIII столетия) под именем города, получаемого каким-нибудь боярином для управления, понимаема была целая полоса земли, от него зависящая и часто довольно значительная». См.: И.Ф.Г. Эверс. Древнейшее русское право в истор. его раскрытии. Пер. И. Платонова, с. 24, прим. 1, СПб., 1835.

жде всего, работает на земле, обрабатывает землю и своим земледельческим трудом кормит своего хозяина-господина-мужа-рыцаря. Это заключение полностью подтверждается «Правдой» Ярославичей, где вотчина с ее сельским хозяйством изображена с такой ясностью, что ее может не видеть только тот, кто не хочет ее видеть. Игнорировать вопрос о том, когда успела возникнуть эта вотчина, к XI в. представляющая собой полную картину крупного земельного владения с явным преобладанием сельского хозяйства, невозможно. Десятилетиями такие процессы не измеряются. Тут необходимы столетия¹.

Стоит заглянуть внимательно в «Правду» Ярославичей, чтобы убедиться в том, что тут действительно изображено княжеское хозяйство, княжеская усадьба с полями, устойчиво существующими. «Пространная Правда» называет орудия производства уже не подсечного, а пашенного земледелия. Аппарат управления княжеской вотчины тоже говорит о том, что здесь мы имеем не подсеку, а настоящее полевое хозяйство.

В некоторых списках «Пространной Правды» имеется статья: «А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьные земли 30 кун без трею кун, такоже и от ролейные земли, а от свободы 9 кун (ст. 109 Троицк. IV сп.). Под ролейной землей, являющейся в данном случае предметом спора, разрешаемого на суде путем присяги, конечно, разумеется земля пашенная.

Посмотрите, с какой осторожностью относится население к княжескому полю. Иноки Киево-Печерского монастыря вместе со своими прихожанами выбирают место для постройки каменной церкви. Собралась значительная толпа, которая ходила около «близь прилежающего» княжого поля, не рискуя, однако, на нем остановить свой выбор, хотя место было самое подходящее для их намерений. Случайно проезжавший здесь князь Святослав заинтересовался собравшейся толпой, спросил «что творят ту» и, узнав, в чем дело, очевидно неожиданно для присутствующих, потому что автор этой повести (составитель жития Феодосия Печерского) объясняет этот поступок тем, что князь «яко от Бога подвижен» был, отдал свое поле монастырю под постройку церкви.

¹ С.В. Бахрушин держится того мнения, что только в XI в. земледелие приобретает господствующее значение и что до этого времени князья и боярство интересуются не пашенной землей, а промысловыми угодьями // «Историк-марксист», ук. соч., с. 168—169.

Термин «поле» в наших древних письменных памятниках имеет много значений: пашня, луг, пустое пространство земли вообще, степь и др. В каком именно смысле упомянуто поле в этом тексте, точно сказать трудно. Во всяком случае, этот участок земли, лежащий близ Киева, имел определенные границы и представлял собой значительную ценность (иначе бы монахи не относились к нему так осторожно).

Если он и не был распахан в то время, что как будто и подтверждается некоторыми деталями рассказа, то он рассматривался как участок, годный для пашни или для какого-нибудь иного хозяйственного назначения.

Настоящие пашенные поля мы можем видеть в жалованной грамоте 1146—1156 г. кн. Изяслава Мстиславича подгородному Новгородскому Юрьеву монастырю. Граница жертвующей монастырю земли там обозначена так: «А завод той земли от Юрьевской границы Простью вверх и с Прости возле Ушковскую ораницю по верхней стороне... От Юрьевского межника логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую ораницю логом да по конец логу промеж ораницы Юрьевской Ушкова поля да в Просты»¹. Ушково поле, по-видимому, здесь то же самое, что и Ушкова ораница, а ораница есть не что иное, как систематически вспахиваемое поле. Нельзя серьезно проводить границу и указывать на ней признаки случайные, не имеющие установившейся топографической точности.

Следует обратить внимание на тщательность, с какой проводятся и фиксируются в документах этого времени границы земельных владений вообще: «А обвод той земли от реки от Волхова Виткою ручьем вверх до Лющик, да Лющиком до кресту, а от креста до коровей прогон, а коровьим прогоном на ольху, а от ольхи на еловый куст, а от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым вниз, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов, а той земле и межа»².

Если эта грамота справедливо считается подновленной и, быть может, даже подложной³, то никаких упреков нельзя сделать одновременной с ней грамоте кн. Изяслава Мстиславича, где мы видим

¹ Грамота кн. Изяслава Мстиславича 1148 г. Изв. Акад. наук по Отд. русск. яз. и слов., т. VIII, с. 354.

² Купчая Антония Римлянина, до 1147 г. Хрестоматия М.Ф. Владимирского-Буданова, вып. 1.

³ С.Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Вспомогат. ист. дисц. Сб. статей, с. 285—318, 1937.

не менее подробные указания на границы жертвующей монастырю земли¹. Грамота князя Всеволода, несколько более ранняя, имеет те же особенности².

С полной отчетливостью о межах между пашенными участками говорит «Правда» Ярославичей: «А иже между переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне» (ст. 33). В «Пространной Правде» эта статья расшифрована с еще большей ясностью: «Оже между перетнеть бортную, или релейную между разореть, или дворную тыном перетащить, то 12 гривен продажи» (ст. 83). Здесь мы имеем различные виды частной собственности, разграничиваемой межами: бортный участок леса, участок пашенной земли, дворовый участок.

Очень интересна терминология правонарушений по отношению к различным объектам: бортную между можно «перетнуть», релейную «разорать», дворную «перетынить». Не буду останавливаться на смысле этого разнообразия и точности в терминах. Я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что важнейший документ середины XI в., фиксирующий общественные отношения на данном этапе их развития, совершенно точно и определенно указывает на наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам, разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после штрафа за убийства. Выше приведенные факты жалованных и купчих грамот находят себе подтверждение обобщающего характера. Участки с установившимися межами, к тому же рассматриваемые параллельно с дворами, едва ли могут быть участками выжженного под пашню леса.

«Орать» в только что цитированных документах, по-видимому, обозначало вспахивать землю не в смысле простого разрыхления земли после сожжения на ней леса. В этом смысле мы имеем как будто довольно точное разъяснение этого термина в Лаврентьевской летописи. Древнерусский проповедник, желая прославить в. кн. Владимира I, так изображает нам процесс подготовки земли: «Якоже бо се некто землю разореть, другъщ же насеет, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудну, тако и съ: отец бо его Володимер землю взора и умягчи, рекше крещением просветивсь же насея книжными словесы, сердца верных людии, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное»³. О сжигании леса ни звука.

¹ Изв. Акад. наук по Отд. русск. яз. и слов., т. V—III. с. 354.

² Там же.

³ Лаврентьевская летопись под 1037 г.

Совсем не похоже на то, что нам изображает «Калевала». Когда ее герой Вейнемейнен собирался заняться земледелием, то с этой целью предварительно:

На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
Сеет он по рвам березы...
Высоко растут деревья...
Затем, когда
Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый...
Старый верный Вейнемейнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал он их на поле,
Порубил он все деревья...
И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;
Превращает рощи в золу...
Только тогда
Он идет засеять землю,
Он идет рассыпать семя...
В итоге всей его работы
Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы,
Вейнемейнена трудами...¹

Очень интересно сравнить в этом отношении русские былины. Тут мы подсеку видим редко. Микула Селянинович пашет сохой.

Как орет в поле оратай посвистывает,
Сошка у оратай поскрипывает,
Омешки по камешкам почиркивают...
А бороздочки он да пометывает,
А пень-корень вывертывает,

А большие-то каменя в борозду валит.
У оратай кобылка соловая,
Гужики у нее шелковыя,
Сошка у оратай кленовая,
Омешки на сошке булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

Исследователь этой былины о времени ее составления пишет: «Судя по обстановке, в которой встречаются князь и пахарь, тип самого Микулы и само сказание должны быть признаны в основе довольно ранними: это время старого строя Руси, когда существовало еще «полюдь»¹, о котором действительно много говорится в былине. Нужно подчеркнуть и место действия в былине. Это типичный северный пейзаж, по-видимому, новгородский, с его почвой, насыщенной валунами.

Илья Муромец на своей родине в селе Карачарове после своего чудесного исцеления помогал своим родителям в крестьянской работе. В некоторых вариантах этой былины говорится, что Илья помог им корчевать лес под пашню. Но есть вариант и иной, указывающий на подсечную систему земледелия:

Пошел Илья ко родителю, ко батюшке
На тую на работу, на крестьянскую.
Очистить надо пал от дубья-колодья;
Он дубье-колодье все повырубил...²

«Пал» — это выжженный участок леса под посев. «Дубье-колодье» — это остатки леса, не успевшие сгореть: их надо удалить из земли.

Но этот вариант былины с упоминанием «пала» можно понимать и иначе. С благодарностью принимаю замечание Ю.М. Соколова о том, что вариант этот позднего происхождения (XVII—XVIII вв.) и что в нем видны северные и более поздние наслоения. На севере «пал» как остаток старинного способа земледелия был известен и в начале XX в.

¹ Памятники мировой литературы. Русск. устная словесность, т. II. Былины, с. 4—5. Изд. Сабашникова. 1919.

² Былины, с. 27. СПб.: Изд. т-ва «Огни», 1911.

¹ «Калевала». Руна вторая. Пер. Л.П. Вельского, изд. Academia, с. 8—12, 1933.

Стало быть, память о подсеке, несомненно, жила, а в некоторых районах Восточной Европы в X в. и подлинная подсека еще практиковалась, что и подтверждается нашим археологическим материалом. Но все же характерно, что в Поволховье Микула Селянинович самым настоящим образом пашет без всякой подсеки и что П.Н. Третьяков в своем исследовании Верхнего Поволжья уже для VIII в. подсеки не нашел.

Весь былинный эпос говорит, во всяком случае, о стране, где пашенное земледелие — господствующее занятие населения.

Никакой подсеки не видим мы и в проповеди Кирилла, епископа Туровского (XII в.). Он рисует картину пахоты, несомненно, с натуры: «Ныне ратаи слова, словесныя оуныця к духовному ярьму проводяще и крестное рало в мысленых браздах погружающе и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыплюще, надежами будущих благ веселится»¹. Здесь тоже полное отрицание подсеки. Не видим мы ее и в известном описании битвы в «Слове о полку Игореве», где битва дана в земледельческих образах. В прославлении кн. Владимира совершенно отчетливо различаются, даже нарочито подчеркиваются, два момента обработки поля — вспашка и бороньба, две стадии в подготовке земли к посеву, что гораздо более характерно для пашенного земледелия, чем для подсеки. Поэтому более осторожным будет в выше приведенных документах трактовать и термины «поле» и «ораница» тоже в смысле пашенного земледелия, а не подсечного. Смерд в знаменитой речи Владимира Мономаха имеет небольшой индивидуальный участок земли, который он и обрабатывает своей лошадей: «Дивно мы, дружино, оже лошади кто жалуеть, ею же ореть кто, а сего чему не рассмотрите, оже начнеть смерд орати...», «Не веремя ныне погубити смерды от ролы... хочеть погубити смерды и ролью смердом... оже на весну начнеть смерд тот орати лошадей тою...» Это тоже не подсека.

Во вкладной грамоте Варлаама Хутынского конца XII в. упоминаются различные виды земельных хозяйственно эксплуатируемых угодий. «Се вдале Варлааме святому Спасу землю и огород, и ловища рыбная и гоголиная, и пожни... Се другое село на Свудици... вдале св. Спасу и ниви и пожни и ловища и еже в немь...»² Очевидно, оба села находились по технике ведения в них хозяйства в оди-

наковом положении, но в перечне их деталей допущено некоторое разнообразие терминологии: то, что во второй деревне называется нивой, в первой именуется землей, но, несомненно, и в том, и в другом случае разумеется постоянно возделываемое поле.

Епископ Владимирский Серапион в одной из своих проповедей, желая изобразить ужасы татарского нашествия и связанного с ним опустошения страны, между прочим, говорит: «Села наши лядиною поростоша». Стало быть, до татарского погрома здесь были настоящие пашенные поля. Лядина — это бедствие, итог татарского разорения, а не обычное явление, неизбежное при господстве подсечной системы земледелия.

Приблизительно то же мы имеем и для более раннего времени: в 1093 г., после войны, «нивы поростоше, зверем жилища быша».

Между письменными памятниками и вещественными — по этому вопросу нет принципиального расхождения. С IX—X вв. мы можем смело говорить о ведущей роли пашенного земледелия даже в центральных частях территории, занятой восточным славянством. Среднее и Южное Поднепровье, как мы видели, знало его еще раньше. Это, конечно, совсем не значит, что предшествовавшие архаические формы земледелия были окончательно изжиты. Старые пережитки мы можем встретить в разных местах и в XVI, и XVII, и даже в XX в. Но основная магистраль сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом пути, конечно, с учетом различий северных и южных районов.

¹ Рукописи А.С. Уварова, т. II. Памятники словесности. Сочинения Кирилла Туровского, с. 21, СПб., 1858.

² И эта грамота вызывает сомнения в смысле подлинности.

IV

СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕЙШЕМ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Итак, земледелие есть основное занятие наших предков, во всяком случае, в период, непосредственно предшествующий образованию Киевского государства.

Это положение имеет для нас очень большое значение. Сейчас мы можем смелее оперировать теми случайными и отрывочными фактами, которые оставила нам наша древность.

Вопрос об общественном строе, предшествующем образованию Киевского государства, — вопрос не новый. Об этом предмете много думали и писали. Если отбросить случайные мысли историков XVIII и начала XIX в. — случайные в том смысле, что авторы их сами не придавали им особого значения в системе своих построений, так как в строгом смысле термина у них «системы построения» и не было, — то нам придется указать на творца первой научной теории, легшей в основу трактовки истории России, — Эверса¹ с его теорией родового быта, С.М. Соловьева, положившего эту теорию в основу своей «Истории России с древнейших времен», и Кавелина.

Эверс совершенно правильно отмечает тот факт, что наши источники под термином «род» разумеют род не в нашем современном научном понимании слова, а в очень расплывчатом, в которое входит и понятие семьи в нашем смысле слова. Совершенно верно отмечено им, что государство идет на смену родовому обществу, неприемлемым является только его утверждение, что государство есть простое соединение родов.

¹ И.Ф.Г. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

Эверса интересует, прежде всего, вопрос о процессе перехода родовых отношений в государственные. В этом отношении он с полным правом может считаться первым историком России, подошедшим к своему предмету социологически. Недаром С.М. Соловьев писал, что именно Эверс сделал эпоху в его умственной жизни, заставил его «думать над русской историей».

Соловьев тоже не имел нашего представления о роде, но он совершенно правильно подметил произвольность в употреблении этого термина нашим летописцем. Заслуга основоположников родовой теории заключается в том, что они первые подошли к истории нашей страны с научными предпосылками. Очень ярко выразил эту мысль Кавелин. Теория необходима для всякого исследования, «теория определяет важность фактов, придает им жизнь и смысл, мешает запутаться в их бесконечном лабиринте». Теория «должна представить русскую историю как развивающийся организм, живое целое, проникнутое одним духом, одними началами. Явления ее должны быть поняты как различные выражения этих начал, необходимо связанные между собою, необходимо вытекающие одно из другого, причем искать эти начала нужно не в отвлеченном мышлении, не в почти бесплодных сравнениях с историей других народов, а внутри изучаемого общества»¹.

Однако, несмотря на несомненные преимущества школы родового быта перед ее предшественниками, представители этой школы не справились со своей задачей, как не справились с ней и последующие поколения историков.

К. Аксаков очень метко упрекал представителей родовой теории в том, что они не сумели определить сущности рода. «Много написано по этой части статей и целых сочинений, — говорит Аксаков. — Но надобно признаться, что ни один из этих новых ученых (читай: Соловьев и Кавелин) не определили настоящим образом, что такое родовый быт. Они довольствуются тем значением, какое придается ему в общественном разговоре: вместо «родовой» употребляют они слово «патриархальный», также не определив этого слова и также довольствуясь тем, что смысл его известен»².

Собственные рассуждения яркого противника Соловьева и Кавелина — К. Аксакова звучат как будто очень четко: «...в Древней Руси было (не родовое) общественное, именно общинное устрой-

¹ К.Д. Кавелин. Собр. соч., т. I, с. 8—9.

² К. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I, с. 108, 1889.

ство — общинный быт... Русская земля есть изначально наименее патриархальная, наиболее общественная (именно общинная) земля».

Но если вдуматься в эти решительные утверждения К. Аксакова, если принять во внимание, что самое понятие общины у него очень туманно, что это, в конечном счете, «нравственный союз людей», то не трудно будет убедиться в том, что Аксаков так же мало справился с понятием общины, как Соловьев и Кавелин с понятием рода, с той только разницей, что у Соловьева и Кавелина, несмотря на их ошибки, были научно-структурные перспективы; из их учения о роде как первичной форме общежития с заложенными внутри ее элементами разложения вытекало диалектическое в гегелевском смысле слова объяснение последующих форм этого общежития, закономерная смена этих форм, тогда как община Аксакова и его последователей, существующая изначально, в прошлом, является в то же время и идеалом, и основой будущего. Община, по мнению К. Аксакова, «начало народное, проникающее всю историю» России, — поэтому она и служит основанием для понимания истории России, а отнюдь не «преемство исторических явлений или форм», на чем настаивали представители родового быта. Становится совершенно понятным, почему Соловьев считал курс, взятый Аксаковым, антиисторическим.

Гораздо ближе к решению задачи подошел Леонтович. Он признает заслуги своих предшественников, и в том числе Соловьева. «Соловьев, — пишет он, — действительно открыл первичную клеточку, из которой развилась и окрепла еще в доисторическое время общественность русского народа... В этом отношении теория Соловьева имеет вид логически построенной научной системы. Но школа эта не подметила, что родовая клеточка в жизни русского народа завершила свой круг, реорганизовалась в иную клеточку, с другою более сложною организацией, еще в темную эпоху доисторических времен. На глазах истории, и то лишь на первых порах, задержались едва заметные следы и остатки от старой родовой организации в виде окаменелостей, потерявших всякую органическую связь с народным бытом».

Новые исторические формы быта школа Соловьева безразлично смешивает с такими доисторическими окаменелостями и не замечает между ними глубокой пропасти, которую не в силах наполнить и сгладить никакие усилия последователей родовой теории.

По мнению Леонтовича, родовой строй исключительно господствует только у племен неоседлых, у кочевников, ведущих стадную боевую жизнь в форме бродячих военных дружин и целых орд, между тем как исторический тип славянина — это тип хлебопашца, уже освоившего спокойное место оседлости. Славяне на первых же исторических порах появляются уже с теми общественными формами, с какими застают их позже эпоха перехода в государственный быт. В истории человечества обозначились и установились три основные политические формы, каждая со свойственной ей основной клеточкою: род с его организацией физиологического элемента, община с ее организацией территориального элемента и государство с его организацией элемента связующего, т.е. правящего.

Нечего и говорить, что Леонтович значительно глубже и тоньше понимал соотношение между различными формами общественных отношений, знаменующих различные этапы в развитии общества. Но и он ходит над пропастью, готовый в нее свалиться, что порой с ним и случается: то вдруг оказывается, что родовой быт держится родовым сознанием, то он обнаруживает, что княжеский род Рюриковичей был «задругой общею для всего народа, для всех волостей», решительно не считаясь с тем, что задруге, по основной мысли автора, полагается быть общественно-территориальной единицей, связанной экономическими интересами; князя, в изображении Леонтовича, постоянно носятся как некий дух над первичным хаосом, преследуя задачу территориального укоренения народа путем земельной организации общин и волостей. Действительно ли князя находились в этом непрерывном движении, действительно ли ими руководила указанная автором цель — это вопрос другой. Но в каком смысле автор называет княжеский род задругой — малопонятно. Несомненно, здесь влияние того же Соловьева, его представления о княжеском роде, олицетворявшем единство Русской земли («все князя суть члены одного рода, вся Русь составляет нераздельную родовую собственность»).

Я не собираюсь в этом направлении просматривать всю русскую историографию до наших дней. Утомленные затянувшимся спором и разочарованные в существовавших до сих пор построениях, позднейшие авторы почти не пускаются в исследования судеб восточнославянского рода, а ограничиваются изучением остатков его на русской почве, тех остатков, которые более или менее поддаются конкретному обследованию. Изучают главным

образом русскую общину и спорят лишь о том, новое это образование или же осколок глубокой старины.

Из этих позднейших работ необходимо назвать труды Соколовского «Очерк истории сельской общины на севере России» и «Экономический быт земледельческого населения России», А.Я. Ефименко «Крестьянское землевладение на крайнем Севере», Б.Н. Чичерина «Опыты по истории русского права» и В.И. Сергеевича «Древности русского права». И на этой новой стадии обсуждение вопроса не дало ощутительных результатов. Разрешение этих спорных вопросов в то же время подготовлялось другими путями.

Моргану в его «Древнем обществе» на основе огромного фактического материала из жизни индейских племен Америки удалось осветить труднейшие участки истории и дать разъяснение основных черт общественного устройства первобытного времени, предшествующего появлению государства. В том же направлении много и плодотворно поработал, главным образом над изучением кавказских народов, и М.М. Ковалевский. Энгельс использовал эти наблюдения и в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дал нам ключ к разрешению проблем, до него остававшихся неразрешенными.

Сейчас мы можем представлять этапы развития доклассового общества в следующем виде:

1. Род — есть основа общественного порядка у всех варварских народов земли.

2. Между периодом господства родовых отношений и победы отношений моногамно-семейных наблюдается период существования патриархальной семейной общины, организации некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семейной общины (*familia*). Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут на одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются из общих запасов. Глава общины избирается, при нем имеется совет, состоящий из всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Таковы сербская задруга и русская вервь.

3. Эта домашняя, семейная община является переходной ступенью, из которой развилась сельская община с индивидуальной обработкой земли и с переходом пахотной земли и лугов в частную собственность. Леса, луга и воды еще остаются общими.

4. Родовая организация выше племени не пошла. Союз племен означает уже начало ее разрушения. Территориальное деление,

идущее на смену племенному, и имущественное неравенство вместо равенства — это уже предпосылки государственного строя.

5. Отличительная черта уже государственного строя — учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самого себя.

Для содержания этой публичной власти необходимы налоги, которые были совершенно неизвестны родовому строю... Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, органы власти путем исключительных законов достигают особого положения в обществе.

Таковы основные выводы, к каким пришел Энгельс на основании огромного фактического материала, собранного Морганом и М. Ковалевским.

Наша задача заключается в том, чтобы использовать по этому предмету все данные русских источников и дать по возможности конкретное изображение процесса образования классов и государства, протекавшего на территории нашей страны.

Когда в русском обществе появилась потребность оглянуться на свое прошлое, оно уже успело уйти так далеко, что представить его себе в XI в. было достаточно трудно. Я имею в виду, прежде всего, родовой строй.

Родовой строй в XI в. в нашей стране, несомненно, можно было наблюдать у гиляков, чукчей, ненцев и других народов Крайнего Севера или еще кое-где в других местах, где жили племена, находившиеся на этой стадии развития. Без непосредственных наблюдений над этим строем не могли быть поняты его основные черты по тем пережиточным остаткам, которыми располагали и наши летописцы, и в частности автор «Повести временных лет». Когда появились письменные памятники, запечатлевшие эти пережитки далекого прошлого, оно было уже основательно забыто. Неудивительно, что наш летописец, всегда вообще конкретный, умеющий передавать подробности изображаемых им событий, решительно теряет эти свои свойства, переходя к характеристике родового строя. Здесь, конечно, можно задать вопрос: неужели летописец для этой цели не мог непосредственно наблюдать родовой строй у более отсталых славянских и неславянских племен, ему современных? Мне кажется, что правильнее всего будет ответить на этот вопрос так: конечно, мог, если бы считал это для себя необходимым, но едва ли бы сумел, потому что наблюдать родовой строй совсем не так легко, как это кажется; нам стоит только

заглянуть в наблюдения наших этнографов, изучавших, например, Сибирь XIX в., чтобы убедиться в этом.

Древнейшее упоминание о восточнославянском роде мы имеем в «Повести временных лет» в недатированной ее части, т.е. в части, для самого автора представлявшей наиболее непреодолимые трудности, так как он не имел об этом периоде никаких точных данных. О полянах, наиболее ему известных, он может сказать только очень глухо: «Полям же жившем о себе и владеющем роды своими... и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Шахматов не без основания видит здесь наложение двух редакций и первоначальный текст «Повести» представляет так: «Поляне живяху кождо своим родом на своих местех, владеюще кождо родом своим».

Тут мы имеем указания на то, что летописец все-таки знает кое-что о прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом. Дальше он еще раз ссылается на это же место: «Поляком же живущим о себе, яко же рекохом»¹.

Здесь «род» есть, несомненно, форма древних общественных отношений, хотя содержание его и не раскрыто в летописи. Но мы все же можем догадаться, о каком роде здесь идет речь. Материнский род тут, несомненно, исключается. О матриархате применительно к народам нашей страны летописец ничего не говорит, несмотря на то, что ему известны вообще различные формы семьи и брака, лежащие в основании той или иной стадии в развитии родовых отношений. Летописец говорит о групповом браке у халдеев, «гиллиомь», в «Бретании» («мнози мужи с единою женою спяты и мнози жены с единым мужем похотьствуют»). Летописец, весьма вероятно, ошибается, приписывая эти формы брака определенным народам, но он с полной очевидностью обнаруживает перед нами знакомство с этими формами, и ясно, что если бы летописцу был известен хотя бы намек на групповой брак или на пуналуальную семью у славян, финнов или тюрков, он бы не преминул сказать об этом. Между тем, в его изображении наиболее отсталые славянские племена — древляне, радимичи, вятичи и северяне, которых летописец несколько не склонен щадить в своей характеристике и которых он готов упрекать в чем угодно, — знают, во всяком случае, парный брак. «Браци не бываху в них, — пишет он, — но

игрища межью селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имаху же по 2 и по 3 жены»¹. Идеал летописца — моногамная семья. Он стоит за нее не только потому, что она освящена христианским законом, но и потому, что моногамная семья благодаря победе частной собственности над первоначальной, первобытной общинной собственностью сделала уже большие успехи, во всяком случае у полян.

Здесь победа моногамной формы семьи обнаружилась несколько раньше, чем у других славянских племен, и летопись этот факт отмечает с полной отчетливостью. Это произошло, несомненно, задолго до времени, когда жил и писал автор «Повести». Понятно, почему он не видел рода и столь туманно о нем говорит в своем произведении.

В дальнейшем своем повествовании — не только с моментов, более достоверно известных летописцу, но и для более темного периода истории восточнославянского общества — летописец пользуется термином «род» в самых разнообразных смыслах. Кий становится родоначальником правящей у полян династии («но се Кий княжаше в роде своем»), по-видимому, точно так же, как у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан появились свои князья, а может быть и династии. Перед нами наследственность высшего представителя власти, по крайней мере в изображении летописца, и понимание термина «род» в смысле династии. Отсюда понятие княжеского рода: «Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», — говорит Олег, обращаясь к Аскольду и Диру. И совершенно прав был Соловьев, когда указывал на разнообразие в понимании этого термина летописцем². Род означал и совокупность родственников, и каждого из них («избращася три братья с роды своими», т.е. с родственниками своими), этот же термин употреблялся в смысле соотечественника (Олег, хитростью вызывая на берег Днепра Аскольда и Диру, притворился гостем, плывущим в Византию, и обращался к Аскольду и Диру с приглашением в следующих словах: «Да придета к нам, к родам своим») и в смысле целого народа («от рода русского, от рода варяжска»). Эта расплывчатость в содержании термина говорит о том, что он успел уже потерять свое основное содержание, что ему

¹ Лаврентьевская летопись, с. 8, 11. 1910

¹ Лаврентьевская летопись, с. 13. 1897.

² С.М. Соловьев. История России, т. I, с. 49, изд. «Общ. Польза».

уже перестали придавать тот смысл, который когда-то принадлежал ему исключительно и полностью.

Что касается термина «семья», то в наших источниках мы найдем буквальное подтверждение того, что это не что иное, как известная нам familia. «Семья, прежде всего, означает — челядь, домочадцы, рабы». В Златоусте XII в. «семия множество или имения множество, злато и серебро». В житии Нифонта XIII в.: «Да был аз был и чада моя и семия моя живи были». В Прологе XV в.: «Ни аз, ни семьянин мой, ни детищ мои, ни куря мое» и т.д. В этих терминах живут уже успевшие отмереть когда-то существовавшие подлинные отношения.

Эта семья — familia — понимается совершенно естественно как патриархальная семья, т.е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семьи. Противопологать эту семью роду, как делали это сторонники «родовой теории» и их противники, решительно не приходится. Но нужно сказать больше. Наши источники убеждают нас в том, что и эта патриархальная семья к IX в., во всяком случае, далеко пошла по пути разложения.

Стоит хотя бы обратить внимание на то, что в свое время отмечал уже Ключевский: областное деление русской земли при первых русских князьях далеко не совпадало с племенным, как его описывает «Повесть». «Не было ни одной области, которая бы состояла из одного и притом цельного племени: большинство областей составилось из разных племен или их частей; в иных областях к одному цельному племени примкнули разорванные части других племен»¹.

В совсем недавно вышедшей работе П.Н. Третьякова этот вопрос рассматривается на основе археологического материала. Автор, изучая районы распространения типов женского убора (набора украшений) XI—XIV вв., приходит к выводу, что они укладываются в границы «не древних племенных образований, а в границы формирующихся феодальных областей». По мнению автора, к XI—XIII вв., в зависимости от места, племенных образований уже не существовало. «Судьба различных этнических компонентов была неодинакова, так как сами они далеко не равноценны. Одно дело язык, одежда, другое — специфические особенности экономики, постройки, третье — религиозные верования, украшения и

т.п. Одни из них переживали века, и их следы можно найти еще и теперь, другие были менее жизненны», т.е. подвергались более частым и быстрым изменениям. Женские украшения относятся к компонентам последнего типа. Распространение их в той или иной области в значительной степени было обусловлено вкусами женского населения, которое приобретало украшения, выделявшиеся в определенных экономических центрах, где они являлись предметами массового ремесленного производства.

Наблюдения П.Н. Третьякова служат ему исходным пунктом для пересмотра вопроса о понимании летописного термина «племя» и основанием для вывода, что известные летописи «племена» являлись социальными организациями, вступившими на путь превращения из организации родового в организацию феодального характера¹.

Иначе говоря, автор на своем археологическом материале подтверждает положения Ключевского. Стало быть, в областях, возглавляемых крупными городами (Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов и др.), мы имеем чисто территориальное деление, пришедшее на смену племенному, т.е. это уже признак разрушения рода и замены его отношениями иного, не родового строя.

Мы можем отметить еще ряд признаков того же порядка как в летописи, так и в «Правде Русской». Первая статья древнейшей «Правды», части которой относятся, во всяком случае, к IX в., говорит о необязательности мести, о возможности заменить ее выкупом. Круг мстителей одновременно по женской и мужской линиям, определяемый какой-то иной властью, чем родовая, говорит нам о том, что над родом уже существует высшая власть, что родовая месть есть осколок уже изжитых старых отношений. Эта же древнейшая «Правда» очень хорошо знает и «челядь», и рабов и вся насквозь проникнута собственническими элементами. В «Правде» Ярославичей, являющейся дальнейшим шагом вперед по сравнению с первой, древнейшей частью «Правды», мы можем наблюдать некоторые итоги эволюции: пашенная земля, бортные угодья находятся уже в частной собственности; за нарушение

¹ П.Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Советская археология, 4, с. 33—51. Возражения на статью П.Н. Третьякова, сделанные А.В. Арциховским (там же, с. 53—61), говорят о необходимости продолжить и углубить работу в этом направлении. От нее можно ждать больших результатов, способных облегчить нам более точное понимание летописного рассказа о расселении славян по Восточной Европе.

¹ В.О. Ключевский. Курс русск. ист., ч. I, с. 161, 1918.

межи, отделяющей эти участки, взыскивается высокий штраф: луга, по-видимому, находятся еще в общем пользовании: кони землевладельца и зависимых от него крестьян пасутся на одном лугу. Отмечается очень резкое имущественное неравенство.

Все это для X—XI вв. абсолютно не «новости». Ново здесь лишь то, что законодателю пришлось сформулировать определенные положения в виде закона. Факты, лежащие в их основе, такого порядка, что о внезапном их появлении говорить решительно невозможно.

Нельзя забывать, что у нас имеются и другие признаки не родовой, а какой-то иной организации: перемена форм поселения, появление на место ушедших в прошлое городищ неукрепленных деревень с одиночными укрепленными дворами, выполняющими здесь функции западноевропейских замков, наследственность княжеской власти, налоговая и пенитарная система. Ольга в X в. в завоеванной земле уже устанавливает уставы и уроки, т.е. упорядочивает взимание даней, а может быть и ренты, а установившиеся единицы обложения (дым, рало, плуг), говорящие о регулярности различных взиманий с массы народной, известны славянам и финнам задолго до Ольги, по крайней мере, в самом начале IX в., если не раньше.

Это тоже совсем не похоже на родовой строй. Патриархальная семья уступила место иным формам общественных отношений. Патриархальная домашняя община, бывшая сама переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира, явилась, в свою очередь, переходной ступенью, из которой развилась сельская община или марка, для которой характерной чертой уже стало индивидуальное хозяйство ее членов.

«Правда Русская» содержит материал, убеждающий нас в том, что вервь в известный момент своего существования есть не что иное, как община-марка, выросшая из патриархальной общины. В «Правдах Русских» мы имеем термины, говорящие об этой общине, — мир, град и вервь. Древнейшая новгородская, стало быть северная, «Правда» не знает верви и называет только «мир»: «А где поиметь кто чужь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду» (Акад. сп., ст. 13). «Пространная Правда», и по времени отстоящая от древнейшей не меньше, чем на 3 столетия, и относящаяся к южной территории, не знает мира, а вместо того называет в анало-

гичной статье (ст. 34) «град». Это не просто города, а скорее своеобразные городские округа. Когда Ольга говорит древлянам: «Все грады ваши предашася мне и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя; а вы хотите измерети гладом, не имучеся по дань»¹, она под градами понимает не только «города», а и земли, так или иначе связанные с этими городами. Эта же «Правда» знает прекрасно и вервь, известную и «Правде» Ярославичей, составленной в Киеве приблизительно в середине XI в. Мы можем на основании данных наших «Правд» до некоторой степени разгадать сущность этой верви.

Прежде всего, совершенно ясно, что вервь — это определенная территория: «А иже убьют огнищанина в разбои или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же (верви) голова начнет лежати». Совершенно очевидно, что мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие здесь, связанные общностью интересов; иначе они не могли бы и отвечать совместно. Стало быть, вервь — общественно-территориальная единица. Что это за общество, в чем заключается их связь, мы отчасти можем узнать из той же «Правды» Ярославичей. В верви живут «люди», которые очень хорошо знают свои права и обязанности. До недавнего времени они коллективно отвечали за совершенное на их территории преступление. Сейчас закон разъясняет, что ответственность эта падает не всегда на коллектив, что есть случаи, когда преступник должен отвечать сам за себя. Если убьют управляющего княжеским именем умышленно («аще убьют огнищанина в обиду»), «то платити за нь 80 гривен убийци, а людем не надобе» (Акад. сп., 19). Люди платят только в том случае, если того же огнищанина убили в разбое и убийца не известен; тогда платят те люди — члены верви, в пределах чьей верви обнаружен труп.

«Правда» Ярославичей — специальный закон. Она по духу близка к *Capitulare de villis* Карла Великого. Ее назначение — оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, достаточно враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа-феодала. Недаром феодал укреплял свое жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов, и вполне понятно, почему в княжой «Правде» подчеркивается главным образом только эта сторона верви.

¹ Лаврентьевская летопись, под 946 г.

«Пространная Правда» начала XII в. знакомит нас с общественными отношениями еще глубже и дает нам возможность еще лучше всмотреться в организацию и функции верви.

Вервь не должна ничего платить, если труп, обнаруженный в ее пределах, не опознан. «А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведают, ни знают его»¹. Разбойника вервь должна выдать вместе с женою и детьми на поток и разграбление. Этого раньше в «Правде» Ярославичей не было. Стало быть, на наших глазах усиливается ответственность отдельных семейств, идет отмежевание их от верви. Закон точно говорит в этой же статье: «За разбойника люди не платят» (Троицк. IV сп., 7). Члены верви должны отвечать не только за убийство: «Оже будет расчечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати собе татя, а любо продажа платити» (там же, 70). И здесь вервь обязана либо найти преступника, либо возместить убытки собственника земли, или испорченной вещи.

Наконец, в «Пространной Правде» мы имеем очень интересный институт «дикой виры», который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать всем своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т.е. тем, кто вложилась предварительно в «дикую виру»: «Аже кто не вложится в дикую виру, тому люди не помогают, но сами платят». Это говорит нам о том, что к XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли платить все взносы, связанные с участием в «дикой воре». Перед нами итог разложения старой верви.

Совершенно с теми же функциями мы встречаемся и в польской общине («Gegenote»). Она тоже отвечает за убийство, совершенное на ее территории. «Если убитый останется лежать в поле или на дороге, и не будет известно, кто его убил, тогда господин² зовет к себе «Gegenote» — членов общины — и налагает на общину штраф за убитого («Schuld»)… Если же «Gegenote» (члены общины) укажут на какую-либо деревню, а деревня скажет, что она неповинна в убийстве, то она должна очистить себя поединком (ордалией) или же заплатить за убитого. Если же деревня укажет на определенную семью («Geschlecht» в данном случае — не род,

¹ Троицк. I сп., ст. 19. «Русская Правда», с. 408.

² В данном случае разумеется феодал.

а семья), и семья станет отрицать вину, то эта последняя должна или очистить себя поединком (ордалией), или уплатить «Schuld»¹.

Это — польская «Правда», записанная немцами для подвластного им польского населения в XIII в.

Здесь мы видим, в сущности, то же, что и в «Правде Русской», только тут с большей ясностью указывается на то обстоятельство, что община находится во власти феодала. Господин зовет к себе «Gegenote», он взыскивает «Schuld» и пр. В «Правде Русской» нет этой отчетливости, но, тем не менее, и здесь налицо укрепляющийся в своих позициях феодал со своими притязаниями, что отмечалось нами даже на материале древнейшей «Правды». В «Правде» Ярославичей наличие феодала и феодальной вотчины совершенно очевидно. Рядом с разлагающейся общиной существует среда богатых собственников-землевладельцев, собственно говоря, уже феодалов, где с полной очевидностью господствует индивидуальное право собственности на пахотную землю, борти, места охоты (луга, по-видимому, находятся в общем с крестьянами пользования), орудия производства. Все это покупается, продается, передается по наследству. Наступление на общину, победа над ней и процесс внутреннего ее разложения видны также и в том, что из недр общины уже выделились отдельные неимущие элементы, вынужденные искать работы и защиты у феодала. Это — рядовичи, закупы, вдачи, изгои, о которых специально речь будет впереди. Сейчас нам важно отметить эти наиболее существенные стороны мира-верви для того, чтобы показать эволюцию домашней патриархальной общины, развитие которой протекает, так сказать, на наших глазах, совершенно определенно она перерождается в сельскую общину, или марку «с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов». Процесс этот начался раньше на юге, чем на севере. Север сохранил следы старых отношений значительно дольше. На юге патриархальная община исчезла раньше и в «Правде Русской» нашла себе лишь слабое отображение.

Мне кажется, что все эти данные до некоторой степени уже предопределяют ответ на поставленный выше вопрос о том, какой общественный строй предшествовал феодальному у народов нашей страны, и среди них, прежде всего, у славян Поднепровья и Поволховья. На основе распавшегося патриархального рода мы

¹ А. He1ce1. Starodawne Prawo Polskiego pomniki. с. 18; ст. VII. 1870.

имеем здесь несомненное наличие общины-марки, на наших глазах претворяющей свою дальнейшую эволюцию. Это был далеко не мирный процесс, и летопись сохранила некоторые намеки на борьбу между уходящим старым строем и наступающим новым.

Этого, однако, мало. Мы должны использовать имеющиеся в нашем распоряжении данные, чтобы осветить этот грандиозный процесс по возможности с разных сторон, и прежде всего рассмотреть вопрос наиболее спорный — о структуре и характере классового общества первого периода его существования и, в частности, вопрос о роли рабства в обществе той поры.

Современная литература вопроса невелика, потому что самый вопрос в своей современной постановке выдвинут недавно. Имеется лишь несколько замечаний в отдельных работах¹ отдельных авторов и одна специальная статья И.И. Смирнова: «О генезисе феодализма»². Эта статья не имеет в виду феодализм в какой-либо стране, а трактует его вообще как общественную категорию и приводит к следующим выводам: «1. Классы возникли до феодализма. 2. Господствующий класс дофеодального общества создал уже аппарат для угнетения эксплуатируемого класса и использовал государство как свое орудие в процессе генезиса феодализма... Моментом, определяющим структуру этого общества, является наличие в нем рабства... Поскольку эксплуатация рабов является основным источником могущества господствующего класса, постольку мы имеем полное право сказать, что перед нами общество рабовладельческое».

Однако вопрос этот, большой и важный, не может быть окончательно решен относительно определенного общества — в данном случае общества восточных славян, — без учета конкретного материала источников.

К их обозрению я и перехожу.

Даже при самом поверхностном соприкосновении с нашими археологическими и письменными памятниками наличие и известная роль рабства у славян бросаются в глаза совершенно отчетливо.

В древнейших известиях византийских писателей и в более поздних известиях арабов мы имеем частые упоминания у славян

¹ См., напр., Равдоникас. Проблемы истории докапит. обществ, № 1, 1934; В. Рейхардт. Очерки по экономике докапиталистических формаций. 1934; прения по моему докладу «Рабство и феодализм» в Изв. ГАИМК, вып. 86.

² Проблемы ист. матер. культ., № 3—4, 1933.

рабов. Между прочим, эти известия говорят о распространенном у славян обычае сжигать вместе со знатными покойниками жен, которые идут на смерть якобы добровольно. Об этом говорит Маврикий в своей «Стратегии», его повторяет в своей «Тактике» Лев Мудрый (886—911 гг.). О том же говорит и Майнский епископ Бонифаций (755 г.) относительно западных славян. Араб Аль-Джайхани (конец IX или нач. X в.) сообщает то же самое относительно Руси, но он указывает на то, что сжигались вместе с покойниками их рабыни и рабы. Это же подтверждают и Ибн-Фадлан, Аль-Истахри и др. Археологическое изучение могил говорит о том же. Этот обычай применяется только среди людей богатых и знатных. Несомненно, мы имеем здесь одно из следствий длительного существования рабства, так как подобных обычаев в родовом доклассовом обществе нет. По сообщению Ибн-Хаукаля и Аль-Истахри (оба пользовались одним источником), сжигание девушек делается «для блаженства их душ»¹, так как они могут попасть в царство небесное только со своими господами.

Генрих Семирадский. Похороны знатного руса. 1892. ГИМ

¹ Гаркави. Сказания мусульм. писателей, с. 193 и 221. См. также «Наукови записки».

Но тот же Маврикий подчеркивает разницу в положении славянских рабов по сравнению с рабами византийскими.

Как мы уже видели, Маврикий Стратег отмечает особенности в положении славянских пленных, подчеркивая, что пленники у славян остаются не в вечном рабстве, как у других народов, но что им назначается определенный срок, по прошествии которого предоставляется их усмотрению или остаться к качеству свободных и друзей, или возвратиться к своим, заплатив выкуп. Может быть, тут кое-что и преувеличено, но совершенно извратить факт Маврикий не мог. В доказательство справедливости этого свидетельства можно привести, правда более позднее, сказание о некоем половчине («Чудо св. Николая»), где рассказывается о том, как этот половчин попал в плен к русским. Нет никаких указаний, что он работал в плену. Неизвестно за что, но он был посажен в заключение. Его хозяин предлагает ему дать за себя выкуп, но так как у пленника никаких средств на выкуп при себе не было, то хозяин, отдав его на поруки св. Николаю, отпустил его домой под условием принести за себя выкуп. Это свидетельство говорит о том, что характер рабства у восточных славян не очень резко изменился и в более позднее время и если менялся, то не в направлении превращения его в античное трудовое рабство.

Рабы прекрасно известны и всем древним русским письменным памятникам. Иначе, конечно, не могло и быть, поскольку рабство существовало и в докиевский, и в киевский период нашей истории.

Под разными наименованиями (холопы, челядь, одерень, обель, раб или просто «люди», обыкновенно с указанием на принадлежность их кому-нибудь) мы можем встретить их едва ли не во всех дошедших до нас письменных источниках X—XII вв. и позднее. Их покупают, продают, в различных формах эксплуатируют, их воруют, иногда они убегают от своих господ сами, их разыскивают и наказывают. Сведений о них достаточно, и, тем не менее, вопрос об общественной роли рабства в Древней Руси этой справкой отнюдь не решается. Он не может быть решен и тогда, когда мы ознакомимся с экономической природой раба в статическом его положении, потому что познание всех процессов мира достигается через изучение их в самодвижении, в жизни, в раскрытии противоречивых, взаимоисключающих противоположных тенденций этих процессов. Место раба в производстве данного общества на данной ступени его развития мы сможем определить

лишь тогда, когда изучим отдельные этапы в истории этого общества. Лишь тогда наши факты найдут свое место и мы сможем научно оперировать с ними.

Как возникало классовое общество, подробно говорить сейчас не приходится. Но все же необходимо подчеркнуть, что именно рабство было простейшей, естественно выросшей формой разделения труда и первой формой деления общества на классы.

Не следует забывать, однако, что в это же время существует соседская община, более или менее устойчивая в зависимости от особых конкретных условий ее существования, община, служившая оплотом крестьянства и, в конечном счете, не позволившая рабу стать основой производства на Руси в противоположность римской рабовладельческой латифундии, в свое время, по выражению Плиния Старшего, погубившей римского крестьянина и с ним вместе Италию («*Latifundia jam perdidere Italiam*»).

Несколько общих замечаний, необходимых для дальнейшего

Считаю необходимым еще раз указать, что в своей работе я имею дело с Киевской Русью не в узкотерриториальном смысле этого термина (Украина), а именно в том широком смысле «империи Рюриковичей», соответствующем западноевропейской «империи Карла Великого», включающей в себя огромную территорию, на которой впоследствии образовалось несколько самостоятельных государственных единиц. Нельзя сказать, что процесс феодализации в изучаемый отрезок времени на всем огромном пространстве территории Киевского государства протекал по своим темпам совершенно параллельно: по великому водному пути «из варяг в греки» он, несомненно, развивался интенсивнее и опережал центральное междуречье. Общее изучение этого процесса только в главных центрах этой части Европы, занятой восточным славянством, мне кажется в некоторых отношениях допустимым, но и то с постоянным учетом различий природных, этнических и исторических условий каждой из больших частей этого объединения.

Считаю необходимым предупредить о том, что за недостатком письменных источников я не мог обследовать в сколько-нибудь полном виде более ранние периоды в истории этого общества и что мои дальнейшие наблюдения поэтому касаются лишь X—XII вв. по преимуществу и, главным образом, именно тех центров, которые располагались по великому водному пути «из варяг в греки». В основу исследования положен, прежде всего, матери-

ал русских источников, дополняемый источниками не русскими лишь в отдельных случаях.

Наконец, целесообразно условиться и относительно точного содержания тех основных понятий, с которыми в дальнейшем придется нам иметь дело: рабовладельческое общество и феодализм.

Если рабовладельцы и рабы есть первое крупное деление общества на классы, то необходимо помнить, что не во всех обществах рабство успело достигнуть своего высшего развития и оформления: не все общества переживали рабовладельческую формацию. Примером может служить хотя бы общество германцев и, как будет видно ниже, славянское общество.

При рабовладельческом строе основной производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства и на непосредственного производителя-раба.

Для того чтобы рабский труд успел вытеснить труд свободного крестьянина-общинника и действительно стать «основой производства», необходимы соответствующие условия, которых в средневековой Европе уже не было, почему и рабовладельческих обществ в Европе VIII—XII вв. мы не встречаем.

Из самого характера эксплуатации рабов и их роли в производстве вытекала и разрешалась для рабовладельческого общества проблема воспроизводства рабочей силы. Возможность нормального внутреннего воспроизводства рабочей силы при обычной для рабского способа производства системе эксплуатации раба почти исключалась. Одними внутренними ресурсами рабство как система хозяйства не могло питаться. Отсюда необходимость для античных обществ широкой завоевательной политики: рынок рабов пополняется посредством войны, морского разбоя и т.д. Превращение побежденных в рабов — нормальная цель этих военных предприятий.

Стало быть, для того, чтобы рабовладельческий способ производства мог восторжествовать, требовались особые «исторические условия», которые не обязательно должны быть в известный момент истории человечества налицо везде и всюду. В Европе VIII—XV вв. мы видим господствующим иной строй феодальный, в недрах которого существует рабство, и с течением времени проявляющее все более заметные признаки полного исчезновения. Варварские государства, германские и славянские по преимуществу, с их общинным строем, выросшие на развалинах римского, западного и восточного рабовладельческого общества, оживили и

обновили Европу и дали толчок для дальнейшего развития феодальных отношений.

Феодализм как общественно-экономическая формация строится на ином способе производства и характеризуется иными отношениями людей в процессе производства.

Сущность феодальных отношений в обществах, где главным занятием жителей было земледелие, заключается в том, что основой феодального способа производства является сельскохозяйственное производство, не исключющее, однако, ремесленного и мануфактурного труда; общественные отношения выражаются в форме господства и подчинения, вырастающих на почве присвоения крупными земельными собственниками земли и труда сидящих на земле непосредственных производителей. Отсюда личная зависимость (уже не рабская, а крепостническая) непосредственного производителя от владельца земли является господствующей формой общественных отношений.

Землевладельцы и зависимые от них крестьяне — вот два основных класса феодального общества. Двухклассовое феодальное общество не исключает, однако, наличия внутри класса феодалов целой лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного владения и количестве вассалов.

Политическая организация землевладельцев-феодалов, направленная на защиту этих общественных отношений, составляет сущность государственного строя периода феодализма.

После этих необходимых оговорок и теоретических предпосылок мы можем перейти к исследованию конкретного материала, оставленного нам Киевской Русью.

V

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КИЕВСКОЙ РУСИ

Если общественные отношения докиевского периода нашей истории нам приходилось восстанавливать по материалам частью археологическим, частью письменным не русского происхождения и прибегать к русским письменным источникам лишь с тем, чтобы найти в них следы далекого прошлого, то общество Киевского периода может быть нами изучено по письменным источникам, рожденным самим Киевским государством. Здесь у нас не только больше уверенности в точности наших выводов, но и самые выводы значительно разностороннее и полнее.

Напомню, что эти письменные памятники вводят нас далеко не в начальный момент истории изучаемого общества, а ставят перед общественными явлениями, имеющими за собой очень длительную историю. Древнейший памятник «Правда Русская», дошедший до нас в записи начала XI в., носит на себе следы более глубокой древности, но и эта древность весьма относительна.

До внесения «Правды Русской» в Новгородскую летопись под 1016 г. мы имеем следы существования «закона русского», несомненно, совпадающего, по крайней мере в некоторых частях, с «Правдой Русской». В ней мы уже видели представителей господствующих классов, их челядь, рабов, просто свободных, по-видимому, равноправных общинников (соседская община), хотя и не прямо названных, но с неизбежностью подразумеваемых. Добавочный в ст. 1 «Правды» перечень всех общественных группировок: русин, гридин, купчина, ябетник, мечник, изгой и словенин, по-видимому, является той вставкой, которая была сделана Ярославом в 1016 г., когда он напутствовал «Правдой» возвращаю-

щихся из Киева новгородцев, помогших ему овладеть Киевским столом, всем им обещая право на 40-гривенную виру, т.е. равное право защиты жизни судом.

Страница из краткой редакции «Русской Правды».

Если мы попробуем разобраться в этих терминах, хотя и весьма спорных по существу, то придем к более или менее вероятным выводам о существовании в изучаемом нами обществе варягов и варяжской дружины, которая, как нам известно из договора с греками и из летописи, быстро и тесно связывалась с местным верхушечным слоем славянского общества; несомненно также существование купцов. И не случайно, мне кажется, вписаны в этот перечень изгой и словенин. Очень похоже на то, что они специально сюда вставлены: после перечня пяти категорий названных здесь общественных групп, поставленных рядом без всяких оговорок, идет новое «аще», за которым следует «изгой будет либо словенин».

Золотой ковчег для хранения «Русской Правды»

Об изгое речь будет ниже. Что касается словенина, то расшифровать этот термин очень нелегко. Несомненно, кроме национального признака, ему присущи и социальные черты. Иначе трудно понять вообще весь перечень, и в частности сопоставление словенина с изгоем. В Лаврентьевской летописи под 907 годом говорится о походе Олега на Царьград. После благополучного окончания предприятия Олег с дружиной возвращался домой. «И вспяша русь парусы паволочиты, а словене кропивны». Здесь подчеркивается не только национальный, но и социальный признак: русь по сравнению со славянином стоит на первом месте. Но все-таки термин «словенин», поставленный в «Правде» рядом с «изгоем», этим сравнением с процитированным текстом летописи не разрешается. Мы не можем точно ответить на вопрос, кто такой «словенин» «Правды Русской». Не разумеется ли под словенином представитель массы, населяющей деревню, т.е. смерд, член соседской общины?

Необходимо подчеркнуть, что и изгой, и словенин относительно виры предполагаются равноправными с первыми пятью категориями, так как и на них распространяется 40-гривенная вира. Бросается в глаза факт, что дополнительный перечень представителей общественных группировок взят из общества, по своей конструкции более сложного, чем примитивный строй древнейшей «Правды». Не хотел ли Ярослав этой вставкой, где декларировалась вира, равная для русина и славянина, дружинника и изгоя, смягчить ту национально-классовую рознь, которая так ярко проявилась в бурных событиях 1015 г. в Новгороде?

«Мужи» этой древнейшей «Правды», главный предмет внимания этой «Правды», как мы уже видели, всегда вооружены, часто пускают оружие в ход даже в отношениях друг к другу и в то же время способны платить за побои, раны и личные оскорбления; они владеют имуществом, которое можно купить и продать. Мы имеем здесь признак неравенства материального положения — долги. Живут они в своих «хоромах», окруженные слугами, и не порывают связи с крестьянским миром. Здесь же в «Правде» мы видим зависимую от своих господ челядь, которая убегает, которую разными способами разыскивают и возвращают господам; челядин иногда дерзает «ударить свобода мужа» с риском быть убитым в случае обнаружения его преступления. В состав этой челяди входят не только рабы, но, как мы увидим ниже, и не рабы.

Вся эта «Правда» достаточно архаична, но родового строя и здесь уже нет. Единственно, что напоминает о нем, это месть, которая, однако, уже перестала быть «родовой» и к тому же на наших глазах явно отмирает. Мстить, по-видимому, не обязательно. Место мести занимает альтернативно вира с тем, чтобы в середине XI в. вытеснить ее окончательно.

Это выводы, основанные на том, что говорит «Правда», но мы должны учитывать и ее молчание, которое иногда, по-видимому, и удастся понять путем привлечения к ее толкованию летописи вообще и помещенных в ней договоров с греками, в частности.

1. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

Более или менее регулярные торговые связи с Византией у южного народа, называемого греками то именем руси, то скифами, или тавро-скифами, начались очень давно. Греки знали этот народ и не только по торговым связям.

После блестящих работ В.Г. Васильевского о греческих житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского у нас не остается сомнений в том, что греки знали Южную Русь прекрасно. Нашествие руси на Амастриду Васильевский относит к началу 40-х годов IX в. «Имя руси, — пишет Васильевский, — уже в это время не только было известным, но и общераспространенным, по крайней мере, на южном побережье Черного моря»¹. Тот же автор по вопросу о торговых связях руси с греками пишет: «Известие о торговле русских купцов с Византией через Черное море и с мусульманскими странами через Каспийское относится к сороковым годам IX ст.; самые торговые связи образовались, конечно, хотя несколькими десятилетиями ранее: Русь была известна византийцам и арабам в первой половине названного столетия»².

Васильевский убежден, что это имя относится всегда к тавро-скифам, а кто такие тавро-скифы, разгадать полностью ему не удастся. Вспоминая здесь готскую теорию происхождения руси и не настаивая на ней, Васильевский замечает, что эта теория «при современном положении вопроса была бы во многих отношениях пригоднее норманно-скандинавской». Отказавшись, таким образом, от скандинавской теории, Васильевский ставит вопрос лишь о том, какой из центров руси-тавро-скифов мог совершить поход на Амастриду и Сурож: таврический, приднепровский или тмутараканский³.

Здесь не место разбирать этот важный вопрос. Мне нужно показать ранние связи греков и руси, известной грекам именно под этим народным, местным именем (литературное — тавро-скифы). Греки действительно давно знали этот народ, но особенно внимательно стали следить за ним с тех пор, как он экономически и политически усилился и произвел 18 июня 860 года весьма удачное для себя нападение на столицу Восточной Римской империи. В связи с этим нападением мы имеем две речи патриарха константинопольского Фотия и его же «Окружное послание». В одной из этих проповедей Фотий говорит:

«Эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и с полным основанием требовали и ожидали кары, равной злодеянию»⁴. И дальше: «Их привел к нам гнев их»⁵. Тот

¹ В.Г. Васильевский. Труды, III, с. СХ.

² Там же, с. СХХIII.

³ Там же, с. ССLXXXII—ССLXXXIII.

⁴ Порфирий Успенский. Четыре беседы Фотия, с. 17. 1864.

⁵ Там же, с. 24.

же Фотий спустя несколько лет (866 г.) в своем «Окружном послании» говорит то, что ему известно было об этом народе: «Народ, часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своею жестокостью и кровожадностью... который, покорив окрестные народы, возгордился и, возымев о себе высокое мнение, поднял оружие на Римскую державу»¹.

Это было лет за 40 до заключения первого известного нам договора между русью и греками. В договоре 911 г. прямо говорится, что у руси с греками были давнишние отношения: послы русские прибыли в Константинополь с тем, чтобы заключить с греками соглашение «на удержание и на извещение от многих лет между христианы и русью бывшую любовь»². Под этой русью разуметь обязательно варягов нельзя. Эта русь на заключенном с греками договоре присягает не по-германски, а чисто по-славянски: «Царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Ольгой, имшея по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крест, а Олега водивше на роту, и мужи его по русскому закону кляшася оружием своим, и Перуном богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир» (договор 907 г.)³. Оружием клялись тоже не по германскому обычаю, а по своему собственному, снимая с себя оружие, кладя его на землю или перед кумиром. Германцы при этом обряде вонзали меч в землю⁴.

Самый факт заключения договоров совершенно ясно говорит о классовом обществе. Договоры нужны были не крестьянской массе общинников, а князьям, боярам и купцам.

Неудивительно, что уже в той части договора, которая помещена в летописи под 907 г. (если это не особый договор), мы имеем указания на наличность классового общества и государства. «Заповеда Олег дата воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ и потом даяти уклады на Руския грады: первое на Киев, таже на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любеч и на про-

¹ Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, с. 198. М., 1876.

² М.Д. Приселков находит возможным на основании биографии византийского императора Василия и послания патриарха Фотия признать наличие не дошедшего до нас договора руси с греками 866—867 гг., договора о союзе и дружбе, закрепленной со стороны руси принятием христианства и епископа из Византии. М.П. Погодин и С.Ф. Платонов тоже признавали наличие договора, предшествовавшего договору 907—911 гг.

³ Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., с. 31.

⁴ Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, с. 445.

чаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Ольгом суще». В договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представителями русской стороны в этом договоре посланы были «от Ольга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых бояр»... «похотеньем наших князь и по повелению и от всех, иже суть под рукою его сущих руси». В летописи перед этим договором сказано, что Олег послал «мужи свои построити мира и положити ряд межю Русью и Греки». Такое же предисловие помещает летописец и перед договором 945 г. «Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники; приведоша русския слы и велеша глаголати и псати обоих речи на харатье»¹.

Договор 945 г. дает еще несколько дополнительных данных. Русские послы и гости (слы и гостье) на этот раз оказываются отправленными «от Игоря, великого князя русского, и ото всякая княжья и от всех людей Русския земли». «И великий князь наш Игорь и бояре его и людье вси рустии послаша ны к Роману... створити любовь с самими цари, со всем болярством и со всеми людьми греческими на вся лета, дондеже съяет солнце и весь мир стоит»... «А великий князь русский и бояре его да посылают в Греки к великим царем греческим корабли, елико хотят, со слы и с гостьми...» И дальше читаем: «Ношаху сли печати злати, а гостье серебряни». Гостям по договору полагается от греков получить «месячное», послам — «слебное», в порядке иерархии городов: Киева, потом Чернигова, Переяславля и др.

В посольстве древлян к Ольге упоминаются, хотя и несколько позднее, лучшие и нарочитые мужи: «И послаша древляне лучшие мужи, числом двадесать в лодьи к Ользе» и в другом посольстве: «Древляне избраша лучшие мужи, иже держаху Деревску землю и послаша по ню». Ольга, обращаясь к древлянам, говорит: «...Пришлите мужа нарочита»².

Кто эти светлые князья, бояре и лучшие люди? Это не родовые старшины, потому что рода как такового в договорах с греками вообще не видно, за исключением, быть может, отдельных намеков на некоторые его пережитки. Эти пережитки больше заметны, например, у древлян или вятичей, чем у полян, стоявших, несомненно, выше их в своем развитии.

¹ Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, под 907-м, 912-м и 945 г.

² Лаврентьевская летопись, под 945 г.

В этом смысле должны быть поняты и те факты, которые дают нам договоры с греками. Здесь мы имеем частное имущество, которым его собственник вправе распоряжаться и, между прочим, передавать его по завещанию: собственник может «урядить свое имение», что полностью подтверждается и «Правдой Русской». На «закон русский», вошедший в древнейший текст «Правды Русской», ссылается договор 911 г. (ст. 5): «Аще ли ударит мечем или бьет кацем либо сосудом... да вдаст 5 литр серебра по закону русскому» (ср. «Русская Правда», Акад. сп., ст. 3). О крупных переменах в общественном строе изучаемого нами общества говорят также и очень интересные наблюдения археологов над историей форм поселений. М.И. Артамонов указывает на то, что IX в. для лесной полосы севера (те же процессы на юге наблюдаются значительно раньше) замечателен тем, что тип небольших укрепленных поселений, «городищ» (места поселений рода или большой семьи), исчезает. Взамен его появляются неукрепленные селения, деревни, и, вместе с тем, мы в это время наблюдаем появление того, что можно назвать укрепленным двором или замком. Это сочетание неукрепленных поселений и укрепленных отдельных дворов весьма характерно для данного момента.

Светлые князья и бояре, которых летописец называет княжими мужами, — не родовые старшины, а представители высшего класса древнерусского общества. Едва ли мы имеем родовых старшин даже у древлян этого времени.

В том же смысле надо понимать и различие в договоре Игоря 945 г. послов и гостей. Из вышеприведенного текста ясно, что послы имеют преимущества перед гостями: у послов печати золотые, у гостей серебряные; послам полагается особое продовольствие «слебное», гостям «месячина». Если мы не затрудняемся расшифровать термин «гость», полагая, что тут разумеются купцы, то кого мы должны понимать под послами, стоящими выше купцов? Это, несомненно, бояре. Всех этих бояр и «лучших мужей» выделяло из массы богатство и связанная с ним власть.

Бояре нашей древности состоят из двух слоев. Это наиболее богатые люди, называемые часто людьми «лучшими, нарочитыми, старейшими», продукт общественной эволюции каждого данного места, туземная знать и высшие члены княжеского двора, часть которых может быть пришлого (вместе с варяжскими князьями) происхождения. Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: «бояре» и «старци». «Старци», или иначе «ста-

рейшие», — это и есть так называемые земские бояре. Летописец переводит латинский термин «*Senatores terrae*» — «старцы и жители земли» (*Nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae* — «взорен бывает во вратах муж ее, внегда аще сядет на сонмищи с старцы и с жители земли»). По возвращении посланных для ознакомления с разными религиями Владимир созвал «боляри своя и старцы». «Никакого не может быть сомнения, — пишет по этому поводу Владимирский-Буданов, — что восточные славяне издревле (независимо от пришлых княжеских дворян) имели среди себя такой же класс лучших людей, который у западных славян именуется *maiores natu, seniores*, кметы и др. терминами»¹. Эти земские бояре отличаются от бояр княжеских. Владимир I созывал на пиры «боляр своих, посадников и старейшин по всем городам»², в своем киевском дворце он угощал «бояр, гридей, сотских, десятских и нарочитых мужей».

Арабы Ибн-Русте и Гардизи сообщают, что варяги обосновались в Новгороде (*Holmgard*) и отсюда облагают данью славян; многие из славян поступают к «этой руси» на службу. В Новгороде особенно ясно бросается в глаза наличие этих земских бояр. Когда в Новгороде, при кн. Ярославе, новгородцы в 1015 г., перебили варяжских дружинников, князь отомстил избиением их «нарочитых мужей»³, составлявших здесь «тысячу», т.е. новгородскую военную, не варяжскую организацию. В 1018 г. побежденный Болеславом Польским и Святополком Ярослав прибежал в Новгород и хотел бежать за море; новгородцы не пустили его и заявили, что готовы биться с Болеславом и Святополком, и «начаша скот сбирать от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Совершенно очевидно, что новгородское вече обложило этим сбором не княжеских дружинников, которых в данный момент у Ярослава и не было, потому что он прибежал в Новгород только с 4 мужами, а местное население, и в том числе бояр.

Таких же местных бояр мы видим и в Киеве. Ольговичи, нанесшие поражение киевскому князю Ярополку Владимировичу (сыну Мономаха) в 1136 году, как говорит летописец, «яша бояр много: Давида Ярославича, тысяцкого, и Станислава Доброго Тудковича и прочих мужей... много бо бяше бояре киевские изоймали»⁴.

¹ М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор ист. русск. права, с. 27, 1907.

² Лаврентьевская летопись, под 996 г., с. 122—123.

³ Новгородская летопись, под 1015—1016 гг.

⁴ Ипатьевская летопись, с. 214, 1871.

Это были бояре киевские, а не Ярополковы, т.е. местная киевская знать.

Важные данные о классовом составе русского общества X—XI вв., и в частности о боярах, мы имеем в церковном уставе кн. Ярослава.

«Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота... а меньших бояр — гривна золота... а нарочитых людей 2 рубля... а простой чяди 12 гривен кун... (ст. 3)

Аще кто назовет чужую жену блядью, а будет боярская жена великих бояр, за сором ей 5 гривен злата... меньших бояр... 3 гривна злата... а будет градских людей... 3 гривны сребра... а сельских людей... гривна сребра...» (ст. 25).

Этот перечень «бояре нарочитые, бояре меньшие, нарочитые люди и простая чадь» в Уставе повторяется по разным случаям неоднократно. Один раз вместо нарочитых людей названы «городские люди», а вместо «простой чади» названы сельские люди («а сельской жене 60 резан» или «гривна серебра»)¹.

Хлебников на основании расчета Ланге соотношение этих штрафов представляет в следующем виде²:

За оскорбление жен больших бояр 250 гривен кун, меньших бояр — 150 гривен кун, нарочитых (городских) людей 22 1/2 гривен кун, сельских людей или чади 17 1/2 гривен кун.

Принимая во внимание неясности в денежном счете «Правды Русской» и памятников, одновременных с нею мы вправе все же считать, что соотношение этих цифр верно. А это для нас в данном случае чрезвычайно важно. Социальное расстояние между большим боярином и сельским свободным человеком (общинником) выражается в цифрах приблизительно как 14:1, между боярином и городским или нарочитым человеком — 11:1. Летописный факт 1018 г., приведенный выше, по той же расценке денег дает приблизительно то же соотношение.

Итак, бояре есть разные, точно так же, как и горожане и сельские жители, о чем речь будет ниже.

Очень интересные черты внутри класса землевладельцев отражены в житии Феодосия Печерского. Отец его по распоряжению киевского князя был переведен в Курск («Бысть же родительма

¹ В.В. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права, с. 79 и 83. Петроград, 1915.

² Н. Хлебников. Общество и государство в домонгольск. период, с. 106. СПб., 1871.

блаженного переселиться в ин град, глаголемый Курск, князю тако повелевшу»). Дал ли князь отцу Феодосия в Курске землю, или она у него была там раньше, нам не известно, но известно, что под градом Курском у родителей Феодосия оказалось имение. Когда умер отец Феодосия, 13-летний мальчик «оттоле начат на труды подвижнее быти, якоже исходити ему с рабы своими на село делати со всяким прилежанием». В этом же городе жил и «властелин града», ниже названный «судиею». К этому «властелину» попал на службу и Феодосий. Он работал в «его церкви», а однажды этот вельможа велел Феодосию служить в его доме на званой трапезе, куда были приглашены другие «вельможи града».

Перед нами богатые курские вельможи, которым служит сын землевладельца небольшой руки. Мне кажется, отсюда неизбежен вывод, что курские вельможи тоже были землевладельцами, только крупными, служить которым не было зазорно Феодосию даже с точки зрения его матери, которая крепко блюла честь своего рода, находя несовместимым с его достоинством работу Феодосия по печению в церкви просфор («молятся, чадо, останися от такыя работы, — твердила она сыну, — укоризну бо приносиши на род свой»)¹. Достоинство мелкого землевладельца, по ее мнению, не страдало от службы в доме крупного феодала.

Поскольку мы уже отметили отдельные слои боярства, неодинаковые по своему материальному положению и происхождению, то вполне естественно допустить и разность в характере их материальной базы, по крайней мере, в начальный период их существования на территории Киевского государства. Если норманны, несомненно, входившие в состав боярства (по крайней мере, на севере Руси), вследствие примитивности организации своего завоевания, некоторое время пользовались ленами, составлявшими «только из даней», то говорить то же о туземной, неваряжской знати, выросшей в земледельческом обществе в процессе разложения земельной сельской общины и появления частной собственности на землю, решительно невозможно.

Самое верное решение этой задачи будет состоять в допущении, что богатство этих бояр заключалось не только в «сокровищах», но и в земле. Очень вероятно, что в таком именно смысле надо понимать замечание летописца, сделанное им по поводу смерти князя Владимира. «Се же (смерть Владимира) уведевше

людие, без числа снидошася и плакашася по нем: боляры аки заступника их земли, убозии акы заступника и кормителя» (Лавр. лет., под 1015 годом).

Признание боярского землевладения в IX—X вв. в нашей литературе не ново: уже Хлебников в 70-х годах XIX в. высказал убеждение, что «богатство в древнейшее время всегда состояло (он разумеет, конечно, общество с преобладанием земледелия. — Б.Г.) в обладании поземельной собственностью»¹.

Для более позднего времени (XI в.) он высказывается об этом предмете еще более решительно: «...Слово бояре не означало наемников, дружинников, игравших прежде более важную роль в дружине, но местных землевладельцев», «старшая или передняя дружина состояла отчасти из выслужившихся младших дружинников», «дружина стала наполняться местными боярами, богатыми землевладельцами»².

М.А. Дьяконов уже в XX в., подводя итоги разысканиям по этому вопросу, писал: «Одни предполагают, что лучшие люди Древней Руси вышли из торговой аристократии, другие — что это была по преимуществу военная знать; третьи думают, что землевладение издревле выдвигало крупных собственников в первые общественные ряды. Несомненно одно, что в ту пору, от которой сохранилось достаточное число документальных данных, бояре и огнищане являются землевладельцами и рабовладельцами»³.

В своей последней статье «Некоторые вопросы истории Киевской Руси» С.В. Бахрушин упрекает меня в том, что я в истории землевладения IX—XII вв. не указываю периодизации, «будто бы» этот процесс не подвергался «никаким существенным изменениям от IX до XII веков». Надеюсь, в этом новом издании своей книги я сумею лучше разъяснить свою точку зрения на предмет. Эволюцию на протяжении четырех веков я, конечно, признаю. Но тут дело не в эволюции. Нас с С.В. Бахрушиным разъединяет не признание ее или непризнание, а различное представление о состоянии культуры восточного славянства в IX—XI вв., и в частности — о роли земледелия в ранней истории нашей страны и времени появления частного землевладения. С.В. Бахрушин с уверенностью отмечает, что «нет ни одного известия о селах X в., которое не носило бы

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 17—19, СПб., 1911.

¹ Н. Хлебников. Ук. соч., с. 102.

² Там же, с. 215, 219, 221 и др.

³ М.А. Дьяконов. Очерки общ. и госуд. строя Древн. Руси, с. 83, 1910.

черт легенды», что в предании об Ольге «дело идет... не столько о пашенных землях, сколько о промысловых угодьях», потому что, по его мнению, земледелие «только в XI в. приобрело... господствующее значение», что только «в конце X в. еще начинался процесс освоения общинных земель будущими феодалами». О «легендах» и об Ольге речь будет ниже, а сейчас мне хочется подчеркнуть, что эволюция земледелия и землевладения в том виде, как ее изображает мой оппонент, противоречит фактам и биологическим, и историческим.

Для того, чтобы в XI в. могло появиться земледелие со всеми теми хлебными и техническими культурами, которые нам известны по письменным и археологическим источникам, необходимы века. Достаточно указать на сообщаемый восточными документами факт, что славянский лен (конечно, лен-долгунец, годный для пряжи) в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент, чтобы у каждого, знакомого с культурой этого льна, появилось совершенно ясное представление о столетиях, необходимых для развития этой культуры в стране, где лен появился и откуда он вывозился на далекий Восток. То же в той или иной мере необходимо сказать и относительно других сельскохозяйственных культур, известных нашей древности. Я не могу здесь повторять того, что было уже сказано выше в главе III, но думаю, что тот, кто захочет поддерживать мнение, высказанное моим критиком, должен опровергнуть сначала все собранные выше аргументы, а потом уже говорить о том, легендарны или нелегандарны факты о селах X в. Наконец, надо подумать и о том, не может ли и в легендах заключаться зерно самой подлинной правды.

То же необходимо сказать и об истории частной собственности на землю и о росте крупного землевладения. Это тоже процессы весьма и весьма длительные. Установление периодизации этих процессов заключается совсем не в том, чтобы отсечь период до XI в. и сказать, что с XI в. крупное землевладение уже факт очевидный, а в том, чтобы постараться показать, как и когда, в течение какого времени и при каких условиях этот факт мог сделаться фактом настолько очевидным, что даже мой очень скептически настроенный критик находит возможным в нем несколько не сомневаться. Сознаю, что, за неимением материалов, я этого процесса по периодам установить не смог, но настаиваю на том, что только очень длительный процесс мог привести к очевидным результатам XI в. Когда этот процесс начался, я сказать не могу,

но что он шел и в VI, и в VII, и в VIII вв., в этом нет никаких сомнений, поскольку этот процесс есть процесс разложения рода и образования классового общества в земледельческой среде.

Однако, несмотря на то, что вопрос этот далеко не новый, что к его решению привлекаются, за неимением новых, обычно одни и те же письменные источники, мне кажется, что из этих старых источников по данному вопросу извлечено далеко не все возможное. Я имею в виду договоры с греками. Только А.Е. Пресняков обратил внимание на то, что в договоре Игоря 945 года перечислены послы от переименованных в договоре лиц, но не сделал отсюда никаких выводов. А между тем эти выводы напрашиваются сами собой. В договоре 945 года, который заключался от имени князя Игоря, князей и бояр его, прямо перечислены эти князья и, по крайней мере, часть самого влиятельного и богатого боярства. От великого князя Игоря послом отправляется Ивор. Поскольку он является представителем столь высокой особы, он и поставлен в особое положение. Стоит он на первом месте и не смешивается с другими послами, которые и названы в договоре «общими слами». В эту общую массу послов попали и представитель княгини Ольги, жены Игоревой, и представитель кн. Святослава, сына Игорева, двух племянников Игоревых и 20 бояр. Среди них несомненный славянин Владислав и славянка Предслава (М.С. Грушевский склонен превратить ее в мужчину путем отсечения последней гласной). У каждого из них свой особый уполномоченный, как от мужчин, так и от женщин.

Такую же картину мы имеем и в изображении Константином Багрянородным посольства в Царьград кн. Ольги. Княгиня Ольга прибыла в Византию не одна, а во главе большого посольства, среди которого в данной связи нас интересует категория, названная у Константина «апокрисиариями русских вельмож». «Апокрисиарии» — это уполномоченные. «Русские вельможи» — здесь, несомненно, те самые светлые князья и бояре, о которых упоминают договоры с греками. Иначе понять этот термин нельзя, поскольку князья-Рюриковичи, известные нам по русским источникам, тут же названы особо: Ольга, ее сын Святослав и какой-то ее племянник. Никаких других князей-Рюриковичей мы не знаем. Стало быть, Константин Багрянородный под приславшими своих апокрисиариев понимает русскую знать, т.е. по нашей терминологии боярство, куда успела влиться частично и знать народов, вошедших в состав Киевского государства. Это и есть то, что договоры и летопись называют светлыми князьями и боярами.

О чем говорит это представительство? Несомненно, прежде всего о том, что этим делегатам было кого представлять. Особенно характерны в этом отношении женщины, посылавшие своих уполномоченных. Ничего другого тут придумать нельзя, как только признать, что у перечисленных в договоре вельмож и, надо предполагать, их жен и вдов имеются свои дворы в самом обычном для этого времени смысле этого термина, т.е. усадебная оседлость, хозяйственные постройки, земля, обрабатываемая руками «челяди», известное число военных и невоенных слуг. От этих боярских домов, крупных боярских фамилий и посылались представители для заключения договоров с греками. В случае смерти боярина фамильный дом (двор, замок) не прекращал своей жизни: во главе его становилась жена-вдова («что на ню муж возложил, тому же есть госпожа», «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 93). Она тоже посылала своего представителя в Византию. Все это говорит нам об устойчивости этих крупных фамильных, переходящих от отцов к женам и детям владений, об организованности этих дворов, прежде всего, в смысле людского комплекса, собранного под властью своего хозяина. О родовых старшинах здесь не может быть речи. Перед нами верхи классового общества. Иначе трудно себе представить это представительство. Становится совсем не легендарным, а самым реальным замок кн. Ольги Вышгород («бе бо Вышегород град Вользин», Лавр, лет., под 946 г.), ее села, не одно, а много, и, конечно, совершенно реальное село Ольжичи, принадлежность которого именно ей, княгине Ольге, засвидетельствовал наш летописец. Такие вещи хорошо запоминаются. Каждый крестьянский мальчик в окрестностях знал, что данное село княжеское и именно кн. Ольги. Летописец ошибиться здесь не мог, а умышленно сочинять факты такого рода у него не было никаких специальных побуждений. Причислять сообщение летописца о княгинином селе к числу фактов легендарных нет никаких оснований.

Мне кажется, что справедливость моих догадок может быть подтверждена еще одним интересным, но, к сожалению, мало изученным источником. Я имею в виду «Устав новгородского князя Святослава Олеговича» 1137 года. В этом Уставе не только фиксируются новые распоряжения князя Святослава, но отмечается и то, что было до него, при его прадедах и дедах. Его далекие предки уже, стало быть, достаточно давно (X в. тут несомненно, так как иначе нельзя было бы говорить о «прадедах и дедах» во множественном числе) владели здесь землей.

На каком праве владели новгородские князья этой землей, сказать трудно. Факты землевладения князей-Рюриковичей на новгородской территории, конфискация этих земель вечем в конце 30-х или начале 40-х годов XII века и передача их св. Софии и монастырям были известны Ивану III и высказаны им в качестве оправдания конфискации на себя части земель епископских и монастырских «... зане тыи испокон великих князей, а захватили сами»¹ или: «...быша бо те волости первое великих же князей, ино они (новгородцы. — Б.Г.) их освоиша»².

Больше чем вероятно, что и бояре новгородские уже очень рано успели стать владельцами доходных в том или ином отношении участков северной территории.

И, как это ни смело будет с моей стороны, решаюсь высказать догадку, что некоторые бояре-мужи новгородские имели свое представительство в Игорева делегации в Византию в 945 году. Подчеркиваю, что это только догадка, которую, однако, просто игнорировать, мне кажется, не следует.

В Уставе Святослава Олеговича названа онежская княжеская земля, во главе которой стоял княжеский «домажирич», у которого есть особая княжеская касса, независимо от центральной княжеской кассы («клеть») при князем дворе. Домажирич собирает на онежской территории виры и продажи. В той же грамоте ниже названо много погостов и других мест, с которых в пользу новгородской Софии должна была идти десятина, но уже не от вир и продаж, а от княжеских даней, которые при систематической повторяемости довольно рано превратились либо в государственную подать, либо в докапиталистическую земельную ренту.

Ясно, что этот перечень охватывает не всю новгородскую территорию, а лишь некоторую ее часть.

Уже в начале XIX в. было обращено внимание на то, что в нашей древности, говоря современным языком, бюджет княжеского двора отделяется от государственного бюджета. На княжеские нужды, на содержание его двора идет 1/3 доходов-даней, а 2/3 идут на государственные потребности. Ольга брала 1/3 дани с древлян на свой двор, сосредоточенный в Вышгороде, 2/3 шло на Киев. Ярослав и другие новгородские посадники уплачивали 2/3 даней в Киев, а 1/3 оставляли себе (Мстислав Удалой взял дань с чуди и 2/3

¹ В.Н. Татищев. Ист. Росс. М., 1848, с. 67.

² ПСРЛ, т. VIII, с. 204; т. XII, с. 197; т. XXIV, с. 198; Б.Д. Греков. Новг. Дом св. Софии, с. 237—238.

отдал новгородцам, а 1/3 раздал своим дворянам, т.е. двору¹). Если это так, то в перечне Святославовой грамоты мы можем видеть именно ту часть новгородских погостов, которые выделены были на содержание княжеского двора. С этой своей вотчины князь и давали десятину на содержание Софийского храма. Голубинский доказал, что десятинная была положена не на всех людей, а лишь на «одних вотчинников, которые владели недвижимыми именами и получали с имений оброки»². Как Владимир оставил для Десятинной церкви Киевской «от имения своего и от град своих» (укрепленных дворов-замков. — Б.Г.) десятую часть, так и Ярослав после Владимира «ины церкви ставяше по градом и по местам, поставляя попы и дая им от имения своего урок». Земельные владения новгородских князей, которые они унаследовали, несомненно, от древнейших времен, по своим размерам очень велики, а по составу, как и по историческому своему происхождению, сложны и очень интересны. Состоят они из отдельных погостов, у которых, до перехода их в княжеское владение, может быть были свои еще более старые владельцы, по именам которых они назывались и продолжали называться и после их окняжения. Во всяком случае, это одно из возможных объяснений этих названий: Волдутов погост, Тудоров, Ивань погост, Ракуль, Чудин, Спирков и др. Может быть, эти личные имена частью принадлежали и местной знати, «чудским старшинам», как думал М.К. Любавский. Но ведь и некоторая доля чудских старшин вошла в состав новгородского, а потом и киевского боярства, например, боярин Чудин (ср. погост Чудин в грамоте Святослава Ольговича), как нам хорошо известно, обосновавшийся в Киеве до 945 года (под этим годом упоминается его двор в Киеве, построенный на месте бывшего княжеского).

Обращаю внимание на совпадение нескольких имен новгородских крупных землевладельцев-бояр с именами тех бояр, которые посылали своих уполномоченных в Византию в 945 году. Это Тудор, Спирк (Сфирк). В договоре 911 года упомянут Лидул, весьма напоминающий Лигуя (грамота Святослава). Нет ничего невероятного в том, что несколько крупных новгородских знатных фамилий (они могли иметь владения и не только в Новгородской земле, а и южнее) участвовали в большом политическом предприятии вместе со своими князьями Олегом и Игорем, новгородцами по происхождению, как не без основания уверяет нас летописец.

¹ Гегемейстер. Разыскания о финансах древней России, с.29.1833.

² Е. Голубинский. История русск. церкви, т. I, вып. 1, с. 507. М., 1901.

Конечно, это только догадки, которые заслуживают внимания только потому, что они находят подтверждение в других фактах княжеского и боярского землевладения X века. Среди имен, связанных с названиями северных погостов, кроме одного Ивана, христианских имен нет, а многие из имен, весьма вероятно, не славянские имена, что так понятно для Новгорода с известной пестротой его этнических элементов.

Я совсем не склонен умалять значение промысловых угодий ни в X и в XI, ни в более поздние века, но не они делали в это время погоду. Не опровергает моих положений и тот известный всем факт, что князья и бояре Древней Руси в X—XI вв. имели много золота, серебра, дорогих мехов и тканей, получаемых ими не от сельского хозяйства, а попадавших к ним либо в качестве военной добычи, либо путем торговли в обмен не на произведения сельского хозяйства, а на продукты пушной охоты и бортничества. Если только летописец несколько не преувеличивает, то можно даже удивляться размерам этих сокровищ. Под 1158 г., например, мы имеем следующую запись: «Сии бо Ярополк вда всю жизнь свою, Небольшую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева; Глеб же вда в животе своем с княгинеею 600 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя»¹.

Размеры находимых древнерусских кладов как будто подтверждают эти сообщения летописи.

И тем не менее все эти факты объясняются очень просто тем, что территория, занятая восточным славянством, рано стала ареной деятельности торгового капитала стран как азиатского Востока, так и скандинавского Севера и греческого Юга. Это развитие торговли уже давно отмечалось в нашей науке, а совсем недавно было еще раз и очень сильно подчеркнуто Пиренном в его книге: «Les villes du moyen age», где, сравнивая положение торговли каролингской Европы и Южной Руси, он отдавал явное преимущество этой последней². Но денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости, и часто «самостоятельное и

¹ Ипатьевская летопись, с. 338, изд. 1871 г.

² Henry Pirenne. Les villes du moyen age. Essai d'histoire économique et sociale, p. 46—52. Bruxelles, 1927.

преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»¹.

Торговля первых самостоятельных, пышно развивавшихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников. Эти общества, становящиеся объектом воздействия чуждого им торгового капитала, иногда обнаруживают большую устойчивость своих производственных отношений. Поэтому необходимо внести существенную поправку в мнение Довнар-Запольского и др. о том, что основой богатства господствующих классов в этот период истории Киевской Руси были движимые ценности, а не земля.

Самое появление классов в обществе, где главной отраслью производства было земледелие, не может быть объяснено без появления частной собственности именно на землю. Однако владение землей нисколько не исключает факта наличия у господствующих классов значительных сокровищ, полученных не от эксплуатации земли.

Нам надлежит сейчас еще раз проверить наши наблюдения и соображения о землевладельческой базе господствующих классов Древней Руси, так как эта сторона дела имеет для нас чрезвычайное, решающее значение. Вот факты.

Ольге принадлежало село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи доселе»)². Вышгород был городом (замком) кн. Ольги³.

У матери Владимира I, ключницы княгини Ольги, Малуши, было тоже село Будутино⁴. У Рогнеды был город Изяславль. Бе-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, с. 252. М.: Госиздат, 1930.

² Лаврентьевская летопись, под 947 г. Тут дело не в том, созвучно ли это имя с именем княгини Ольги или не созвучно, а в том, обманывает ли нас или не обманывает летописец, когда нас уверяет, что это село, как бы оно ни называлось, стояло уже в XI в. при летописце, которому было известно, что оно принадлежало именно кн. Ольге. С.В. Бахрушин в указанной статье без достаточных оснований устаряет это свидетельство о наличии княжеских сел в X в.

³ Там же, под 946 г.

⁴ С.М. Соловьев. История России, т. I, с. 145, прим. Изд. «Общ. Польза»; А.А. Шахматов. Рязьскания, с. 377. Упоминание о Берестовом летописцем XI в. не есть доказательство того, что летописец не имел оснований связывать это

рестово было подгородным княжеским селом у Владимира. Под Новгородом уже в конце X и начале XI в. было княжеское село Ракома, куда ездил кн. Ярослав в ту ночь, когда новгородцы избили варягов на Парамони дворе. Здесь уместно напомнить и знаменитые поездки кн. Ольги по мало освоенным властью частям государства, где она интересовалась не только местами охоты, но и населенными местами и землей.

Это все факты, случайно дошедшие до нас от X в. Обольщать себя уверенностью, что они подлинно относятся к тому времени, к какому приурочил их летописец, конечно, не приходится. Но, с другой стороны, это факты такого рода, исказить которые для летописца не было никакого смысла, и потому, мне кажется, мы можем принять их, если не в качестве подлинных, то, во всяком случае, таких, невероятность которых требует специального доказательства.

А.Е. Пресняков тоже считает боярское землевладение явлением старым. Он указывает на то, что «упоминания о боярских селах случайны и немногочисленны, но это — упоминания мимоходом, как о явлении обычном»¹. У нас есть полное основание признать мысль А.Е. Преснякова совершенно правильной. Упоминания о боярских селах X в. только слабые намеки на общественное явление, имевшее весьма широкое распространение в жизни этого времени.

Фактический материал XI—XII вв. значительно богаче. В 1087 г. по поводу смерти Ярополка Изяславича летопись говорит: «Ярополк десятину дал от всех скот своих святой Богородицы и от жита»².

Кн. Мстислав в 1096 г., считая войну законченной, «распусти дружину по селом»³.

Владимир Мономах проявлял большую заботливость о хозяйстве в селах, как видно из его поучения. «Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в житех, да не кляти вас начнуть»⁴. В житии св. Ефросинии называется в 1128 г. княжеское село около По-

село с именем кн. Владимира Святославича, как думает мой оппонент С.В. Бахрушин (ук. соч.).

¹ А.Е. Пресняков. Лекции по русской истории, с. 195.

² Ипатьевская летопись, под 1087 г.

³ Лаврентьевская летопись, с. 230. 1910.

⁴ Там же, с. 237.

лоцка, в 1146 г. упоминаются княжеские села в земле северян¹, в 1150 г. — в Смоленском княжестве².

Любеч и Чернигов были окружены в XII в. княжескими селами³, у Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальской земле был город-замок Боголюбов и много «слобод купленных и сел лепших». В том же XII в. неоднократно встречаются известия о разорении сел боярских⁴. От Владимирского епископа Федорца «много пострадаша человеци... и сел избыша, оружия и конь...»⁵

В 1171 г. Владимир Мстиславич, хитростью овладевший Доргобужем по смерти Владимира Андреевича, говорил своей дружине: «Целую к вам крест и к княгини вашей, якоже ми на вас не позрети лихом ни на ятровь свою, ни на села ее»⁶. А в 1150 г. кн. Изяслав в обращении к своей дружине говорит о владении дружинниками землей как о явлении обычном, само собою разумеющемся: «Вы есте по мне из Русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Здесь дружинник мыслится именно в качестве землевладельца⁷.

Под 1177 г. сообщается, что в Суздальской земле сожжены «села боярские»⁸. В 1146 г. киевляне «разграбиша... дома дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты»⁹.

В 1209 г. новгородцы сотворили вече на посадника Дмитра и на его братью, а после этого зажгли их дворы, «а села их распродаша и челядь»¹⁰. Конечно, не сам боярин Дмитр, убитый в 1209 г., и даже не его отец приобретал и осваивал эти села. Перед нами наследственное имущество старого боярского рода.

Москва, упоминаемая в летописи впервые под 1147 г., в то время была селом, принадлежавшим кн. Юрию Владимировичу Долгорукому, где у него стоял укрепленный двор-замок. В этом году он приглашал к себе в гости «в Москву» своего союзника, северского князя Святослава Ольговича, куда последний и прибыл с небольшой дружиной и своим малолетним сыном. Юрий устро-

ил здесь для своего гостя «обед силен» и одарил гостей дарами¹. Само собой разумеется, что место, выбранное Юрием для приема своего союзника, должно было иметь ряд необходимых для этого условий и, прежде всего, должно было представлять собой значительное селение, снабженное для приема многочисленных гостей всем необходимым. Едва ли можно сомневаться, что Москва и была именно таким селением.

У Юрьева гостя Святослава Ольговича на Путивле, по-видимому, было такое же село, о котором случайно мы имеем некоторые сведения: во время нападения на него в 1146 г. неприятель забрал множество всякого товару: «И ту двор Святославль разделили на 4 части: и скотнице и бретьянице и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду и вина 80 корчаг; и церковь св. Вознесения всю облупиша, сосуды серебряные и индитьбе и платы служебная, а все шито золотом и кадельнице две и кацьи, евангелъе ковано и книги и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот»².

«Добре устроенный» двор кн. Игоря, брата Святослава, довольно подробно изображается в той же летописи: «Поидоста на Игореве село, идеже бьяше устроил двор добре; бе же ту готовизнины много и в бретьяницех и в погребях вина и медове и, что тяжкого товара всякого до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы себе и воем и потом повелеста зажечи двор и церковь св. Георгия и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот». Эти дворы, конечно, возникли не в начале XII в., а значительно раньше³.

Новгородский летописец в первой половине XI в., вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, утверждал, что в старое время князья и дружинники добывали богатство главным образом войной с чужими народами, а свои имения не эксплуатировали чрезмерно. Сейчас дело переменялось. Эксплуатация своих имений стала главным источником обогащения, с чем связано и насилие над своими соотечественниками. Летописец осуждает этот образ действий своих современников и говорит, что именно за это навел Бог на Русскую землю «поганые», «а и скоты наши и села наша и имения за теми суть»⁴. Он, стало быть, тоже подчерки-

¹ Е.Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, в. 1, с. 522, примеч.

² П.В. Голубовский. История Северной земли, с. 28.

³ ДАИ, I, № 4.

⁴ Ипатьевская летопись, с. 24, 26, 54.

⁵ Там же, с. 377.

⁶ Ипатьевская летопись, под 1171 г.

⁷ Ипатьевская летопись, под 1150 г.

⁸ Новгородская I летопись.

⁹ Ипатьевская летопись, под 1146 г.

¹⁰ И.Е. Забелин. История Москвы, ч. I, с. 1—2.

¹ Ипатьевская летопись, с. 236, изд. 1881 г.

² Ипатьевская летопись, с. 237.

³ Там же, с. 236, изд. 1881 г.

⁴ Новгородская I летопись, изд. 1888 г., с. 2.

ваает наличие земельных владений у господствующих классов как в XI в., так и раньше. (Раньше имений никто у князей и бояр не отнимал, потому что они вели себя иначе, чем сейчас.)

Церковь на Руси с момента своей организации начинает владеть недвижимым имуществом. Киево-Печерский монастырь в XI в. владеет селами. В житии Феодосия Печерского мы имеем факты, говорящие не только о том, что сел этих было немало, но и о том также, что села эти эксплуатировались, что там для этого сидела монастырская администрация. Феодосий перед своей смертью собрал свою братью — «и еже в селах и на иную кую потребу отошли» и стал их наставлять, «еже пребывати комуждо в порученной ему службе со всяким прилежанием»¹. Служба в селах, стало быть, обычное дело для братии Печерского монастыря в XI в. Значит, там велось сельское хозяйство, хотя собственное барское хозяйство в размерах весьма небольших. Села Печерского монастыря были не бедные. Одно из сел привлекло внимание разбойников. Почему, тем не менее, монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть, — разгадать довольно трудно. Всего вероятнее допустить, что автор жития Феодосия сообщает факты, взятые из того времени, когда монастырь был еще беден. Может быть также, что автор жития нашел для себя полезным несколько сгустить краски относительно бедности монастыря при жизни Феодосия.

Села в качестве базы существования феодалов в XI в. настолько были обычным явлением, настолько ценились землевладельцами, что лишение их приравнивалось, как мы уже видели, к потере источника жизни; иногда это бедствие сравнивается с бедствием потери любимых детей. Феодосий выразил эту мысль совершенно отчетливо: когда ему грозило заточение, он был совершенно спокоен и мотивировал свое состояние духа тем, что у него нет сильных привязанностей в мире («еда ли детей отлучение или сел опечалует мя»).

В рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом горы в то время, когда села у монастыря уже были; находим также известие о даче боярином Ефремом сел в монастырь.

Итак, для XI в. мы имеем достаточно убедительные сведения о церковном землевладении. Факты того же рода от XII в. значительно обильнее.

¹ Киево-Печерский патерик, с. 52—53, изд. Арх. ком., 1911.

В 1128—1132 г. кн. Всеволод Владимирович пожаловал Юрьеву монастырю село «Буйце» «с данью, вирами и продажами»¹. Смоленский князь Ростислав Мстиславович дал в 1150 г. несколько сел Смоленской епископии². Князь Ярополк в 1158 г. дал в монастырь волости Небльскую, Деревскую и Лучскую, а дочь его завещала туда же 5 сел с челядью³. Кн. Андрей Боголюбский заложил церковь во Владимире, между прочими дарами пожаловал ей «слободы, купленные с даньми и села лепшая»⁴, в 1192 г. Варлаам Хутынский дал «св. Спасу землю, огород, ловища и пожни»⁵.

Все эти факты, число которых можно несколько и умножить, говорят с несомненностью о том, что князья, бояре, церковь, т.е. правящие верхи славянского и не славянского общества, объединенного в X—XI вв. под гегемонией Киева, были связаны с землей, хотя богатели далеко не всегда от земли. Но, тем не менее, именно землевладение становилось все более и более важной базой, выделявшей эти верхи из массы; оно же давало возможность и иных всяких приобретений. Дальнейший рост землевладения шел по линии укрупнения землевладения, увеличения числа землевладельцев и изменения формы земельной докапиталистической ренты. В этом отношении XIII—XIV вв., конечно, сильно отличаются от X—XI. Меняется также и характер хозяйства, и место земли в системе этого хозяйства. Мы, несколько не отрицая эволюции в этой области и всемерно ее подчеркивая, сейчас говорим лишь о фактах более ранних, с которыми не считаться нельзя.

Землю покупают, дарят, меняют. Она представляет несомненную ценность. И это обстоятельство нельзя забывать, несмотря на весь блеск золота, шелков, драгоценных камней и других «сокровищ», хранимых в кладовых у «сильных мира сего». В этом случае неизбежно приходят на память слова немецких послов, прибывших в 1075 г. к кн. Святославу, приведенные летописцем, правда, со специальным назначением, но, тем не менее, весьма характерные. Он «величался», показывая им свое богатство. «Они же видевше бесчисленное множество злата и серебра и паволоки реша: се ни в что же есть, се бо лежит мертво, сего суть кметье лучше; мужи

¹ ДАИ, I, № 2.

² ДАИ, I, № 4.

³ Ипатьевская летопись, с. 338, изд. 1871 г.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1158 г.

⁵ ДАИ, I, № 5.

бо се доищут и больше сего»¹. Пусть они этого на самом деле и не говорили, пусть летописец сам вложил эти слова им в уста для того, чтобы удобнее сделать свой собственный вывод о предпочтительной ценности дружины, все равно мысль высказана верная и для того времени весьма характерная. Все эти сокровища действительно лежали втуне. Земельная докапиталистическая рента была скромнее, но зато надежнее мертвых сокровищ, потому что ей принадлежало будущее. Сельское хозяйство мелкого производителя и эксплуатация этого последнего крупным землевладельцем, во всяком случае, были ведущим фактором уже и тогда.

Однако не нужно думать, что в XI в. княжеская, церковная или боярская вотчины уже успели приобрести тот хорошо знакомый нам образец вотчины, который мы имеем в XV в. в писцовых новгородских книгах, в духовных завещаниях князей и бояр² в договоре Юрьева монастыря с крестьянами Робичинской волости³ и других наших источников XIV—XV вв.

Так думать было бы большой ошибкой.

Вотчина XI в. отличается от вотчины XV в. и своей организацией, и характером зависимости непосредственных производителей, работающих на своего хозяина-вотчинника, и формой земельной докапиталистической ренты, взимаемой с зависимых от вотчинника людей, и, наконец, своим хозяйственным и политическим значением.

От XI до XV в. вотчина в своем развитии прошла большой путь, по-видимому, не меньший, чем от момента возникновения частной собственности на землю до XI в., когда она была так ярко запечатлена на страницах «Правды» детей Ярослава.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ КРУПНОЙ ВОТЧИНЫ X—XI вв.

Совещание сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава, Всеволода и их мужей, на котором рассматривались вопросы, связанные с княжеской вотчиной, оставило нам материал и для суждения об организации древнерусской вотчины.

¹ Лаврентьевская летопись; Новгородская IV летопись.

² СГГид, т. I, № 40, 130 и др.

³ Б.Д. Греков. Феодальная деревня, док. № 17; Макарий. Описание Новг.-Юрьева, с. 66.

Совещание происходило, по-видимому, после смерти Ярослава, т.е. после 1054 г., но когда именно, нам точно не известно, во всяком случае, не позднее 1073 г., когда Изяслав был изгнан из Киева.

Мы также можем только догадываться и о причинах, вызвавших это собрание. Однако результаты его налицо. Это так называемая «Правда» Ярославичей. В «Пространной Правде» имеются указания, способные пролить некоторый свет на темные стороны интересующего нас совещания князей и их бояр: «По Ярославе же паки совокупившеся, — читаем в «Пространной Правде», — сынове его — Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их — Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Здесь как будто довольно ясно указана главнейшая цель совещания. Она заключалась в том, чтобы пересмотреть систему наказаний и окончательно отменить умирающую месть, и раньше уже поставленную под контроль «государственной» власти. Эта система действительно была пересмотрена, и месть официально ликвидирована. Остальное все, что было при Ярославе, осталось нетронутым и при его детях. Это очень важное замечание. Весь вопрос, к какой части «Правды» оно относится: к древнейшей ли ее части, которую мы не без основания считаем «Правдой», данной Ярославом новгородцам, или же не только к ней. Какое бы предположение мы ни высказали, оно будет одинаково гипотетичным. Конечно, «спокойнее» и «вернее» оставить просто без ответа поставленный вопрос, но едва ли это будет лучшим выходом из создавшегося положения.

Имеем ли мы право допустить, что у Ярослава тоже были свои имения, где велось сельское хозяйство? Да, имеем. Мы знаем имение Ярослава под Новгородом, село Ракома. Мы знаем, что это не единственное княжеское село в Новгородской земле. Несколько более поздние данные (начала XII в.) говорят нам об очень многочисленных княжеских селах, которыми владели новгородские князья в начале XII века и их деды и прадеды несомненно в X в., а может быть и раньше. Княжеское землевладение началось здесь, конечно, не с Ярослава. Мы также знаем, что Ярослав, став киевским князем, застал здесь княжеские замки и села в готовом виде. Мы должны с этими фактами серьезно считаться.

А если у Ярослава были имения, то, несомненно, они были ответственным образом организованы, какие-то люди, несомнен-

но зависимые от вотчинника, здесь работали, подчиняясь, конечно, определенному режиму.

По моему мнению, можно без особых натяжек допустить, что дети Ярослава в этом отношении пошли за отцом, по крайней мере оставили тут все основное, «якоже Ярослав судил». Правда, и дети его не были в этом отношении пассивными. Изяслав, например, «судил» убийц своего старшего конюха, которого убили дорогобужцы. Это было до совещания князей, и, несомненно, говорит о том, что поблизости к Дорогобужу, если не в нем самом, у Изяслава было имение.

Таким образом, мы как будто получаем некоторую ориентировку относительно времени, отображенного в «Правде» Ярославичей. Это не только время Ярославичей, но и время Ярослава, т.е. первая половина XI в.

Так как для нас очевидно, что вотчинная организация слагалась в течение достаточно длительного времени, то мы нисколько не сомневаемся, что данные начала XI в. вполне могут характеризовать и структуру вотчины X в., во всяком случае второй его половины.

Во избежание справедливых упреков в произвольном пользовании хронологически разновременными материалами, попробуем восстановить основные черты древнерусской вотчины исключительно по материалам «Правды» Ярославичей. Я не останавливаюсь здесь на доказательствах тезиса, что в «Правде» Ярославичей изображена не вотчина вообще, а именно княжеская вотчина. Не останавливаюсь потому, что это положение станет и без того ясным из дальнейшего изложения. Считаю все-таки необходимым предупредить читателя, что, несмотря на попытки некоторых историков опровергнуть этот тезис, их доводы кажутся мне совсем не убедительными, и я по-прежнему настаиваю на том, что в «Правде» Ярославичей обрисована в главнейших своих чертах жизнь вотчины княжеской. Центром этой вотчины является «княж двор» (ст. 38 Акад. сп.), где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные постройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и др.

Конечно, ручаться, что все это именно так и было в действительности, мы не можем, но материал, имеющийся в нашем распоряжении, не только не противоречит нашим предположениям, но скорее их подтверждает.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины, и в частности сохранность княжеского вотчинного имущества. При нем, по-видимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений «подъездной княж» (от слова «подъезд», что обозначает право приезда епископа для получения причитающихся ему взносов, иногда — самый взнос в пользу епископа; подъездное — одна из торговых пошлин; подъездчик — сборщик «подъезда»).

Надо думать, в распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т.е. заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами.

Все эти лица охраняются 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Далее следуют княжьи старосты — «сельский и ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. Они, несомненно, люди зависимые. Как распределяются их функции, мы точно сказать не можем, но, по-видимому, их роли в значительной степени определяются содержанием терминов «сельский» и «ратайный». Сельский староста, по-видимому, выполнял функции наблюдения за населением вотчины, являлся исполнителем распоряжений высшего административного ее аппарата. Что касается ратайного старосты, то, поскольку ратай — пахарь, ратайный — пашенный, у нас неизбежно возникает предположение, что на обязанности ратайного старосты лежит наблюдение за пашней, а так как речь идет о князем старосте и княжеской вотчине, то естественно предположить здесь наличие княжеской пашни, т.е. княжеской барской запашки. Это предположение подтверждается и тем, что эта же «Правда» называет межу и назначает за ее нарушение непомерно высокий штраф, по штрафной сетке следующий за убийством человека: «А иже межу перерет... то за обиду 12 гривен» (ст. 34). Столь высокий штраф едва ли может относиться к крестьянской меже (за кражу княжеского коня — 3 гривны, за «княжую борть» 3 гривны). Как будто у нас есть основание признать в княжеской вотчине наличие княжеской пашни. Таким образом, мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины.

Это предположение подтверждается и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях «Правды» Ярославичей.

Тут называются — клеть, хлев и полный обычный в большом, сельском хозяйстве ассортимент рабочего, молочного и мясного

скота и обычной в таких случаях домашней птицы. Тут имеются кони княжеские и смердьи (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским земледельческим хозяйством мы видим здесь также борти, которые так и названы «княжими», приспособления для ловли птиц «перетес» (ст. 34).

«Правда» называет нам и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это рядовичи смерды и холопы. О них будет речь ниже. Их жизнь расценивается в 5 гривен.

Мы можем с некоторой уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом, мне кажется, говорит наличие охотничьих псов и приспособленных для охоты ястребов и соколов. «А оже украдут чюж пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны» (ст. 37). Тут, правда, не сказано, что эти пес, сокол и ястреб принадлежности именно княжеской охоты, но, мне кажется, мы имеем право сделать такое заключение, во-первых, потому, что в «Правде» Ярославичей в основном речь идет о княжеской вотчине, во-вторых, потому, что иначе делается непонятной высота штрафа за кражу пса, ястреба и сокола. В самом деле, штраф этот равняется штрафу за кражу княжого коня и на одну гривну меньше штрафа за кражу коня, с которым работает в княжом хозяйстве смерд¹.

Князь в своей вотчине рисуется «Правдой» в качестве землевладельца-феодала, имеющего известные феодальные права по отношению к зависимому от него как вотчинника населению. Вся администрация вотчины и все ее население, зависимое от вотчинника, подлежат его вотчинной юрисдикции.

Судить их можно только с разрешения и ведома вотчинника («или смерд умучат, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине и в тивунице и в мечнице 12 гривен» — ст. 33 Акад. сп.). Нельзя не заметить еще очень важного обстоятельства, касающегося княжеской вотчины. Она существует не в безвоздушном пространстве, не изолирована от внешнего мира, а находится в миру, непосредственно и самым тесным образом связана с сельской

¹ Допускаю возможность и иного толкования термина «смердий конь»: в смысле коня, принадлежащего смерду.

общиной. Это не гипотеза, а теорема, которую совсем не трудно доказать. Если убьют огнищанина и убийца его известен, то наказанию (штраф в 80 гривен) подлежит именно он, «а людем не надобе» написано в «Правде» (стр. 19). Если убийца не обнаружен, то отвечают «люди» «вирное платити, в ней же верви голова начнет лежати» (ст. 20). Это «вервь» «Правды» Ярославичей, или иначе «мир» «Правды» Ярослава. О них шла уже речь в другом месте. Сейчас мне хотелось бы подчеркнуть отношение крупной вотчины к сельской общине, о чем приходилось уже в другой связи указывать выше. Крупная вотчина не только локально связана с сельской общиной, княжеская вотчинная администрация имеет какое-то отношение и к другим общинам, непосредственно не соприкасающимся с вотчиной. Огнищанин может быть убит не только в той верви, которая связана с вотчиной, а и в других вервях. Отвечает за убийство огнищанина — и, конечно, не только его одного, а всех представителей вотчины — та вервь, на территории которой найдено тело убитого (в случае необнаружения убийцы). Это обстоятельство может говорить о том, что огнищане, подъездные, тиуны имеют радиус действия, выходящий за пределы вотчины; это обстоятельство может указывать и на то, что представители княжеской вотчинной администрации имеют не только экономические, но и политические функции.

Расположение княжеской вотчины в окружении крестьянских миров объясняет нам очень многое в содержании «Правды» Ярославичей. Мы начинаем понимать, зачем она написана, для чего собиралось совещание из трех Ярославичей и их мужей, для нас проясняются и взаимные отношения между вотчиной и вотчинником, особенно таким вотчинником, как князь.

Может быть, мы не ошибемся, если скажем, что именно перед детьми Ярослава возникла необходимость рассмотреть вопрос о взаимных отношениях между вотчинником и крестьянской общиной. Пусть совещание сочло возможным оставить здесь то, что было и при Ярославе, за исключением отмены мести. Но оно, во-первых, придало старым обычаям форму писаного закона, и, во-вторых, оно подчеркнуло роль государства: отменой мести оно передало карательные функции общины органам государственной власти. Устав важнейших вопросов внутривотчинных отношений с этого момента становится, если можно так выразиться, настольной книгой каждого из князей. Это было, очевидно, необходимо потому, что власть киевского князя в середине XI в., особенно по-

сле смерти Ярослава, настолько пошатнулась, настолько выросли отдельные новые центры на огромной территории Киевского государства, что возникла необходимость усилить и оформить деятельность этих новых центров.

Время Изяслава, Святослава и Всеволода ставило свои проблемы, и понятно, почему сыновья Ярослава политически не всегда мыслили так, как их отец. Они и собирались вместе для обсуждения создавшегося положения и для принятия мер, диктуемых требованиями момента.

Нельзя забывать и того, что вопрос о взаимных отношениях вотчинника и сельской общины касался интересов не только князей, но всех крупных землевладельцев, и прежде всего, конечно, бояр, поскольку церковных крупных землевладельцев в это время было еще сравнительно очень немного.

Недаром бояре приняли к руководству и исполнению этот закон, на что власть, естественно, и рассчитывала: интересы у всех феодалов-вотчинников были в основном одинаковы.

В «Пространной Правде» совсем не случайно на полях перечня личного состава княжеской вотчины (значительно расширенного против перечня «Правды» Ярославичей), очевидно, какой-то «юрист» приписал: «Такоже и за бояреск», т.е. что все штрафы, положенные за убийство вотчинных княжеских слуг, распространяются и на вотчины боярские. Иначе и быть не могло, так как перед всеми вотчинниками стояли одни и те же важнейшие задачи.

Первое впечатление от «Правды» Ярославичей, как, впрочем, и от «Пространной Правды», получается такое, что изображаемый в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений, собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы, владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждую из категорий деяний, направленных против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают вотчинника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, на его землю, коней, волов, рабов, рабынь, крестьян, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр. От кого же приходилось защищаться феодалу-вотчиннику? Сосед, такой же феодал-вотчинник, едва ли станет красть голубя, курицу или утку, не станет запахивать между княжеского или боярского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь имение и увезти отсюда все наиболее ценное. С ним и расправа будет такая

же: вооруженный наезд со всеми вытекающими отсюда следствиями. «Правда» Ярославичей, вырабатывая меры защиты, не об этой опасности говорит. Она видит опасность от населения соседних сел и деревень, враждебно настроенных к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу.

Население сел и деревень действительно прекрасно знало, что значит это соседство и, где только могло, старалось предупредить внедрение в свою среду богатого землевладельца. Жития святых наполнены этими протестами. Окрестные крестьяне позднее, с усилением церковного землевладения, не раз заявляли отдельным старцам, строителям монастырей: «Почто в нашей земле построил еси монастырь, или хоцещи землями и селами нашими обладати?»¹

Недаром Даниил Заточник, размышляя о бедности и нищете, вспоминает царя Соломона, который в передаче Даниила говорит: «Богатства и убожества не дай же ми, господи: обогатев восприму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татьбу и на разбой...»

«Татьба и разбой» в терминологии Даниила — это ответ бедного человека на насилие богатого.

Недаром тот же Даниил Заточник давал характерный совет «не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огонь трепетицею накладен, а рядовичи его яко же искры. Аще от огня устережешися, но от искры не можешь устрещися...»

Это несомненная картина с натуры, ценная для нас своей непосредственностью. Без прикрас и условностей, под видом шуток, Даниил Заточник преподносит нам полные реального смысла афоризмы, прекрасно характеризующие его время.

О крупной вотчине можно было бы сказать гораздо больше, если не ограничиваться рамками, поставленными мною в начале этой главы. Я умышленно не хотел выходить за пределы «Правды» Ярославичей (ссылка на Даниила Заточника — это только небольшой комментарий к «Правде» Ярославичей), чтобы у читателя могло сложиться впечатление о том богатом материале, который дает нам эта «Правда» о вотчине и именно о княжеской и об ее окружении.

Мне кажется, что цель моя достигнута.

Но этого мало.

Нам необходимо углубить наблюдения над отдельными наиболее интересными сторонами в жизни вотчины (и не только княже-

¹ М.М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере, т. I, с. 88.

ской) и выйти за искусственно поставленные нами границы как в привлечении исторических источников, так и в отношении хронологического охвата предмета исследования.

Чтобы проследить историю вотчины, а поскольку она является весьма показательной ячейкой, говорящей о стадийном состоянии данного общества, то, следовательно, и эволюцию общественных отношений определенного периода, нам необходимо остановиться на изучении положения в вотчине непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину, т.е., другими словами, мы должны перейти к вопросу об эволюции земельной докапиталистической ренты.

Для барского хозяйства IX—XI вв., несмотря на то, что в течение трех веков оно не оставалось без изменений, все же характерным является наличие челяди, работающей на своего хозяина под непосредственным наблюдением его самого или его уполномоченного.

Термин челядь хорошо известен нашим древним памятникам. Потом он исчезает (упоминается очень редко и уже в другом значении). Уже один этот факт говорит нам о том, что общественное явление, обозначаемое этим термином, архаично и связано с древнейшим общественным строем нашей страны. Однако этот важный предмет до сих пор не получил еще надлежащего освещения.

Обычно историки не останавливались на изучении этого термина, предполагая, что он ясен, что челядин — это раб, что челядь — это рабы. Впрочем, имеются и исключения. И.А. Линниченко, например, в 1894 г. высказал по этому предмету следующее мнение: «...название «челядь»... употребляется в галицко-волинской летописи для обозначения низшего класса населения вообще. Что названием челядь обозначалось не одно только несвободное население, а крестьянское сословие вообще, видно из договоров русских князей с польскими не воевать челяди и из многих других мест летописи»¹.

Высказывался в том же смысле по этому предмету С.В. Юшков². В предыдущем издании настоящей книги я посвятил этому

¹ И.А. Линниченко. Черты из истории сословий в Юго-западной Руси XIV—XV вв.

² Предисловие к «Правосудию Митрополичью». Летоп. зап. Археогр. ком., в. 35, с. 119. Подходил к этому вопросу, не ставя его, однако, целиком, М. Зеленский в своей статье «О двух «новых» теориях крепостного хозяйства // «Историк-марксист», т. XX, с. 137—138.

предмету главу, на которую С.В. Бахрушин ответил своими соображениями. Основной его вывод заключался в том, что «первоначально словом «челядь» обозначалось рабское состояние», а «в более позднее время... под челядью подразумевалось не только рабское состояние, но и полусвободное население феодальной вотчины»¹.

Боюсь, что С.В. Бахрушин недооценил того, что в древнейший период термин «челядь» вполне соответствует латинскому термину *farnilia*. *A familia* — это не только рабы.

Во всяком случае, поскольку до сих пор никто не разобрал моих аргументов и не опроверг моего толкования термина «челядь», я позволяю себе оставить главу о челяди в основном в прежнем виде.

Челядь

Этот термин знают и летописи, и «Правда Русская», и ряд отдельных документов частнопроводного и литературного характера, оставленных нам нашей древностью.

Совершенно ясно, что от правильного решения стоящей перед нами задачи зависит очень многое, так как челядь, как бы мы ни понимали этот термин, есть, во всяком случае, комплекс рабочей силы, работающий не на себя, а на своих господ-землевладельцев.

Проникнув в содержание этого термина, мы сможем увидеть, кто именно входил в состав этого комплекса, и, может быть, перед нами раскроется то, что до сих пор было покрыто плотной пеленой тумана.

В «Правдах Русских» мы имеем очень много предметов первостепенной важности, на которых всегда сосредоточивалось внимание исследователей. Конечно, и «челядин», и «челядь» всегда относились к важнейшим объектам исследования, но нужно прямо сказать, что те представители старой науки, которые правильно понимали эти термины, не делали всех вытекающих отсюда выводов; в нашей же современной науке, как мы видели, этим термином занимались очень немногие: одни не могли, другие не успели или не сумели использовать одно из наиболее ответственных и содержательных понятий, которыми так часто оперировала в определенный период наша древность. В дальнейшем я вернусь

¹ С.В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // «Историк-марксист», кн. III, с. 170. 1937.

к разбору литературы вопроса, а сейчас хочу обратиться к нашим источникам.

«Правда Русская» хорошо знает термины «челядь» и «челядин». В древнейшей «Правде» челядина называют две статьи — 11 и 16: «Аще ли челядин скрыется любо у варяга любо у колбяга, а его, за 3 дня не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду» (ст. 11). «Аще кто челядин пояти хочеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил: а той ся ведет ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдай ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце» (ст. 16).

И непосредственно за этой 16 статьей идет следующая, 17-я: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежит в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым где его налезуть удареный той муж, да бьют его». Этим статьям древнейшей «Правды» имеются параллели и в «Пространной Правде».

Ст. 32 Троицк. IV сп. под заголовком «О челяди»: «Оже челядин крыется, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познають и в 3-й день, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи». Ст. 38 под заголовком «Извод татбе о челядине»: «Аще кто познает челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести по конам и до 3-го свода, пояти же челядин в челядина место, а оному дати лице; ать (вар. «а той») идеть до конечного свода: а то есть не скот: не лъзе реши: не ведаю, у кого есмь купил, но по языку ити до конца, а где будеть конечный тать, то опять воротить челядин, а свои поиметь; и протор тому же платити, а князю продажи 12 гривен в челядине или украдено или уведеше».

Еще два раза «Пространная Правда» упоминает челядина. В статье об опеке над имуществом малолетних сирот говорится о том, что опекун отвечает за сохранность имущества опекаемых. Всякую прибыль, полученную опекуном во время опеки, опекун может взять себе, но «от челяди плод или от скота» остаются за опекаемыми (ст. 99 Троицк. IV сп.). И, наконец, ст. 107, говорящая о судебных уроках, устанавливает 9 кун от освобождения челядина.

Ни разу в этих параллельных статьях не нарушена терминология. «Челядин» никогда не заменяется каким-либо другим словом. Ни разу не попадает в этих статьях термин «холоп» или «роба».

То же необходимо сказать и относительно статей, трактующих о холопах. Тут так же строго выдерживается употребление слов «холоп» или «роба».

Холопу, ударившему свободного мужа, в древнейшей «Правде» соответствует ст. 65 «Пространной Правды» (Троицк. IV сп.), лишь с некоторыми дополнительными разъяснениями, относящимися к более позднему времени. «Аже холоп ударит свободна мужа, а убежит в хоромы, а господин его не выдаст... то Ярослав был уставил убита и, но то сынове его по отци оставиша на куны...» (ст. 65 Троицк. IV сп.).

Действительно, в ст. 2 той же «Правды» мы имеем отмену убиения за голову и установление кунного штрафа, но до сих пор эту статью обычно относили только к людям свободным.

Может быть, эта статья действительно к холопу не имеет никакого отношения. Тогда необходимо допустить другое распоряжение тех же детей Ярослава о холопах, на что явно ссылается ст. 76.

Дальше «Пространная Правда» трактует холопство в различных направлениях, никогда не сбиваясь с точной терминологии. Она говорит о холопах-татах, указывая на то, что эти холопы могут быть княжескими, боярскими или чернеческими (ст. 46), говорит об обельном холопе, укравшем коня (ст. 63), указывает на то, что проворовавшийся закуп превращается в обельного холопа (ст. 64), не очень решительно отмечает, что холоп не может быть послухом (ст. 66), так как в ст. 85 указывается случай, когда холоп бывает послухом, и совершенно определенно говорит о том, что в холопе и в робе виры нет (ст. 89). Тот же источник сообщает нам сведения об источниках холопства (ст. 110—121) и указывает на различные случаи, связанные с бегством и поимкой холопов (ст. 112—121).

При внимательном отношении к употреблению в «Правдах» термина «холоп» придется сделать вывод, что и холопы есть разные, что термин «холоп» не всегда тождествен понятию «раб». Но сейчас я не предполагаю заниматься изучением этого термина, так как передо мной стоит другая специальная задача.

Если «Правда Русская» своим разграничением терминов «холоп», «холоп обельный» и «челядин» предостерегает нас от поспешных выводов, то «Правосудие Митрополичье», этот сколок с различных источников, включивший в себя несомненно несколько статей и «Правды Русской», приспособленных к общественным отношениям XIII в., наводит на весьма серьезные размышления. Имею в виду ст. ст. 27, 28 и 29.

27. «А се стоит в суде челядин наймит, не похочет быти а осподарь (текст, несомненно, испорчен. По-видимому, нужно читать «у осподаря») — несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу».

28. «Аще ли убиеть осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от Бога»¹.

29. «А закупного ли наймита, то есть душегубство».

Несмотря на то, что этот интересный памятник воскрешен из забвения сравнительно недавно, он успел уже обратить на себя внимание современных ученых. Им пользовались С.В. Юшков и П.А. Аргунов, пользовался и я.

Нужно, однако, сознаться, что все названные мною авторы понимают интересующее нас место «Правосудия» о закупах по-разному.

Не касаясь пока наших разногласий, я хочу подчеркнуть, что из приведенного текста «Правосудия» с полной ясностью вытекает, что термин «челядин» гораздо сложнее по своему содержанию, чем обычно принято думать. Здесь совершенно четко различаются два вида челяди: челядин-наймит и челядин полный.

Челядин-наймит, по моему мнению, это не кто иной, как хорошо известный нам закуп, о чем, как мне кажется, и говорит ст. 29 «Митрополичьего Правосудия», называя челядина-наймита закупным наймитом.

Иного мнения держатся С.В. Юшков и П.А. Аргунов. Комментируя ст. ст. 27 и 28 «Митрополичьего Правосудия», С.В. Юшков пишет: «Особого внимания заслуживает ст. 28, на основании которой можно установить, насколько был прав или неправ В.И. Сергеевич, отождествлявший закупа с наймитами. По смыслу данной статьи закупы и наймиты — два различных института»². Такого же мнения держится и П.А. Аргунов³. Он по этому поводу пишет: «В конце сборника читаем статьи о наймите и отдельно о закупе», причем ст. 29 он трактует по-своему, соответственным образом расставляя и знаки препинания: «А закупного, ли наймита, то есть душегубство». Такую расстановку знаков препинания автор объясняет тем, что, по его мнению, здесь частица «ли» указывает не на тождество понятий, а на их различие, в доказательство чему автор приводит несколько мест памятника, где действительно частица «ли» играет указанную автором роль.

¹ Ст. 28 и 29 я считаю разделенными на две без достаточных оснований; их, на мой взгляд, следует соединить.

² Летопись. зан. Археогр. ком. 1927—1928 гг., вып. 35, с. 119.

³ П.А. Аргунов. О закупах «Русской Правды» // Изв. Акад. наук, Отд. общ. наук, 1934, № 10, с. 792.

П.А. Аргунов только забывает о том, что в ближайшей предшествующей спорному тексту фразе частица «ли» имеет иное значение и что второе «ли» вполне соответствует первому: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубств... а закупного ли наймита, то есть душегубство...» П.А. Аргунов ищет рукавиц, которые оказываются у него тут же за поясом. Эти обе фразы, разбитые издателем на две статьи, в сущности составляют одно нераздельное целое. Полный челядин здесь противопоставляется закупному наймиту. Закупной наймит не выдуман ни мною, ни «Правосудием». Он давно известен «Правде Русской», где эти термины употребляются как синонимы. Отсюда, конечно, не вытекает, что я склонен защищать вывод Сергеевича о закупе как наймите. Я несколько не сомневаюсь в том, что Сергеевич в своем отождествлении закупа и наймита был по существу не прав, потому что под наймитом он разумел наемного в капиталистическом смысле слова работника¹, но формально он был совершенно прав, потому что отождествляет наймита и закупа сама «Правда Русская»: «Продаст ли господин закуп обель, то и наймиту свобода во всех кунах» (ст. 61 Троицк. IV сп.), конечно, под наймитом понимая совсем не то, что понимал Сергеевич.

Отождествление этих двух терминов подтверждается и «Правосудием Митрополичьим», где говорится не о трех предметах, как думает С.В. Юшков (челядин-полный, челядин-наймит и закупный наймит), а о двух (челядин полный и челядин-наймит, он же закупный наймит). Этот закупный челядин-наймит подразумевается и в ст. 27 «Митрополичьего Правосудия»: «А се стоит в суде челядин-наймит». Он не хочет оставаться у своего осподаря. Он имеет полное право уйти от господина, вернув ему двойной задаток. Если же он побежит от осподаря, превращается в холопа. Ведь здесь нет абсолютно ничего нового против того, что говорит «Правда Русская» о закупе в ст. 56. «Оже закуп бежит от господина, то обель: идет ли искати кун, а явлено ходит или ко князю или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правда»². В «Митрополичьем Правосудии» этот закуп рассматривается стоящим перед судом по вопросу о расторжении своих отношений с господином. Терминология

¹ Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед; то же делалось и в старину: «...закуп служит за наемную плату». Рус. юрид. древн., т. I, с. 191, 1902.

² «Правда Русская». Троицк. IV список, ст. 56.

этих двух памятников, тесно связанных между собою генетически, совершенно тождественна и, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений. В обоих памятниках говорится о рабе и закупе, причем в «Митрополичьем Правосудии» рабы и закупы считаются двумя разновидностями одного родового понятия — челядь.

Это разъяснение источника для нас имеет огромное значение, и здесь я должен полностью согласиться с замечанием С.В. Юшкова в его предисловии к «Митрополичьему Правосудию»: «Прежде всего, выясняется, что нельзя отождествлять челядинов с холопами, как это до сего времени делалось. Оказывается, существовали челядины полные и челядины-наймиты»¹. Это, конечно, совершенно верно, но все же требует некоторого уточнения.

В нашей старой литературе по этому предмету дело обстоит не совсем так, как думает С.В. Юшков; мы можем здесь встретить немало интересного.

Вот, например, что говорит по этому поводу Владимирский-Буданов: «Факты языка указывают, что древнейший первоисточник рабства находился в связи с семейным правом. Слово «семия» (по словарю Востокова) означает рабы, домочадцы... Термины: челядь (чадь, чадо)², раб (роба, робенец, ребенок), холоп (в малор. хлопец — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным, отеческой власти, так и к рабам»³.

В.И. Сергеевич по этому вопросу писал: «Челядь одного корня с чадью и чадом и означает домочадцев». Дальше Сергеевич уже к этому термину не возвращается, но в своих толкованиях термина «холоп» дает понять, как он относится и к термину «челядь». «Правда Русская» не просто говорит о холопах, она различает еще «обельное холопство» (ст. 110 Троицк. IV сп.), а иногда, вместо того чтобы сказать «холоп», она говорит «обель». «Были,

¹ Летоп. зап. Археогр. ком. 1927—1928 гг., в. 35, с. 119. С.В. Юшков полагает, что двойной задаток получали эти наймиты от своих господ в момент заключения договора. С таким толкованием ст. 27 «Правосудия» я согласиться не могу. Для меня совершенно непонятным кажется в этом смысле самый термин «двойной задаток». Почему же он «двойной»? Разве была какая-либо узаконенная норма задатка вообще, который удваивался для наймита, поступавшего в зависимость к господарю? Совершенно понятным делается этот термин в моем толковании. Это — удвоенная сумма, взятая закупом-наймитом у господина в момент заключения договора. Всего вероятнее, это и есть купа. Ее удвоение есть мера к удержанию закупа-наймита в зависимости от господина.

² Чадо и челядь филологически не имеют между собой ничего общего.

³ М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5, с. 400—401.

значит, — продолжает он дальше, — холопы совершенные и несовершенные. Что же такое несовершенный холоп?» — спрашивает он и отвечает на этот вопрос так: «Холоп и роба... означает слугу и работницу. Но слугой и работницей могут быть и вольные люди. Вольная работница, следовательно, может быть тоже названа рабой, а вольный слуга — холопом». В доказательство этой мысли Сергеевич ссылается на указ 1597 г., говорящий о «добровольном холопстве». «Только «обельные холопы» или «полные» суть несвободные люди или рабы в настоящем смысле этого слова»¹.

Если исключить из этого рассуждения ссылку на указ 1597 г., относящийся к совсем иным условиям, к другому времени и поэтому ни в коем случае не могущий служить аргументом для мысли Сергеевича, то можно признать мысль автора если не доказанной в полной мере, то, во всяком случае, весьма правдоподобной и интересной. Рассуждения автора о холопстве, несомненно, должны быть распространены и на термин «челядь».

Такого же приблизительно мнения о холопе был и Погодин. Он различал холопов временных и полных².

Самоквасов, как это очень часто бывает с ним, занимает и относительно этого вопроса особое место.

«В эпоху «Русской Правды», — пишет он, — рабские поселения, принадлежавшие церковным учреждениям, князьям и боярам, назывались селами». «Летописи говорят о существовании в XII в. многих княжеских, церковных и боярских сел, населенных челядью или чадью...»³ В доказательство этих своих положений он ссылается на известные тексты Ипатьевской летописи, говорящие о челяди. Но считая челядь рабами, Самоквасов и часть смердов включает сюда же, так как он думает, что «земледельцы рабского состояния княжеских сел в эпоху «Русской Правды» назывались смердами в тесном смысле»⁴. Другими словами, Самоквасов зависимых от феодалов смердов называет «земледельцами рабского состояния». Стало быть, если учесть оригинальную терминологию Самоквасова, то станет совершенно ясно, что он считает челядь состоящей из рабов и зависимых смердов.

По некоторым признакам можно думать, что Аристов тоже не всегда считал «челядь» рабами. По этому предмету мы имеем у

¹ В.И. Сергеевич. Русские юридические древности, т.1, с. 98—100, 1902.

² М.П. Погодин. Древняя история до монгольского ига, т. II, с. 771. 1872.

³ Д.Я. Самоквасов. Курс истории русского права, с. 282 и прим. 1. 1908.

⁴ Там же, с. 226.

него следующую фразу: «В селах князей народонаселение состояло из челяди и рабов, число которых доходило до 700, напр., в селе Святослава»¹. Далее, однако, он высказывается за понимание челяди в смысле рабов².

Другие исследователи совершенно определенно термин «челядь» понимали в смысле рабов.

Так именно трактовали этот термин Чичерин, Беляев, Дьяконов и др.

Чичерин, говоря об источниках рабства, указывает на один из них, именно «рождение от рабыни», и тут же поясняет свою мысль: «Плод от челяди так же, как плод от скота, составляет собственность хозяина»³. Беляев высказывает аналогичное мнение⁴.

Так же смотрит на этот предмет и Дьяконов. Он понимает термин «челядь» очень прямолинейно. По его мнению, это одно из наименований рабов, и только. Известное упоминание в Ипатьевской летописи под 1146 г. о 700 человек челяди в Путивльском имении кн. Святослава и другие упоминания в том же источнике челяди (под 1159 г.) Дьяконов относит к рабам без всяких оговорок⁵.

Итак, в нашей литературе можно без труда различать два основных направления: 1) понимание термина «челядь» в смысле рабов и 2) понимание этого термина в более широком значении, куда входят и рабы, и не рабы. Второе мнение мне представляется более приемлемым и доказуемым, по крайней мере за известный период времени.

В русских памятниках древней письменности как подлинных, так и переводных, челядь встречается тоже не редко.

В Юрьевском Евангелии 1119 г. от Луки, гл. 12, ст. 42, челядь соответствует греческому: «Кто убо есть верный строитель и мудрый, его же поставит Господь над челядью своею даяти во время урок житный». В Вульгате термин «челядь» передан словом *familia*, в русском переводе Евангелия — «над слугами своими».

В Евангелии от Матвея, гл. 24, ст. 45, тот же текст передан несколько иначе, но и здесь греческий термин, имеющий варианты и в славянском переводе передан термином «дом» или «слуги». По-немецки *Dienerschaft*.

¹ Аристов. Промышленность Древней Руси, с. 53.

² Там же, с. 184, 186, 187 и др.

³ Б.Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, с. 146.

⁴ И.Д. Беляев. Крестьяне на Руси, с. 14, изд. 1903 г.

⁵ М.А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя Древней Руси, с. 84, 111, 115 и др., изд. 1910 г.

В Библии по списку XIV в. в Книге Бытия сказано: «Прииде же Иаков в Лузу, яже есть в земли Ханаанстей... сам и вся челядь его» (Бытия, XXXV, ст. 6). Этот термин «челядь» обозначен по латыни термином *populus*. Этому термину здесь в древнееврейском соответствует «ом» (народ), т.е. «и вся челядь его» — по-еврейски: «весь народ (ом), который при нем» (или «с ним»). В книге Исход читаем: «Воздвигошася же сынови израилевы от Рамессы в Сокхор до 600 000 пеших мужей разве челяди» (Исход, XII, 37, по списку XIV в.). В современной Библии изд. 1900 г. термин «челядь» заменен словом «домочадство». По-гречески, по-латыни *apparatum*. По-древнееврейски здесь стоит «тоф», т.е. дети; стало быть, слова «разве челяди» соответствуют еврейскому «кроме детей».

В договорах с греками под термином «челядь» можно разуметь тоже не только рабов, но вообще слуг:

Ст. 12. «О том аще украден будет челядин русский или ускочит или по нужи продан будет и жаловати начнут Русь, (да) покажется таковое от челядина, и да поимуть и в Русь; но и гостие (аще) погубиша челядина и жалуют, да ищуть обретаемое да поимуть е: аще ли кто искушенья сего не дасть створити местник да погубить правду свою»¹.

Едва ли в этой статье имеются в виду обязательно рабы, привезенные в Константинополь на продажу. Гораздо вероятнее — это слуги, сопровождающие своих господ в далекое путешествие, среди которых, естественно, были и рабы. Закон оберегает их от насильственной продажи, каковая удостоверяется, в случае, если она имела место, самим челядином; возвращенный из бегов, из насильственной продажи челядин возвращается обратно в Русь. Эта мысль подчеркнута дважды. Среди этих слуг могли быть и подлинные рабы и не рабы. Продавались, конечно, незаконно в Киевском государстве и закупы², т.е. не рабы и, вероятно, другие категории населения.

Несколько яснее среди челяди проглядывают не рабы в «Поучении» Владимира Мономаха в том месте, где он говорит: «Изъехом город (Минск) и не оставихом у него ни челядина, ни скотины». Он хочет сказать, что не оставил в Минске ничего. Трудно предположить, чтобы Владимир Мономах с дружиной имели возможность строго различать рабов и не рабов в момент нападения на город

¹ Договор 911 г., ст. 12. В договоре 945 г. говорится о бегстве челядина «от св. Мамы», т.е. из предместья Константинополя, где жили со своими слугами приезжие русы. Договор 945 г., ст. 3.

² «Правда Русская», Карамз. сп., ст. 73.

Минск. Тут, несомненно, часть населения была истреблена, часть уведена в плен без различия их социального происхождения¹.

Минский князь Глеб, с которым вел войну Владимир Мономах, едва ли действовал иными методами. О нем тот же Владимир Мономах говорит, что Глеб захватил у него людей «...Глеба, оже ны бяше люди заял...»² Владимир Мономах их отнял обратно. Нет ничего невероятного в том, что этих захваченных Глебом людей с таким же успехом можно было назвать и челядью. Во время феодальных войн князья постоянно берут друг у друга эту «челядь» и по заключении мира иногда возвращают ее обратно. «Володимир же умирися и начасте быть во велице любы. Володимир же и челядь ему вороти, што была рать повоевала»³. Так летописец описывает перемирие после войны Владимиро-волынского князя Владимира Васильковича с польским кн. Кондратом в 1279 г. Хотя это событие относится к более позднему времени, оно, по существу, ничем не отличается от известных нам более ранних фактов размена награбленных во время войны людей.

Съезд князей в Уветичах. Картина И.С. Иванова

¹ Лаврентьевская летопись, с. 239, изд. 1897 г.

² Там же, с. 241.

³ Ипатьевская летопись, с. 581, изд. 1871 г.

Под 1100 г. описан весьма популярный в нашей ученой литературе факт соглашения князей на Уветичском съезде. После войны между собой князья Святополк, Володимир, Давид и Олег собрались в Уветичах и обратились к Володарю и Васильку с предложением мира на известных условиях, в число которых входило требование о выдаче холопов и смердов («а холопы наши и смерды выдайта», — говорили собравшиеся в Уветичах князья Володарю и Васильку). Каким образом чужие смерды и холопы оказались у Володаря и Василька, догадаться не трудно. Это — их полон. Это они успели ополониться челядью, которую недавно враждебные, а сейчас замирившиеся князья хотят получить обратно. «И не послуша сего Володарь и Василько», т.е. пленных холопов и смердов не выдали.

Такую же сцену мы можем наблюдать несколько позднее, когда кн. Владимир Василькович Волынский обращался к польскому князю Лестку «абы ему воротил челядь, он же не вороти ему челяди его»¹ (1282 г.). То же мы видим и в первой половине XI в.: «В си же времена (1043 г.) вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людии 800, яко же бе полонил Болеслав, победив Ярослава»². Как будто ополониться челядью не значит захватить только рабов. Захваченные в плен разные категории населения, однако, превращаются тем самым в челядь, где имеются и рабы, и не рабы.

Если мы дадим себе труд всмотреться в ряд летописных сообщений о военных действиях, сопровождавшихся захватом пленных, то еще больше укрепимся в убеждении, что челядь — не только рабы.

Во время войны двух польских князей Болеслава и Кондрата в 1280 г., в которой на стороне Кондрата был князь Владимир Василькович, были убиты два дружинника этого кн. Владимира, один родом прусин, другой — любимый княжеский «дворный слуга», сын боярский Рах. Вот как этот случай описывает летописец.

«Володимер же князь указал бяшетъ своим воеводам тако: Василькова и Желиславу и Дунаева не распуцати воеват, но пойти всим к городу. Си же (т.е. прусин и Рах) утаившеся от рати и ехаша на село человек с 30 и Блус с ними же Юрьев и переемше дорогу от села, оже челядь бежала к лесу, и поехаша по них. И в то время

¹ Ипатьевская летопись, с. 586, изд. 1871 г.

² Лаврентьевская летопись, под 1043 г.

удары на них Болеслав с ляхы. Дружина же его не стерпевше устремишася на бег вси со Блусом. Си же два не побегоста, Рах с Прусиком, но сотвориста дело достойно памяти и начаста ся бити мужески: Прусин съехася с Болеславом, ту убит бысть от многих, а Рах уби боярина добра Болеславля, ту же и сам прия конец подобный. Си же умроста мужественней сердцем, оставльша по себе славу последнему веку»¹.

Стало быть, дело было так. Оба героя нарушили распоряжение князя и с 30 человеками дружины решили ограбить село. Они перехватили дорогу, по которой бежала из этого села «челядь», желая спастись в лесу от неприятеля. Кто же бежал из села в лес? Неужели только рабы, а крестьяне оставались в селе, либо с намерением и надеждой себя защитить, либо в уверенности, что враг ищет только рабов, а крестьян вообще не трогает? Не думаю, чтобы такое предположение было мало-мальски вероятным. Из села, спасая себя, свои семьи и наиболее ценное и портативное имущество, вероятно, и часть своего скота, бежало все население села, в котором рабов, может быть, даже и совсем не было. Челядь здесь не рабы, а вся масса населения села.

Несомненно, так же необходимо понимать термин «челядь» и в другом месте из той же летописи.

«Закон же быше в ляхох таков: челяди не имати, ни бити, но лупягнуть. Городу же взяту, и поимеша в нем товара много и люди полупиша»² (1281 г.).

Польский закон разрешает только грабить челядь, а не избивать ее и не брать ее в плен. Трудно себе представить польского воина, в пылу битвы разбирающего социальное положение своих жертв. Ясно, что грабил он тех, у кого что-либо было, не справляясь с тем, кто тут раб, кто не раб. Да и вообще у раба нет имущества, следовательно, забирать у него нечего. Если же он, будучи юридически рабом, фактически вел хозяйство и владел имуществом, то это уже не раб. Мы, во всяком случае, смело можем его зачислить в состав крепостного населения.

Ополонение челядью нельзя понимать как захват обязательно рабов. Это ополонение шло за счет, главным образом, крестьянской массы. «Володимер же и челядь ему (кн. польскому Кондра-

ту) вороти, што была рать повоевала» (1279)¹. Он возвратил всех пленных, где едва ли большинство составляли рабы.

Больше похоже на то, что здесь разумеются именно не рабы.

«И повоеваша (дружина Владимира Васильковича) около Люблина и поимаша челяди множество и ополонилася и тако поидоша назад с честью» (1282)². И здесь трудно допустить, что дело ограничивалось только рабами.

Как, например, понимать известное место Ипатьевской летописи о вкладе жены князя Глеба в Печерский монастырь, «а по своем животе (т.е. по завещанию) вдала княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя» (1158)³. Летописец хочет подчеркнуть, что княгиня отдала в монастырь все до последней нитки. Стало быть, трудно предположить, чтобы она из этих пяти сел предварительно отобрала всех не рабов, переселила их куда-либо, а потом только отдала эти села с челядью монастырю. Не проще ли этот текст понимать так, как и хотел передать нам его летописец. Княгиня отдала все свое имущество и в том числе 5 сел со всем сидевшим там населением, среди которого могли быть и рабы, и не рабы крепостные.

Думаю, что точно так же мы должны понимать и 700 человек челяди в Путивльском имении кн. Святослава.

Только что рассмотренные факты относятся к XI—XIII вв.

Челядь, прежде всего, есть та часть зависимого от землевладельца населения, которая непосредственно работает на землевладельца, которая эксплуатируется им на барщинной работе либо служит на барском дворе, выполняя здесь самые разнообразные функции вплоть до низшей военной службы в дружине феодала. Челядью в более расширенном смысле слова называли иногда всю массу зависимых людей, живших и по деревням. Этим я отнюдь не хочу отрицать того, что иногда термины «челядь» и «челядин» употребляются в смысле холопа, но, как мы видели, самое понятие «холоп» есть вещь для известного времени весьма относительная.

Если отходить от времени «Правда Русской» в глубь веков, то мы без особого риска сможем под термином «челядь» разуметь familia того периода, когда рядом с хозяином и хозяйкой дома и

¹ Ипатьевская летопись, с. 584—585, изд. 1871 г.

² Там же, с. 582.

¹ Ипатьевская летопись, с. 581.

² Там же, с. 586.

³ Там же, с. 338.

ее дочерьми сидели патриархальные рабы и рабыни, выполняя домашние работы и находясь под властью *patris familias*.

Намек на то, что челядь когда-то обозначала *familia*, можно видеть в позднейших пережитках. В XVII в. употребляется термин «челядок» в смысле сын¹.

Но время, когда жила эта *familia*, в наших письменных памятниках отразилось только частично.

Итак, если попытаться подвести нашим наблюдениям итоги, челядь в наших источниках обозначает не одно какое-либо вполне определенное понятие. В этом термине, как, впрочем, и во многих других, отражена история общественных отношений с очень отдаленной поры.

Челядь, человек, колено (в смысле поколения), литовское *keltis*, латышское *silts* — это все слова одного корня, которые ведут нас к глубокой старине, когда *keltis* и *cuts* значило — *germs, Geschlecht*, т.е. род. Этот же термин на новой ступени общественного развития у болгар, русских, чехов и др. стал обозначать семью, детей, у арабов — женщину в семье и зависимых людей вообще, у поляков и чехов — домашнюю прислугу, дворню, зависимых людей, детей. Соответствуя понятию *familia*, этот термин менял свое содержание вместе с историей *familia*, в состав которой, как мы знаем, все чаще и чаще стали входить и не рабы.

Меня в данном случае интересует больше всего вопрос о том, в какой стадии развития этого института встречается он в «Правде Русской» и как понимать этот термин в древнейших наших письменных источниках. Это вопрос, от того или иного решения которого зависит очень много.

Несомненно, что евангельский текст начала XII в., отразивший словоупотребление и более раннего периода, исключает рабов. Библейские тексты пользуются этим термином согласно древнееврейскому точному смыслу слова в двух значениях: 1) народ (др.-евр. «ом», лат. *populus*), где исключаются рабы, и 2) домочадцы (др.-евр. «тоф», лат. *apparatum*), где наличие рабов в некоторой доле возможно².

Несомненным мне кажется понимание термина «челядь» в некоторых летописных текстах в смысле пленников, судьба которых

¹ Федотов-Чеховской. Акты гражданской расправы, с. 407.

² За разъяснение греческих терминов, соответствующих древнерусскому «челядь», и перевод текста Маврикия приношу глубокую благодарность С.А. Жебелеву.

может быть самой разнообразной. Не случайно Маврикий Стратег, византийский писатель VI в., сказал о славянских пленных: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие народы, в течение неограниченного времени, но, ограничивая им срок, предлагают на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или оставаться там, где находятся, на положении свободных и друзей». Для грека раб противопоставляется свободному, под которым понимаются все не рабы, т.е. не только подлинно свободные, но и зависимые люди всех оттенков, исключая рабов.

Нам хорошо известно, что пленники продавались, но нам также хорошо известно, что они и выкупались и их сажали на землю в качестве колон¹.

Договоры с греками подчеркивают право обеих договаривающихся сторон на выкуп пленных даже и в том случае, если их успели уже продать.

Ополоненные челядью князя не раз сбывали свой товар за границу. В этом смысле Святослав и говорил о том, что в Переяславце на Дунае, куда «вся благая сходятся», из Руси идет «скора и воск и мед и челядь».

Очень характерно, что пространная «Правда Русская» в особом отделе об обельном холопстве — т.е. подлинном, настоящем в узком смысле слова рабстве — среди источников рабства плен не упоминает. Здесь определенно и решительно эта «Правда» заявляет, что «холопство обельное трое», т.е. имеется только три источника рабства: 1) купля, 2) женитьба на рабе без особого договора, 3) поступление в тиунство без особого договора². Стало быть, пленный как таковой — еще не раб, но он уже челядин, который может стать рабом после продажи, да и то со значительными оговорками, пример которых указывают договоры с греками.

Если наши старые письменные источники, и прежде всего «Правда Русская», различают просто холопов и холопов обельных, только под последними разумея настоящих рабов, то тем резче они, как мы видели, отличают холопов от челяди. И эта очевидная потребность провести границу между обельным холопом и челя-

¹ Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи, под 1031 г.: «Ярослав же и Мстислав собраста вой многы и идоша на ляхи и заяста грады Червенския опять и повоеваша Лядскую землю и многы ляхи приведоста и разделиста я; и посади Ярослав своя по Роси, и суть, до сего дни».

² «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 110.

дином заставила составителей «Правды Русской» в этом отношении быть очень точными.

Из этого факта строгого различия челядина и обельного холопа, мне кажется, можно было бы сделать вывод, что в составе челяди нет места, по крайней мере, полному, или обельному, холопу. Но этот кажущийся естественным вывод разбивается об утверждение «Митрополичьего Правосудия», где челядином называется и полный холоп (под термином челядин полный), которого господин может даже безнаказанно убить.

Принимая во внимание все эти обстоятельства и учитывая факт различия «Правдой Русской» челядина и холопа, мы естественно приходим к выводу, что если холоп даже и входит в понятие челяди, то он там не растворяется целиком, и в отдельных случаях «Правда» находит необходимым говорить о нем отдельно.

Если мы правильно поняли смысл термина «челядь», тогда мы можем видеть в «Правде Русской» челядь и там, где она прямо не называется.

Известно, например, что «Правда» Ярославичей, заключающая в себе материал для суждения об организации крупной феодальной вотчины XI в., ни разу не пользуется термином «челядь». Но, поскольку здесь речь идет о зависимых непосредственных производителях, эксплуатируемых крупным землевладельцем (в данном случае князем), нельзя себе представить, чтобы законодатель мог обойтись без самой мысли о челяди. Имение для данного периода без челяди также немыслимо, как фабрика без рабочих. Мне кажется, что законодатель челяди не забыл, но для данного случая он предпочел раскрыть перед нами конкретное содержание этого понятия, указав на отдельные элементы, в него входящие.

Возьмем знаменитые ст. ст. 24—26. «А в сельском старосте княжи и в ратайнем 12 гривен». «А в рядовници княже 5 гривен». «А в смерде и в холопе 5 гривен». Перед нами перечень непосредственных производителей, находящихся под прямым наблюдением княжеских старост, т.е. представителей собственника земли. Можем ли мы назвать всю эту группу рабочего населения вотчины челядью? Думаю, что можем, хотя и с некоторыми оговорками. Несомненно, сюда входят холопы, затем люди, зависимые от собственника по договорам («ряд», отсюда «рядович», «рядовник»). Встречаем мы здесь и смерда. Однако, насколько можно судить по очень скудным и неясным данным «Правды», смерд едва ли входил в состав челяди так, как холопы и рядовичи. Смерд мо-

жет работать на барском дворе в барской усадьбе, в барском хозяйстве вообще, но он не теряет своих специфических признаков непосредственного производителя, владеющего средствами производства, хотя и иногда не всеми, необходимыми для ведения самостоятельного хозяйства.

Появление смерда рядом с холопами и работающими по договорам людьми нужно рассматривать как симптом, угрожающий самому существованию челяди в качестве основы барского хозяйства. Это симптом перехода к новому, более прогрессивному способу ведения хозяйства, стало быть, к следующему, новому этапу в развитии всего общества.

Смерд действительно сделал в конечном счете челядь ненужной.

Но для данного отрезка времени, отраженного в «Правде» Ярославичей, смерд существует в барском хозяйстве рядом со старой челядью, надо думать, в значительной степени подчиняясь режиму, созданному здесь очень давно. При этих условиях и на смерда иногда распространялись черты, характерные для челядина, значительно роднившие его с положением патриархального раба.

Итак, термин «Правды Русской» «челядь» обнимает собой разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia; термин живет и в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая, однако, тенденцию к исчезновению. По своему содержанию он столь же сложен, сколь и важен для правильного понимания общественных отношений IX—XII вв.

Мы переходим к рассмотрению входящих в него ингредиентов. Начнем с древнейшей разновидности непосредственных производителей, вынужденных работать не на себя, а на своих господ, — с рабов.

Рабы

Рабство продолжало существовать и в Киевском государстве. Мы видели рабов в составе челяди. Их прекрасно знают и договоры с греками, и «Правда Русская», и летописи, и жития. Житие Феодосия Печерского, писанное в XI веке Нестором, сообщает нам, что тринадцатилетний Феодосий, сын небогатого землевладельца, будущий столп Печерской обители, «исходит с рабами своими на село делати со всяким прилежанием»¹. Сыну богатого боярина Варлааму, насильно возвращенному в родной дом из Пе-

¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 117, изд. 1911 г.

черского монастыря, по распоряжению отца «служат раб множество». Те же рабы и рабыни плачут, когда Варлаам, несмотря на все меры, принятые отцом, чтобы оставить его дома, настоял на своем и решил вернуться в монастырь¹. Приблизительно тогда же (в 1068 г.) новгородского епископа Стефана в Киеве удавили собственные холопы².

В самом Печерском монастыре работали рабы, и когда преподобный Василий в течение нескольких лет днем и ночью вместо них молол на братию жито, «легота бываше рабом»³.

Наличие рабов и их производственное значение обозначено здесь совершенно четко. Но этих фактов мало для определения места рабов в структуре Киевского общества X—XI вв.

Мы должны обратить внимание и на другие стороны вопроса. Бросается, например, в глаза факт значительного простора, предоставляемого законом X—XI вв. выкупу пленных.

О выкупе говорит ст. 9 договора с греками Олега (911 г.): «Аще от рати ят будет... такоже да возвратится во свою страну, и отдана будет цена его...» В договоре Игоря 945 г. об этом предмете говорится еще яснее: «Елико хрестиян от власти нашея (т.е. греков) пленена привести русь, ти аще будет уноша или девица добра, да вдасть златник 10 и поиметь и; аще ли есть средовеч, да вдасть златник 8 и поимуть и; аще ли будеть стар или детещ, да вдасть златник 5. Аще ли обрящются русь работающе у грек, аще суть пленницы, да искупають е русь по 10 златник; аще ли купил и будет гречин, под крестом достоить ему, да возьметь цену свою, елико же дал будеть на нем»⁴. Здесь предусматривается даже случай, когда пленника успели продать; в этом случае вместо 10 золотников нужно за пленника платить сумму, за которую он был продан.

Закон судный, хорошо известный на Руси, подтверждает это правило. «А се иже купит пленника от работных. Иже купит от работных пленника, свою цену даст на нем, то вдав на себе то же, да идет вспять свободь, да иметь купли его дондеже изработается, аще не имать что на себе юже съвеща; а мьзде ему на всяко лето

наречется 3 щлязя пред послухом; тако коньчавшу ему цену, да отпускается на свободу»¹.

Очень важно подчеркнуть здесь, что пленник, не имеющий никаких надежд на выкуп кем-либо из своих близких, может отработать сумму выкупа, после чего отпускается на свободу.

Плен в качестве источника рабства имеет несомненную тенденцию к сокращению. Тем не менее, выкуп пленного кем-либо со стороны или же путем отработки пленником известной суммы, по-видимому, был делом не легким, и весьма вероятно, что масса пленников переходила из рук в руки в качестве товара чаще, чем отпускалась за выкуп на свободу. Здесь важно, однако, отметить самый принцип, который едва ли был возможен в античном обществе. Необходимо также обратить самое серьезное внимание и на другую сторону дела. Пленник либо отпускается за известное вознаграждение на волю, либо продается чаще всего за границу, т.е. и в первом и во втором случае он рассматривается не столько как рабочая сила, сколько как ценный товар. Если античные общества стремились сосредоточить у себя возможно большее количество рабов в качестве рабочей силы, если для античных обществ таким путем разрешался вопрос о воспроизводстве рабочей силы, то здесь мы имеем обратный процесс — не концентрацию рабов, а их распыление. Многие упоминания о рынках, где продавались русские рабы, говорят о продаже рабов прежде всего за границу и еще раз подчеркивают товарность раба.

Этими сопоставлениями русских рабов с античными рабами я отнюдь не собираюсь умалить роль раба в древнерусском обществе как рабочей силы. Я хочу лишь показать, что место его в производстве на Руси X—XI вв. было иное, чем в античных рабовладельческих обществах.

Мы имеем сведения о том, что в XI в. рабов сажали на землю и превращали их, очевидно, в крепостных. По крайней мере, трудно иначе понять следующее место Лаврентьевской летописи, под 1031 г.: «Ярослав и Мстислав собрата вой многы и идоста на Ляхи и заяста Червенския грады опять и повоеваста Лядскую землю и многы ляхы приведоста и разделиста я; Ярослав посади своя по Роси, и суть и до сего дни» (Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи, 1031 г.).

¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 25.

² Новгородская II и III летописи, с. 185. 1879.

³ Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 116, изд. 1911 г.

⁴ Договор 945 г. Шахматов А.А. Повесть времен, лет, с. 56, 57. 1916.

¹ Новгородская I летопись, с. 478—479. 1888.

Пространная «Правда» в своем перечне источников рабства пропускает плен. Она говорит, что «холопство обельное трое: 1) еже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а нагату дать пред самом холопом, а не без него; 2) а другое холопство: поиметь робу, а без ряда; поиметь ли с рядом, како ся будет рядил, на том же и стоить; 3) а се третье холопство: тиунство без ряда или ключь к себе привяжет, с рядом ли, то како ся будешь рядил, на том же стоить» (ст. по Троицк. IV сп.). Как мы увидим в дальнейшем, оговорки, сделанные во втором и третьем случаях из здесь обозначенных, очень часто осуществлялись на практике: люди поступали на службу или женились на рабынях, для чего заключали соответствующие договоры и в холопов не превращались.

Супружеские отношения в качестве источника рабства известны древнерусскому обществу, но они говорят о том, что у раба может быть семья и что далеко не обязательно превращение в рабов обоих супругов, если один из них свободный. В холопа превращается свободный человек только в том случае, если он «поиметь робу без ряда», «поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоить»¹. По-видимому, последний случай не был редкостью. В «Законе Судном людем», которым несомненно пользовались и у нас на Руси, помещено особое правило для тех, кто «работает из робы». Там сказано: «Тако иже работает из робы, свещает цену его пред послухи (это и есть ряд. — Б.Г.) да отпускается»², т.е. можно по договору с господином рабыни отработать за нее определенную перед послухами сумму. Дети от рабыни после смерти свободного отца (вероятно, самого господина) получают свободу вместе с матерью, хотя отцу и не наследуют³.

Нужно сказать, что положение детей, прижитых свободным с рабыней, не всегда многим отличалось от детей, рожденных от свободной матери. Об этом как будто говорит нам известное место Новгородской летописи под 970 г., где рассказывается, как в Киев «приидоша людье новгородьстии просяше князя собе». «Аще не пойдет к нам, — говорили они кн. Святославу, — то мы налезем собе князя». Святослав высказал некоторое сомнение: «да еще бы кто шел к вам». И действительно, два сына Святослава, Яро-

¹ «Правда Русская», Троицкий IV список, ст. 110.

² Новгородская I летопись, с. 478, изд. 1888 г.

³ Троицкий IV список, ст. 98.

полк и Олег, отказались. Тогда Добрыня посоветовал им просить Владимира, который, по его мнению, должен быть несколько сговорчивее, так как был «от Малуши, ключнице Ользине». Она приходилась родной сестрой Добрыни, а отец их был Малк Любечанин. Добрыня, стало быть, приходился родным дядей Владимиру. Владимир согласился: «И пояша новгородьци Володимира к себе, и поиде Володимир с Добрынею, уем своим, Новуграду»¹. Как видим, происхождение Владимира от ключницы-рабыни (это видно из дальнейшего) не помешало ему пользоваться такими же правами, как и его братьям от свободных матерей. Уколола его рабским происхождением Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогвольда, когда Владимир изъявил желание на ней жениться. «Не хочу розути робичича», — сказала она, что, однако, не остановило Владимира, а только вынудило его прибегнуть к насилию.

В договоре Новгорода с немцами 1195 г. честь рабыни оберегается особой статьей: «Оже кто робу повержет насилием, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит, собе свободна»². Раба, имеющая детей от свободного, после его смерти делается свободной со своими детьми («Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 98). Как будто и супружеские отношения свободных и рабов не имеют аналогии, по крайней мере, в римском рабовладельческом обществе.

Неисполнение обязательств по древнерусскому праву, как правило, не ведет к рабству. Правда, некоторые исследователи с этим положением не согласны. Дьяконов считает, что торговая несостоятельность в уплате долга, происшедшая по вине торговца (пьянство, расточительность), ставила его в полную зависимость от усмотрения кредиторов: «ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля» (ст. 54 Троицк. IV сп.). В следующей статье идет речь вообще о задолженности («Аже кто многим должен будет»), последствием которой также является продажа должника на торгу (ст. 55 Троицк. IV сп.)³. Но едва ли это не недоразумение.

Дьяконов буквально понимает слова «Правды Русской», где в ст. 55 (Троицк. IV сп.) говорится: «Аже кто многим должен будет», то в случае нежелания или невозможности расплатиться с креди-

¹ Новгородская I летопись, с. 21, изд. 1888 г. По этому поводу см. замечания, сделанные А.А. Шахматовым в его «Разысканиях», с. 373—378.

² М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, с. 96. Мирная грамота новгородцев с немцами 1195 г. 1906.

³ М.А. Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя Древн. Руси, с. 113. 1910.

торами: «вести я на торг и продати же и отдати же первое гостеву куны, а домашним, что ся останет кун, тем ся поделять; паки ли будут княжи куны, преже взяти, а прок в дел». То же и в предыдущей статье: «Иже который купец, шед кде любо с чюжим кунами, истопится, любо рать возметь, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его... оже ли пропиеться или пробиеться, а в безумии чюж товар потравить, то како любо тем, чьи то куны, ждуть ли ему, продадять ли его — своя им воля». Дьяконов понимает термин «продать» в буквальном смысле продажи личности обанкротившегося купца в рабство.

Однако с этим согласиться трудно уже по одному тому, что от продажи купца в рабство едва ли можно было получить столь значительную сумму, чтобы хватило расплатиться с кредиторами, среди которых имеется даже князь. Средняя цена раба, по «Правде Русской», — рублей 35 на довоенные деньги¹. Едва ли кто-либо захотел бы переплачивать за него только потому, что это бывший купец. Гораздо проще объяснить этот термин иначе, именно так, как его понимали современники. В договоре Игоря 945 г. мы имеем прекрасное и совершенно ясное объяснение: «Чи аще ударить, мечем или копьем или кацем-любо оружием русин гречина или гречин русина, да того деля греха заплатит серебра литр 5 по закону русскому; аще ли есть неимовит (несостоятелен. — Б.Г.), да како может, втолько же продан будет, ако да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти, а опроце да на роту ходить по своей вере, яко не имея ничтоже, ти тако пущен будет»². То же мы имеем и в Двинской грамоте 1397 г., построенной на основе «Правды Русской»: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, полны до чеклого татя; и от того наместником и дворяном не взяти ничего, а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя, а уличат третьие, ино повесити»³. И здесь продают не самого татя, а его имущество⁴. За первую кражу — в размере украденного, за вторую продается все его имущество, за третью он подвергается смертной казни.

Для продажи в рабство «Правда Русская» знает другой, более точный термин: «продать обель» («продаст ли господин закупа

¹ Аристов. Промышленность Древней Руси, с. 281.

² Шахматов А.А. Повесть врем. лет, с. 58, 1916 г.

³ М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, 1908.

⁴ Ср. совершенно правильное, на мой взгляд, мнение по этому вопросу С.Г. Струмилина, «Договор займа», с. 60.

обель», «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 61). И как будто для того, чтобы у нас не осталось никакого сомнения относительно того, что долг не превращает свободного человека в раба, в особом отделе «Правды Русской» (Троицк. IV сп., ст. 111), посвященном вопросу о холопстве, после определения трех источников холопства (купля, женитьба без ряду на рабе и поступление без ряду в тиуны или ключники), помещается специальная статья: «А вдач не холоп и ни по хлебе роботят ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость, отходит ли, то не виноват есть», т.е. за «ссуду» деньгами или хлебом, или за проценты не обращают в рабство. «Должник» отрабатывает долг в известный срок. Если он не отработает этого срока, должен возратить долг. Едва ли, впрочем, здесь мы имеем обычную ссуду. Вероятнее предположить, что здесь говорится об особой форме феодальной зависимости, в некоторых отношениях напоминающей «добровольное холопство» или «служилую кабалу» раннего времени в Москве.

Отчасти в связи с этим правилом в Карамзинском списке «Правды» мы имеем расценку труда жонки с дочерью: «О сиротьем вырятьке». «А жонка с дчерью... по гривне на лето...»¹ В этой статье существенно то, что она знает переход обязательств рядовича в случае его смерти на его семью и подчеркивает возможность выхода из зависимости через отработку.

Все письменные памятники, трактующие о рабах, позволяют говорить о том, что рабство как способ производства не развивается, не растет, а идет на убыль.

Интересно отметить факт, пока еще очень мало обследованный, что Церковь, лучший хозяин во всех странах Европы и Византии, владевшая рабами и пользовавшаяся ими, отказывается от рабского труда первой. В Древней Руси известны церковные рабы: епископские холопы в Новгороде, рабы Киево-Печерского монастыря, рабы Хутынского монастыря². «Правда Русская» знает чернеческих рабов. В «Правосудии Митрополичьем», где упоминается челядин полный, не обязательно понимать челядь церковную. В дальнейшем, во всяком случае, мы рабов в церкви уже не встречаем. Церковь начинает пользоваться трудом крепостных. Так постепенно меняется состав челяди. Рабов в ней делается все

¹ «Правда Русская», с. 354.

² Вкладная грамота Хутынскому монастырю 1192 г. М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1.

меньше и меньше, по крайней мере в тех хозяйствах, которые умели во время приспособляться к требованиям жизни.

Раб в Древней Руси, как и в любой другой стране, конечно, имеет свою историю. Мы, к сожалению, не можем проследить ее начала. Мы не знаем конкретно, что представляет собой раб VIII—IX вв., но мы знаем, что он играл тогда в производстве серьезную роль, что именно он помог своему господину овладеть более прогрессивным трудом крестьянина. Можно, и следует, утверждать, что в южных частях Восточной Европы, издавна и непосредственно соприкасавшихся со странами античного способа производства, рабство было развито значительно, чем в северных ее частях. Тем не менее, в XI—XII вв. и на юге пленник был не только и, пожалуй, даже не столько рабочей силой, сколько частым товаром на рынках, особенно азиатских. В момент, доступный нашему наблюдению по русским источникам (X—XII вв.), раб — не основа всего производства; кроме того, он имеет ряд своеобразных признаков, отличающих его от римского раба периода «античного» способа производства.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все мое внимание в этой главе сосредоточено не на истории рабства в нашей стране, а лишь на раскрытии ведущего процесса в истории изучаемого общества IX—XII вв. Основной вопрос заключается в том, достигло ли рабство в нашей стране того состояния, когда оно делается основой всего производства.

Образование «варварских» государств на территории Западной Римской империи Энгельс считал явлением прогрессивным потому, что исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Он подчеркивает, что «общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей (римской рабовладельческой. — Б.Г.) цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации»¹.

Германцы оживили Европу, результатом чего явился новый, «более прогрессивный строй» — феодальный. Оживляющая сила варваров заключалась, по мнению Энгельса, в их общинном строе. Общинный строй у германцев был причиной того, что германцы «могли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, с. 131.

в Римской империи все более и более переходило рабство»¹. Это крепостничество.

Ту же роль по отношению к античным рабовладельческим государствам Восточной Европы сыграли восточноевропейские варварские народы, и среди них самый многочисленный народ — славянский, общинный строй которого, по мнению Маркса, абсолютно, до мельчайших деталей, тождествен с общинным строем германцев².

Боспорское царство, в состав которого вошли Крым, Приазовье и пространство до Дона и Кубани, многочисленные греческие колонии на юге Восточной Европы, наконец — приблизительно до VI—VII вв. н.э. — вся Восточная Римская империя (Византия) были государствами рабовладельческими. Кризис рабского способа производства и здесь сопровождался активизацией варваров, и прежде всего славян, с уже знакомыми нам результатами — утверждением феодального строя.

К VIII—IX вв. античное рабство во всей Европе стало уже пройденным этапом.

Киевский период нашей истории IX—XII вв. — это период роста и укрепления феодальных отношений.

Патриархальное рабство, прекрасно известное славянскому обществу, при дальнейшем развитии феодальных отношений хотя и продолжало существовать, но все больше и больше теряло свое значение.

В связи с процессом феодализации и крестьянская община претерпевала заметные изменения. Рост имущественного неравенства разлагал ее изнутри, заставляя обедневших членов общины искать прибежища у богатых землевладельцев, а с другой стороны, развитие феодального крупного землевладения ставило под удар независимость целых общин. В таких случаях крестьяне-общинники, даже и не лишенные средств производства, стали вместе со своей землей переходить под власть крупных собственников. Многие из недавних полноправных членов общины, обязанные барщиной своим новым господам, вынуждены были становиться в ряды барской челяди, хотя и не смешиваясь окончательно с рабами, но в значительной степени, по крайней мере в глазах своих господ, им уподоблялись. Именно об этом периоде раннего кре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, с. 133.

² Там же, т. XXIV, с. 127.

постничества Энгельс говорил, что оно носило в себе еще много черт древнего рабства.

«Правда Русская» сохранила для нас ценнейшие указания на этот период существования общества и позволяет нам изучать этот интереснейший процесс, по крайней мере в основных его проявлениях.

Сейчас мы переходим к изучению нерабских элементов челяди.

Рядовичи

Мое понимание термина «рядович», поскольку оно идет вразрез почти со всей предшествующей научной трактовкой этого предмета, нуждается в серьезном обосновании.

Я не буду разбирать всю литературу вопроса, но попытаюсь привести мнения, особенно интересные или принадлежащие ученым, авторитет которых до сих пор мало оспаривается.

У Сергеевича о рядовичах два мнения. Он считает рядовича, упоминаемого в «Правде Русской», «рядовым» рабом на том основании, что «ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба». Он же допускает, что рядович — не всегда раб. «Рядович — всякий по ряду (договору) у кого-либо живущий»¹. Мрочек-Дроздовский считает рядовича несвободным приказчиком. Это несвободные подлючники в княжеских, боярских или иных владельческих имениях². Пресняков считает рядовича низшим агентом хозяйственного или административного управления и в доказательство приводит известный текст из Даниила Заточника: «Тиун бо его (князя) яко огонь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры». «А сотским и рядовичем... не судити»³. Gotz принимает толкование Сергеевича.

Для меня в данном случае не столь важны функции рядовича (он действительно в некоторых источниках рассматривается в качестве низшего агента вотчинной администрации), сколько его социальная природа. Тут с Сергеевичем можно согласиться только наполовину. Целиком приемлемой считаю его характеристику: «рядович — всякий, по ряду у кого-либо живущий». Стало быть, это не холоп. Соображения Сергеевича, вытекающие из

¹ Сергеевич В.И. Русские юридические древности, т. I, с. 105—106, СПб., 1902.

² Мрочек-Дроздовский П.И. Исследование о «Русской Правде», с. 200. М., 1886.

³ Пресняков А.Е. Княжое право, 293, прим. 1.

оценки рядовича, одинаковой с рабом, не убедительны. Тогда и смерда нужно считать рабом, потому что и его оценка равна тем же 5 гривнам¹.

Вообще исходить из штрафной сетки, применяемой к различным группам населения, для определения социального положения различных категорий населения — метод опасный. Мы, например, очень хорошо знаем, как «Уложение» Алексея Михайловича фиксирует эту сетку: «А деловым людям и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестье и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел крестьян», т.е. по 2 рубля. Деловые люди, т.е. холопы, здесь стоят на одной доске с крепостными крестьянами и бобылями, между тем как за «гулящего человека», т.е. свободного, кормящегося временным заработком, взимается в два раза меньше («Уложение», X, 94). Здесь оценка хозяйского холопа выше оценки свободного рабочего, и этим смущаться совершенно нечего.

В самой «Правде Русской» имеются данные для объяснения социальной сущности рядовича. В ст. 110 Троицк. IV списка читаем: «А холопство обельное трое... поиметь робу без ряду; поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же и стоять. А се третье холопство: тиунство без ряду или привяжетъ ключ к себе; с рядом ли, то како ся будетъ рядил, на том же и стоять». Совершенно ясно, что человек, собирающийся жениться на рабе, имел полное основание предварительно заключить ряд с господином невесты. Так, по-видимому, чаще всего и бывало на самом деле, как об этом, между прочим, очень ясно говорит «Закон Судный людем»: «А се иже работает из робы. Тако иже работает из робы, свещает цену его перед послухи, да отпускается»². Перед послухами, очевидно, заключается ряд о цене выкупа за жену-рабу, который и погашается работой мужа рабыни. Так, по-видимому, было не только в Болгарии, но и у нас. По ряду можно было поступить в ключники или тиуны.

Надо думать, что этими указанными двумя случаями не исчерпываются все возможные виды ряда при поступлении на службу или на работу, потому что оба эти случая приводятся «Правдой Русской» только в связи с происхождением обельного холопства

¹ Сергеевич считает, что в статье 26 «Правды Русской» (Акад. сп.) речь идет о «смердьем холопе», с чем согласиться трудно.

² Новгородская I летопись, с. 479, 1888.

и отнюдь самостоятельного сюжета не составляют. Кажется, мы имеем еще одно довольно важное подтверждение высказанного положения. Статья Карамзинского списка озаглавлена: «О сиротьем вырядке», а под этим заголовком значится: «А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами»¹. Если отбросить расчет на 12 лет, примерно взятый каким-то современным «Правде» «бухгалтером» вообще для всех его вычислений («а от 20 овец и от двою приплода на 12 лет... а от 20 коз и двою приплода на 12 лет... а от трех свиней приплода на 12 лет...» и т.д.), и отбросить итоговые цифры, всюду сопровождающие его примерные вычисления, то получим в этой статье очень краткое и вразумительное содержание: жонка с дочерью вырабатывает по гривне на год, и работают они в целях «вырядка», т.е. для того, чтобы получить право ухода от своего хозяина, с которым муж этих оставшихся после его смерти «сирот» заключил ряд. Это — семья рядовича. Аналогичное положение мы имеем в «Псковской Судной грамоте»: «А у которого человека, у государя, изорник помрет в записи в покрути, а жена у него останется и дети не в записи, а та им покрута платить по той записи»². В «Правде Русской» имеется в виду случай, когда рядович умирает и жена его отрабатывает какие-то предусмотренные рядом обязательства. «Выряд» — это аннулирование «ряда», выход из зависимого положения, созданного рядом. Итак, рядович ни в коем случае не раб. Это, по московской терминологии, один из видов серебряничества. В хорошо всем известной грамоте середины XV в. кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю мы имеем довольно полный перечень поступающих на работу в монастырь людей: это — серебряники, половники, рядовые люди и юрьевские³. В грамоте разъясняется, что они могут уходить от своих господ только при условии выплаты серебра. Стало быть, это все, строго говоря, серебряники. Рядовые люди в этом перечне, по-видимому, те же рядовичи.

Если рядович не раб, то он также и не наемный рабочий капиталистического общества. Его зависимость чисто феодальная, так как рядович через договор вступает в зависимость крепостнического характера и становится принадлежностью зависимого населения вотчины рядом с холопом, т.е. входит в состав челяди.

¹ «Правда Русская», с. 354.

² Псковская Судная грамота, ст. 85.

³ ААЭ, т. I, № 48.

Но это, по сравнению с рабством, несомненно, явление нового порядка, результат разложения патриархальной общины. Открепленные от средств производства недавние общинники вынуждены идти в эту кабалу. Положение рядовичей, как это видно из «Правды» Ярославичей, очень приниженное. «А в рядовницы княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен» читаем мы там. Эти 5 гривен не что иное, как возмещение убытка, причиненного хозяину господину убийством челядина, в данном случае рядовича.

Мы не знаем всех условий существования рядовичей, но летописи, однако, дают нам основание думать, что их приниженное и тяжелое положение в момент обострения классовых отношений в связи с усилением наступления землевладельцев на общину определило их позиции в народных движениях, имевших место в XI—XII вв., и особенно ярко проявившихся в 1113 г., после чего в Киев и призван был господствующими классами Владимир Мономах.

Он должен был обратить внимание и на рядовичей.

«Устав Владимира Мономаха говорит не о рядовичах вообще, а только об их разновидности — закупах, в которых нетрудно видеть все элементы социальной природы тех же рядовичей.

Закупы

Пересматривать литературу о закупах в целом я не собираюсь. Не могу лишь оставить без рассмотрений мнение Чичерина, заостренное Сергеевичем, о закупе как о наемном рабочем. Действительно, в некоторых редакциях «Правды» закуп называется «наймитом»¹, но понимать этот термин необходимо так, как его понимали современники «Правды», а не так, как понимаем его мы. Термины часто переживают свое первичное содержание, и их приспособляют к условиям, совершенно не похожим на обстановку, их породившую. Поэтому совершенно необходимо в изучении подлинных явлений жизни идти не от терминов к выяснению фактов, а самую терминологию объяснять условиями, ее создавшими. В памятнике XII в. несколько раз встречается термин «наим» в смысле «лихвы», т.е. процентов наряду с наймом в нашем смысле. Это сближение двух понятий в одном термине само по себе знаменательно.

В «Вопрошании Кириковом» мы имеем следующее место: «А наим деля, рекше лихвы, тако веляше учить: аже попа, то рци ему:

¹ «Продаст ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах», Троицк. IV сп., ст. 61.

не достоин ты служить, аще того не останешися. А еще простыця (мирянин в противоположность попу), то рци ему: не достоин ты имати наим... Дажь не могут ся хабить (воздержаться), то рци им: будите милосерди, возьмите легко: аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возьми или 4»¹. В «Поучении» новгородского епископа Илии читаем: «А и еще слышно и другие попы наим емлюще, еже священническому чину отинудь отречено». Совершенно ясно, что «наим» здесь, как весьма возможно и в «Правде Русской», нужно переводить термином «проценты», безуспешно запрещаемым церковными правилами в Средние века и на Западе, и у нас.

Закуп, названный наймитом, — это человек, не просто продавший свою рабочую силу, но при помощи «долга», через особого рода «ряд», т.е. договор, попавший в особого вида личную зависимость². Не следует, однако, на мой взгляд, делать большое ударение и на понятии долга, так как мы и здесь рискуем модернизировать явление и впасть в ошибку. Договор займа совершенно ясно обрисован в «Правде Русской», но задолжавший человек еще не есть закуп. Закуп — несвободный человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости. Это одна из обычных категорий феодальной зависимости населения, в какой находились непосредственные производители в Средние века вообще. Этот «долг» в данном случае играл ту же роль, что и при заключении договора о деревенской служилой кабале в Московском государстве, был условием покупки рабочей силы в форме феодальной кабалы и, может быть, и здесь, как безусловно в Москве, часто шел не кабальному человеку, а его господину, от которого он переходил под такую же власть к другому. Это та самая кабала, о которой писал в свое время В.И. Ленин: «И «свободный» русский крестьянин в XX веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в XI веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!»³

Такой же старый оттенок в понимании термина «наймит» мы, кажется, имеем и в самом начале XIV в. в Москве. В. князь Иван Данилович Калита в своей жалованной грамоте печерским сокольникам освобождает от платежа дани, между прочим, и «наймитов,

кто стражет на готовых конех, а в кунах»¹. Не будет большой экзегетической вольностью, если мы признаем в «готовых конех» аналогию с конем, на котором пашет хозяйскую пашню закуп, а в «кунах» — те самые деньги, при посредстве коих закуп становился в особую зависимость от своего господина.

В недавно воскрешенном из забвения очень интересном памятнике, в состав которого входит частично и «Правда Русская», этот предмет трактуется также весьма вразумительно. Имею в виду «Правосудие Митрополичье»². Статья 27 звучит в несколько исковерканном старым переписчиком виде так (знаки препинания и некоторые исправления мои. — Б.Г.): «А се стоит на суде челядин-наймит, не похочет быти у осподаря³: несть ему вины, но дати ему вдвое задаток. А побезит от осподаря, выдати его осподарю в польницу». И ст. 28 и 29: «Аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита, то есть душегубство». Из этого текста видно, что закуп входит в состав челяди.

Здесь совершенно отчетливо различаются два вида челяди: челядин полный, т.е. холоп обельный, и челядин-наймит, или «закупный», несомненно, не кто иной, как хорошо известный нам закуп.

Напрашивается естественно сравнение со ст. 56 «Правды Русской» (Троицк. IV сп.) «Оже закупный бежит от господина, то обель; идет ли искать кун, а явлено ходить к князю, или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правду». И того же списка ст. 89: «А в холопа и в робе виры нету, но оже будет без вины убиен, то за холопа и за роба платити урок». Аналогию имеем в «Уставной Двинской грамоте»: «А кто осподарь огрешится ударить своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют»⁴, тогда как закупа господин имеет право бить только «про дело»⁵.

В «Правосудии Митрополичьем» челядин-наймит, или «закупный», стоит на суде по делу о желании разорвать свои закупнические отношения с господином. Он на это имеет право, но должен в этом случае вернуть своему господину задаток в двойном размере.

¹ РИБ, т. VI, с. 7.

² Ср. И.И. Яковкин. Закупы «Русской Правды» // Журн. Мин. нар. просв., апрель, 1913 г.

³ Ленинский сборник, IV, с. 237.

¹ ААЭ, 1, № 3, 1328—1340 гг.

² Летоп. зан. Археогр. ком., вып. 35.

³ В напечатанном подлиннике «а осподар».

⁴ Уставная Двинская грамота, ст. 11.

⁵ «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 62.

Тут закупный наймит выступает в виде зависимого человека, весьма мало похожего на капиталистического рабочего, продавшего свою рабочую силу. Задаток — это тоже не совсем то, что мы привыкли считать под задатком. Наши древние памятники часто употребляют термины «задати», «задатися» в смысле отдаться, приняв подданство, поступить под чью-либо власть¹. Совсем не случайно челядин-наймит поставлен рядом с близким ему по положению челядином полным. «Задаток» — это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние. Это и не совсем то, что мы сейчас называем ссудой.

Неустойчивость экономической природы крестьянина достаточно известна, чтобы о ней говорить снова. Если принять во внимание, что в феодальный период крестьянина подстерегало много разнообразных бедствий, связанных с феодальным строем, — и прежде всего непрерывные внутренние и внешние войны, — то станет вполне понятным массовое разорение смердов, одно из важнейших условий, порождавших закупничество и другие формы феодальной зависимости.

Но одними стихийными бедствиями нельзя, конечно, объяснить происхождение ни этой ни другой какой-либо формы зависимости. Нельзя забывать, что сейчас мы имеем дело с таким обществом, где отношения зависимости вырастают непосредственно из самого производства, где класс феодалов — земельных монополистов — прибегает к внеэкономическому принуждению как к одному из самых действенных при данных условиях средств подчинения непосредственных производителей. Но едва ли в классовом обществе есть какая-либо форма хозяйства, которой было бы не известно и экономическое принуждение в качестве, по крайней мере, подсобного метода присвоения прибавочного продукта. Таким путем попадал в подневольное положение и закуп.

Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов, и в частности должников — против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание. Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть «Пространной Правды», которая носит заголовок: «А се уставил в.

¹ «Чтобы есте задатися за князя великий, а от Новгорода бы есте отнялись». Новгородская I летопись, 1397 г. и др.

к. Владимирь Всеволодовичь Манамах». Происхождение всех элементов этого «Устава»¹ до сих пор определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался, прежде всего, вопросов о долгах во всех их формах и закуп как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в «Устав» на самом законном основании.

Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право суда со своим господином и право уходить от господина «искать кун»: довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», но отнюдь не «без вины», «не смысля» или под пьяную руку. В этих всех гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу.

Если есть основание полагать, что эти «гарантии», сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве.

Закупу посвящен специальный отдел в Уставе в. к. Владимира Всеволодовича Мономаха, входящем в состав так называемой «Пространной Правды Русской». Ввиду того, что этот отдел «Правды» — «О закупе» (по Троицк. IV сп., ст. ст. 56—62) один из самых трудных для понимания вообще, — почему в нашей литературе в толковании его и существует так много разногласий, остановлюсь на наиболее важных его местах именно для того, чтобы в своих выводах не быть голословным. Ст. 56 о том, что закуп за побег от господина превращается в раба, но что он в то же время может открыто уходить «искать кун» или даже бежать в суд с жалобой на своего господина, достаточно ясна, если не считать не совсем ясное «искание кун». Мне все же кажется, что здесь идет речь о том случае, когда закуп по соглашению со своим господином отправляется раздобывать деньги, в данный момент необходимые закупу для выхода из закупнического состояния. Закуп, стало быть, формально, юридически имеет право ликвидировать свои отношения

¹ «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 53 и др.

с господином, подобно московскому кабальному человеку в ранний период существования этого института. В этом отношении положение закупа было, может быть, даже не столь безнадежно, как положение крепостного смерда, едва ли имевшего какие-либо сроки своего освобождения, а если и имевшего, то, надо думать, с очень значительными ограничениями. «Правосудие Митрополичье» вполне подтверждает эту правовую реальность для закупа уйти от своего господина: «А се стоит на суде челядин-наймит (это и есть «закупный». — Б.Г.), не похочет бытии осподаря». Закон ясно говорит: «Несть ему вины», но с него в этом случае господин имеет право взыскать «вдвое задаток». Вот для чего закупу необходимо «искать кун».

Две следующие статьи, 57 и 58, возбуждают много споров. Я не буду разбирать каждое мнение в отдельности, а попробую изложить собственное понимание этих двух статей, внутренне между собою связанных. Привожу здесь эти обе статьи целиком. «А иже у господина релейный закуп будеть, а погубить воински (в др. вариантах «свойскы») конь, то не платити ему (но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлет, то ему погубившу, платити)¹: аще ли господин его отслет на свое орудие, а погибнет и без него, того ему не платити господину (ст. 57). Оже из хлева, из забоя выведуть, то закупу того не платити, но еже погубит на поли или на двор не вженеть и не затворить, где ему господин велел, или орудия своя дея погубит, то ему платити» (ст. 58). Часть текста, взятая мною в скобки, представляется мне пояснительной вставкой на том основании, что она по содержанию и по форме вклинивается в текст «Правды», говорящий об очень определенном предмете. Обе эти статьи говорят о релейном закупе (стало быть, закуп может быть и не релейным, как и кабальный человек московский) и о господском коне, с которым закуп не расстаётся в своей работе. Предусматривается здесь несколько случаев: 1) господский конь погиб в то время, когда закуп работал им на своего господина (на барщине); 2) господский конь погиб в отсутствие закупа, посланного хозяином на другое дело; 3) коня украли из закрытого помещения, куда его загнал закуп, исполнив таким образом свои обязанности; 4) коня украли по небрежности закупа (он не загнал его, куда следовало); 5) хозяйский конь погиб в тот момент, когда закуп работал им на себя. В первых трех слу-

¹ Скобки мои. — Б.Г.

чаях закуп за коня не отвечает и убытков в случае гибели коня не возмещает; в двух последних случаях закуп обязан выплатить хозяину стоимость коня.

Вставка относительно плуга и бороны, сделанная по аналогии с сюжетом о коне, мне представляется, имеет следующий смысл: плуг и борону господин закупу «дал», т.е. предоставил ему право пользования этими орудиями под условием возмещения убытка в случае их гибели. Это «дал», ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупу не давал, конь все время находился в господском хлеве или забое, закуп только берет его тогда, когда требуется по ходу работы на хозяина и в отдельных случаях на себя, конечно, с разрешения хозяина; между тем плуг и борона «даны» хозяином закупу, и он держит их у себя дома, на своем участке. Поэтому здесь не может быть никаких сомнений: хозяин дал и требует, чтобы закуп ему вернул данную вещь или ее стоимость; никакие детали пользования этими орудиями хозяина решительно не интересуют.

Если купу понимать как оброк, что иногда допускается¹, тогда необходимо толковать придаточное предложение «от него же купу емлет» в том смысле, что господин, предоставив закупу участок земли, снабдив его орудиями производства во временное пользование, поскольку и сам закуп — зависимый человек лишь на известный срок, сделал его, таким образом, в некоторой степени рентабельным, получает с него небольшой оброк (большим он не может быть, так как главная работа закупа протекает на барщине).

На эти размышления наводит отчасти и термин «отарица», термин, до сих пор еще не достаточно разъясненный. Суздальский архиепископ Дионисий в грамоте 1382 г. этим термином перевел греческое слово *τεχοῦλιον*². Архиепископ Дионисий пишет о недопустимости частной собственности в монастырях и указывает, что институт собственности или отдельного частного владения посеян диаволом и называется по-русски «отарица». Это старый юридический термин и означает имущество, которое *pater familias* передает сыну или рабу для самостоятельного владения, но которое он может всегда у него отнять. Права распоряжения этим имуществом владелец не имел. Впервые законом разъяснен смысл

¹ П.А. Аргунов. К пересмотру построений закупничества «Русской Правды». Учен. записки Саратов. гос. унив., т. VI, вып. 4, 1927.

² Рукопись Московск. синод. библиот. № 455, л. 64. Рус. ист. библиот., т. VI, с. 208, примечание.

слова при императоре Августе¹. Отарица в применении к закупу, стало быть, участок земли, выделенный господином закупу в пользование.

Нужно, однако, сказать, что понимание термина «купа» в смысле оброка это только одно из существующих и допустимых пониманий. Весьма возможно, что «купа», входящая своим корнем в термин «закуп», — не оброк, а именно та сумма, которую закуп получал от своего господина в момент заключения с ним договора. Такое толкование «купы» очень старо и не менее популярно. Так понимал «купу» еще Карамзин², и в настоящее время имеются сторонники именно этого мнения.

Действительно, за это мнение имеется ряд серьезных аргументов. Противоречит ему лишь то, что в слове «емлет» предполагается систематическая повторяемость действия, между тем как «купа» в смысле денег, полученных от господина закупом, такой повторяемости не допускает. Зато коренное родство терминов «закуп» и «купа» говорит о предпочтительности второго понимания слова. Это, по-видимому, не оброк, а деньги, при помощи которых недавний смерд приобретал новую социальную оболочку и превращался в закупа.

Далее, ст. ст. 59—62 рассматривают случаи, когда господин мог причинить некоторый ущерб закупу, нарушить свои обязательства или превысить свои права. Тут мы еще раз встречаемся с основными чертами, характеризующими хозяйственное и правовое положение закупа. Вот какие «обиды» может причинить закупу господин: 1) изменить в свою пользу сумму, данную им закупу в момент заключения договора; 2) изменить, конечно в свою пользу, размеры оброка или участка земли, отведенного закупу (отарица), может быть, отобрать отарицу у закупа без достаточных оснований; 3) сделать попытку эксплуатировать закупа путем продажи или отдачи его в наймы, наконец, 4) побить его не «про дело», а «несмысля, пьян, без вины». Замечание Владимирского-Буданова о том, что здесь, в ст. ст. 59—62, имеется в виду закуп вообще, всякий закуп, — мне кажется очень приемлемым.

В отдельных случаях расшифровка ст. ст. 59—62, мною предложенная, может быть и требует уточнения и поправок (очень трудно брать на себя ответственность за толкование отдельных

темных мест источника), но общий смысл их мне кажется ясным, не вызывающим сомнений.

Наконец, в ст. 64 рассматривается случай совершения закупом кражи не у своего господина, а на стороне. За него отвечает господин, но в этом случае сам закуп превращается в раба.

В «Правде Русской» есть еще ст. 66, которая, решительно запрещающая послушествовать холопу, разрешает в малых тяжбах в случае необходимости («в мале тяже по нуже») привлекать к послушеству закупа.

Вот, собственно говоря, и все, что нам известно о закупе.

Все наши наблюдения позволяют, как мне кажется, сделать ряд вполне обоснованных выводов.

Закуп — зависимый от феодала человек. Зависимость устанавливается актом выдачи господином некоторой суммы денег, которые закуп должен вернуть, если пожелает уйти от своего хозяина. Зависимость закупа срочная. Закуп может выполнять самую разнообразную работу во дворе господина. Так называемый релейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина. По-видимому, либо этот вид закупничества был особенно распространен, либо с ролевым закупничеством связывалось большее количество *casus'ов*, влекущих за собой судебное вмешательство, но факт остается фактом, что именно ролевому закупу в уставе Владимира Мономаха отведено больше всего внимания. Релейный закуп вне барского двора и барского хозяйства не мыслится: он пашет господским плугом барскую пашню, боронит господской бороной, запрягает в них господского коня, стережет господских коней, загоняет их во двор и в хлев, исполняет всякие другие хозяйские распоряжения: в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном от господина. Трудно более ясно показать форму эксплуатации закупа. Перед нами один из видов отработочной ренты прежде всего.

Итак, по своему происхождению закуп — это в большинстве случаев недавний смерд, лишенный средств производства и вынужденный экономической необходимостью искать заработка у крупного землевладельца. Это один из симптомов разрушения соседской общины под натиском надвигающихся феодальных отношений. Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что закуп — одна из разновидностей рядовичей. Трудно также не согласиться и с тем, что закуп, постоянно работающий во дворе своего господина рядом с холопом, входит в состав барской челяди.

¹ Фр. Любкер. Реальный словарь классич. древности.

² Н.М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, прим. 92.

Вдачи

Самый термин «вдач» не может считаться точно установленным, так как в ряде редакций «Правды Русской» вместо «вдач» (Троицк. IV сп.) мы имеем разночтение «в даче» (Толстовский, Троицк. IV сп. и др.), «вда цену» (Пушкинск. сп.). Если допустить законность самого термина, то сущность вдача определяется только одной статьей «Пространной Правды». «Вдач не холоп, и ни по хлебе роботят, ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть» (ст. 111 Троицк. IV сп.), т.е. долг, взятый хлебом или деньгами, не превращает должника в раба; долг подлежит либо возврату, либо отработке в определенный срок.

Владимирский-Буданов полагает, что «здесь указывается источник одного рода закупничества»¹. Сергеевич цитирует этот текст по списку Мусина-Пушкина: «Вда цену не холоп...» По мнению Сергеевича, эта статья имеет в виду «рабочих, нанимаемых на определенный годовой срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате), или деньгами (вда цену)»².

Едва ли, однако, можно согласиться с толкованием термина, предложенным Сергеевичем. Прежде всего, недоказанным здесь является понимание слова «придаток». Придаток ведь можно понимать и иначе. Владимирский-Буданов, хотя и неуверенно, склонен под «придатком» разуметь процент, и едва ли это будет неправильно.

Вся статья говорит не о найме в смысле капиталистического найма, а о привлечении людей на работу путем выдачи хлеба или денег, которые вполне естественно подразумевают проценты, причем самая «дача» есть не столько способ непосредственного привлечения рабочей силы — хотя, несомненно, таким путем привлекалась рабочая сила — сколько это привлечение есть следствие, вытекающее из невозможности для должника погасить долг. Долг может быть погашен работой на срок, и совершенно не обязательно, как думает Сергеевич, годовой, потому что слово «год» значит, чаще всего, время вообще, и в «Правде Русской», когда требуется обозначить определенное количество времени, равное году в на-

¹ М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, с. 65, прим. 160, 1908.

² Сергеевич В.И. Русск. юрид. древн., т. I, с. 191, 1902.

шем смысле слова, употребляется термин «лето»: «А жонка с дочерью тем страды на 12 лет, по гривне на лето»¹ и т.д. Так что естественнее под вдачем разуметь бедного человека, берущего в долг хлеб или деньги, может быть, обязующегося при этом и отработать этот свой долг в определенный срок. Конечно, вдач близок закупу. Во всяком случае, эти оба социальные явления одного и того же происхождения. Это тоже одна из разновидностей рядовича.

Смерды²

В «Правде» Ярославичей среди рабочего состава барского имения упоминается и смерд. Каким образом он попал сюда, каково его положение здесь, станет ясным после того, как мы разберем вопрос о том, кто такой смерд вообще.

Можно смело сказать, что нет ни одного историка России, который бы не пытался определить юридическую природу смерда, и, тем не менее, вопрос до сих пор остается открытым. Один из наиболее глубоких исследователей писал в 1909 г.: «Вопросу о древнерусских смердах суждено, по-видимому, оставаться крайне спорным надолго, быть может, навсегда. Причина тому в скудости данных, какими располагаем: несколько случайных упоминаний в летописи да тексты «Правды Русской»³. Уже в революционное время вышла специальная работа С.В. Юшкова, интересная, между прочим, тем, что автору удалось расширить рамки своего наблюдения и привлечь к решению вопроса новый материал⁴. В последнее время в общих трудах по истории Украины и Киевской Руси вопросу о смердах отводится видное место, и, на мой взгляд, вопрос близится к своему правильному решению⁵.

¹ «Правда Русская», с. 354.

² Очень характерны аналогии с пренебрежительным наименованием низших классов населения, обязанных работать на своих господ, людей знатных, у других народов. *Homines lauti* или *mundi* — люди опрятные, мытые, богатые, в противоположность *homines sordidi*, *sale*, *noir*, т.е. люди грязные, бедные, *homines sordido loco nati*, т.е. люди, рожденные в грязи, бедные. И другая параллель — *homines tenuiores* — люди худые (нежирные), нуждающиеся, бедные, в противоположность *homines crassi*, *popolo grasso* — люди жирные, богатые. М.М. Покровский. Изв. Акад. наук СССР, 1936, № 4, с. 90.

³ А.Е. Пресняков. Княжое право, с. 287, СПб., 1909.

⁴ С.В. Юшков. К вопросу о смердах. Ученые зап. Саратов. унив., т. I, в. 4.

⁵ Н.Л. Рубинштейн. Нарис історії Київської Руси, с. 50, 1930. Історія України, т. I, с. 26—32. Протів утвердження, що смерд, закуп і холоп это три пути (шляхи) розвитку феодализма, нахожу нужным решительно протестовать. Сравнительно

Смерд и боярин

Причина неудач в разрешении вопроса у прежних исследователей крылась, а отчасти и кроется, не столько в недостаточности источников, сколько в неправильной постановке вопроса, т.е. дело не столько в материале, сколько в методе исследования. Почти все авторы многочисленных попыток решить задачу исходят из положения, что смерды представляют социальную группу, имеющую единые законченные юридические признаки, которые-де и надлежит вскрыть науке. Отсюда Лешков, Никольский, Цитович

недавно была сделана еще одна попытка осветить вопрос о смердах. С.Н. Чернов. О смердах Руси XI—XII вв. Сб. «Акад. наук Н.Я. Марру», 1935.

и многие другие смотрят на них как на «людей князя», стоящих в особой частноправовой зависимости от него. Ключевский считает их государственными крестьянами, Сергеевич находит два смысла в термине «смерд»: широкий и тесный; в первом смысле это свободный человек небольшого достатка в противоположность людям крупным и князьям, во втором — пахарь, сельский работник и т.д. С.В. Юшков определяет смерда как «особый разряд сельского населения»; по его мнению, это — полусвободные люди, напоминающие *homines pertinentes* западного Средневековья.

Но можно ли ставить так вопрос? Можно ли дать, например, единое исчерпывающее юридическое определение крестьянина Московской Руси XVI—XVII вв. даже при большом сравнительно обилии материалов? Думаю, что нет. Черносошный крестьянин и крестьянин помещичий, не говоря уже о более дробном расчленении этой большой группы сельского населения, будут представлять собой различные юридические категории. На мой взгляд, необходимо отказаться от попытки дать единую юридическую формулировку явлению, не имевшему юридического единства и в конкретной действительности. Необходимо подойти к решению задачи с мыслью о сложности и разнообразии правовых положений в крестьянской среде, и если искать точного общего определения, то нужно обращаться к терминам не юридическим, а экономическим, стараться найти место смерда в определенной исторической системе производства.

С этой точки зрения крестьянин есть непосредственный производитель, владеющий своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования, самостоятельно ведущий свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность¹.

Что же касается юридических признаков, то крестьяне могут быть либо свободными земледельцами, либо зависимыми в разной степени и форме от землевладельцев как светских, так и церковных. Общая тенденция в юридической судьбе крестьянина в период феодализации общества есть превращение его из свободного в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину или даже становящегося крепостным.

¹ Раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно.

В Германии XII—XIII вв. только к востоку от Рейна находилось некоторое количество свободных крестьян. Вся же масса крестьян к этому времени оказалась в крепостной зависимости от феодалов. И свободный, и зависимый крестьянин сохраняет, однако, свою экономическую сущность — это всегда владеющий средствами производства земледелец. Только в этом смысле и можно говорить об исчерпывающем определении этого класса.

Киевский и новгородский смерд есть не кто иной, как крестьянин в смысле только что данного определения. Иначе никак нельзя понять ни статей «Правды Русской», ни известных мест летописей, и совершенно нет никакого основания приходить в отчаяние от невозможности свести смерда к какому-либо единству юридического положения: смерд может быть и свободным общинником, и зависимым, вырванным из общины человеком, может оказаться в зависимости и не порывая связи с общиной, поскольку вся общинная земля с сидящим на ней населением могла попасть и попадала под власть любого землевладельца: князя, княжеского дружинника, церковного учреждения. Характер зависимости совершенно не мыслится обязательно во всех случаях однородным¹. Я не собираюсь приводить здесь все известные места наших источников о смердах полностью, но считаю нужным указать на те из них, которые могут подтвердить только что высказанное мною положение.

Исходя из положения, что между социальной природой киевского и новгородского смердов принципиальной разницы нет, дальнейшие выводы свои относительно смердов я строю как на новгородском, так и на киевском материале, конечно, с учетом особенностей в истории южной и северной частей «империи Рюриковичей».

Смерды есть основное население новгородских погостов, если судить по всем известным текстам договорных новгородских грамот со своими князьями («кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянет в свой погост: тако пошло в Новгороде»). Грамоты говорят о том, что так «пошло», т.е. это старина. Когда те же грамоты хотят исчерпывающим образом назвать все новгородское

¹ Этим утверждением я отнюдь не собираюсь отвергать значения юридических признаков в положении любого из общественных классов. В качестве показателей эволюционных этапов эти признаки, конечно, должны занять свое определенное место в процессе изучения истории общественно-экономических отношений.

население, сельское и городское, то пользуются двумя терминами: «смерд» и «купчина», под смердами, несомненно, разумея всю массу сельского населения. То же мы можем видеть и позднее. Вот давно напечатанная и достаточно забытая «ободная грамота» 1375 г. «Се докончаша мир в мир с Челомужским боярином з Григорьем Семеновичем и с его детьми... староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем, да шунские смерды: Иван Герасимов да Василий, прозвищем Стойвов, Глебовы да Игнатий, прозвищем Игоча, да Осафей Перфильева дети, да и еси шунжине... мир взяли в между в Челмужском погосте, урядили (далее идет определение границ спорной земли)... и не вступатися нам в тую Григорьеву землю да и в ту между..., владети тою межою Челмужскому боярину Григорью и его детям во веки»¹.

Если признать эту грамоту подлинной и, стало быть, заслуживающей доверия, то придется отметить, что здесь, по-видимому, изображены шунгские смерды в качестве общинников-землевладельцев, у которых был какой-то спор по земле с соседом, челмужским боярином, разрешившийся миром и новой фиксацией земельных границ. Не приходится сомневаться, что совершенно таких же плательщиков дани имеет в виду новгородская летопись в рассказе о походе новгородцев на Югру, когда осажденная Югра в 1193 г. говорит осаждающим: «... а не губите своих смерд и своей дани»².

Знаменитая речь Владимира Мономаха на Долобском съезде, несомненно, рисует нам смерда пахарем, имеющим свою лошадь, гумно и всякое «имение»³. В старинных переводах слову «смерд» соответствует собственник-земледелец⁴. Это основная масса сельского населения, обложенная данью. Под 1169 г. в Новгородской I летописи записан поход новгородцев на Суздаль, где, между прочим, сказано: «И отступиша новгородцы и опять воротишася и взяша всю дань на суздальских смердах другую»⁵. Под 1229 г. в той же Новгородской летописи записано: «Прииде князь Михаил из Чернигова в Новгород... и целова крест на всей воле новгородстей и на всех грамотах ярославлих и вда свободу смердом на 5

¹ Чтения Моск. общ. ист. и древн. Росс., 1868, кн. 1. Палеостров, с. 138—139. Ср. Н.С. Чаев. Северные грамоты. Летоп. зап. Археогр. ком., вып. 35, с. 157, № 53.

² Новгородская I летопись, под 1193 г.

³ Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

⁴ Лаппо-Данилевский. Очерки истории образования главных разрядов крестьянского населения в России: Крестьянский строй, с. 5.

⁵ Новгородская I летопись, с. 149, изд. 1888 г.

лет дани не платити, кто сбежал на чужую землю; а сим повеле, кто еде живет, како уставили передний князи, тако платити дань». Так кн. Михаил восстанавливает старину, которую нарушил посадник Дмитр Мирошкинич, следствием чего, по-видимому, и было восстание 1209 г. и массовое бегство крестьян «на чужую землю»¹.

Существование так называемых свободных смердов не подлежит сомнению. Здесь дело совершенно ясное.

Это самая значительная часть населения Киевского государства, если понимать этот последний термин в самом широком политическом значении. Об этом весьма красноречиво говорит и топонимика. «Ни одно социальное обозначение, — говорит по этому поводу новейший исследователь вопроса, — не дало столь богатого и столь разнообразного по форме производных отражений в топонимике, как слово «смерд»². Тот же автор указывает громадные пределы распространения этого термина: на первом месте в этом отношении стоит Новгородско-Псковская область, к ней примыкают северная и с.-в. часть Двинской области и с.-з. часть б. Вятской губернии; вторая большая группа земель, хорошо знающих этот термин, — Волынь, Подолия, Холмщина, Галиция, Малая Польша; к ним примыкают Познань, Силезия и Восточная Пруссия. Значительно распространен термин в Белорусских и Литовских землях, в районах Ковно, Вильно, Гродно. Очень редко встречается термин в Верхнем Поволжье (районы Твери, Влади-

¹ Новгородская I летопись, с. 230, изд. 1888 г. Никоновская летопись искажает этот текст и передает так: «Даде всем людем бедным и должным льготы на 5 лет дани не платити, а которые с земли бежали в долзех тем платите дань, како уставили прежний князи, или без лихв полетья». Автор Никоновской летописи, как это часто бывает с историками, модернизирует явления и толкует старые факты применительно к современным ему отношениям, но здесь, несомненно, разумеется поощрительная мера для беглых крестьян, желающих вернуться на старые места жительства. Совершенно аналогичные случаи и соответствующую тактику феодалов мы можем наблюдать в Московском государстве ранней поры. В. к. Василий Дмитриевич перешедшим к нему крестьянам из иных княжений давал льготу на 10 лет, а «тутошним» только на 3 года. (ААЭ, т. I, № 21, 1433 г.) Углицкий князь Андрей Васильевич в таких же случаях давал льготу на 20 и на 10 лет. (ААЭ, т. I, № 102, 1476 г. и т.д.) Новгород дорожит смердами, прежде всего, как плательщиками податей. С. В. Юшков отдает предпочтение Никоновской летописи перед Новгородской, на мой взгляд, без достаточных к тому оснований. (Уч. зап. Сарат. унив., т. I, вып. 4, с. 73.) С.Н. Чернов полагает, что здесь смерды бегут с государственных земель на частные, но ничем своей мысли не доказывает. («О смердах Руси XI—XII вв.» Сб. «Акад. наук Н.Я. Марру», с. 771.)

² Е.А. Рыздзевская. Слово «смерд» в топонимике. Проблемы источниковедения, вып. 2, изд. Ист.-археогр. инст. Академии наук СССР.

мира и Ярославля). Здесь термин замирает. На Западе этот термин известен еще в некоторых частях Германии.

Но смерды в XI в. были не только свободными крестьянами-общинниками. Часть их, несомненно, уже успела попасть в зависимость к феодалам.

Старая историография этой стороны вопроса о смердах почти не замечала. Совершенно ясно о зависимых смердах говорил лишь Владимирский-Буданов. «Правда Русская» и летописи, по его мнению, «содержат в себе... указания на бесправное положение смердов, но такие указания относятся к смердам в теснейшем смысле, т.е. прикрепленным». «...Положение свободных крестьян было далеко от гражданского полноправия и легко могло перейти в состояние прикрепленных. Прикрепление могло быть или временное или всегданнее. Временное прикрепление есть релейное закупничество «Русской Правды», которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу...» «...Прикрепленные смерды были многочисленны уже в древнейшее время: «Русская Правда» древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда»¹. О «господских смердах» говорит и Павлов-Сильванский².

В ближайшее к нам время появились работы, уделяющие этому предмету серьезное внимание. Я имею в виду статью С.В. Юшкова «К вопросу о смердах»³, Н. Максименко «Про смердів Руской Правди»⁴ и др.

Здесь проблема ставится по-новому и, мне кажется, правильно, что не мешает мне, однако, расходиться с некоторыми положениями этих авторов. Спешу заранее оговориться, что основное расхождение с некоторыми из указанных авторов заключается в том, что я различаю две группы смердов: 1) данников, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев, и 2) освоенных феодалами смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ.

Аргументы, выдвигаемые этими авторами в доказательство зависимости второй категории смердов, за отдельными исключениями, кажутся мне вполне убедительными.

¹ М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, с. 34—36, изд. 5-е.

² Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, с. 222.

³ Ученые зап. Сарат. гос. унив., т. I, вып. 4. Саратов, 1932.

⁴ Прац. ком. для вивчування инст. захщньо-руского та вкраїнського права, вып. III.

Попробуем собрать указания источников по этому предмету.

Смерды, в качестве одной из категорий зависимого от феодала населения вотчины, по своему приниженному положению весьма близки к холопам.

Важные постановления «Правды Русской» о смердах содержатся в «Правде» Ярославичей и ее дополнениях, т.е. в «Правде» по преимуществу княжой и имеющей назначение оградить, прежде всего, интересы княжеского двора и хозяйства. В числе зависимых от князей людей, сидящих в его вотчине и обслуживающих ее, называются и смерды «в рядовници княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен»¹. Рядовичи, смерды и холопы рассматриваются рядом, и наказание за их убийство определяется одинаковое. Если мы рассмотрим в другие источники, то увидим, что это обычное явление: смерды (зависимые) и холопы почти всегда трактуются вместе.

В «Правде» Ярославичей, откуда и идет этот текст, вообще говорится о смерде, живущем в княжеской вотчине и зависимом от князя как землевладельца. Здесь изображается княжеское имение, которое для данного времени без крестьянина уже невысказано. Рядом со смердом работают тут и другие категории зависимого от феодала населения, между ними рабы занимают и в XI в. количественно видное место... Стало быть, предполагать в этом контексте «Правды» еще не феодализованного смерда едва ли возможно. Наконец, наши источники решительно противоречат представлению о смерде как о зажиточном человеке, имеющем в своем распоряжении рабскую силу. «Худой смерд» — это самое обычное представление о смерде во всей нашей древней литературе. Смерд — свободный общинник, имеющий возможность эксплуатировать чужой труд, хотя принципиально и допустим, но фактически — явление очень редкое. Во всяком случае, не о нем говорит «Правда» Ярославичей. Знаток «Правды Русской» и палеографических особенностей различных ее редакций В.П. Любимов в одной

¹ Не только в старой литературе, но и в новейшей вопрос о том, какому варианту отдавать предпочтение — «в смерде и в холопе» (Акад. сп., Карамз., большинство других) или же «в смердии холопе» (Троицкий сп.) дебатировалась с большой остротой. Старой литературы я сейчас касаться не буду, так как самый вопрос там ставился в иной плоскости. В новейшей литературе он поставлен очень остро: считать ли зависимого смерда низведенным в социальном положении в некоторых отношениях до уровня холопа или же возвести смерда, упоминаемого в данном тексте, в ранг эксплуататоров холопского труда, признавать его рабовладельцем?

из своих работ приходит к такому же заключению («Историк-марксист», 1938, кн. 5, стр. 158—159). Особенно интересны его убедительные палеографические наблюдения, говорящие о том, что весь комплекс статей Правды Ярославичей, трактующий о людском составе вотчин от тиунов до смердов и холопов, был объединен (графически) и в древнейшем, не дошедшем до нас тексте, с которого снимал копию переписчик XV века.

Села, принадлежащие феодалам, в X в., по сообщению Татищева, имевшего на то серьезные основания, были населены рабами и смердами. Татищев сообщает, что по договору Владимира I с болгарами этим последним запрещалось торговать непосредственно со смердами и огневщиной (челядь). Очевидно, феодалы сохраняют это право исключительно за собой. В «Вопрошании Кириковом», памятнике XII в., мы имеем подтверждение слов Татищева. Там прямо сказано, что смерды населяют села. Замечательно, что Кирик о рабах не упомянул. Очевидно, главной массой населения сел были все-таки смерды. «А смерд деля помолвих, иже по селом живут».

Князья требуют от Ростиславичей выдачи смердов и холопов: «А холопы наши и смерды выдайта»¹. Ростовцы высокомерно говорили о владимирцах: «Несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы...»²

Буквально то же мы видим и позднее в Новгороде, где по договору Новгорода с Казимиром IV запрещается принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов; в договоры, заключаемые с соседними государствами, включается условие о выдаче сбежавших смердов и холопов³. Едва ли более высокое положение смердов можно усмотреть и в известном сообщении Новгородской I летописи под 1016 г., когда кн. Ярослав, отпуская новгородцев, помогавших ему овладеть Киевским столом, «нача вое делити: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородьчем (т.е. горожанам) по 10 всем»⁴.

В различных редакциях Печерского патерика терминами «рабы» и «смерды» переписчики пользуются альтернативно. Так, в «Слове о преподобных отцах Федоре и Василии» рассказывается о том, как Василий заставил бесов работать на брата. Униженные

¹ Ипатьевская летопись, 1100 г., с. 181. 1871 г.

² Никоновская летопись, под 1177 г.

³ Собр. гос. грам. и договоров, т. I, с. 28 и др.

⁴ Новгородская I летопись, с. 84, изд. 1888 г.

таким образом бесы, «аки раби куплени, работают и древа носят на гору». В этом месте другой вариант патерика заменяет слово «рабы» словом «смерды»¹.

В докончании Новгорода с королем Казимиром, правда уже 1440 г., говорится: «А межи собою нам, будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за разбойника и за смерда не стояти ни мне ни вам, а выдати его по исправе»². Эти смерды должны выдаваться не в качестве преступников, о которых говорится особо, а именно в качестве смердов, которые и здесь ставятся рядом с холопами. Ганзейские купцы новгородских смердов считают принадлежащими их господам, которые и являются ответственными за их преступления. «Смерды ваши, — говорят они новгородским боярам, — и вы повинны по праву за них отвечать»³. Связь смерда с княжеским хозяйством обнаруживается и в том факте, что княжеские кони, по-видимому, пасутся на одном лугу со смердыми и отличаются от смердых особым тавром — «пятно». Смердов как феодально-зависимых от князя запрещается мучить «без княжа слова», подобно тому, как и иных людей, принадлежащих к княжескому двору: огнищан, тиунов, мечников. («Правда Русская», Академ. сп., ст. 33). Смерды-волхвы в 1071 г. ссылались на это свое право: «Нама стати перед Святославом, а ты — обращались они к Яну Вышатичу, — не можешти створити ничто же». Тут не может быть и речи о подданстве, так как белозерцы были тоже под данью кн. Святослава, а между тем невозможно предположить, что без княжа слова княжеский воевода не мог судить вообще белозерцев. По-видимому, княжие смерды, о которых здесь идет речь, принадлежали к феодальной вотчинной юрисдикции князя.

Статьи «Правды Русской»: «Оже кто ударит мечем, не вынез его, или рукоятю, то 12 гривен продажи за обиду» (ст. 23 Троицк. IV сп.), «Оже кто ударит кого батогом, или чешею, или рогом, либо тылисницею, то 12 гривен...» (ст. 25 того же сп.) не относятся к смердам. Иначе необходимо было бы допустить совершенно нелепую мысль о том, что убийство смерда карается легче, чем нанесение ему побоев. Или же, если думать иначе, необходимо допустить, что в ст. 26 «Правды» Ярославичей указывается только возмещение феодалу за понесенный им материальный ущерб от

¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 118, 1911.

² Акты Западной России, 1, № 39.

³ «Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere». Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprungs Hanse, вып. 2, т. XXIII, с. 165.

убийства смерда, а уголовный штраф, о котором там ничего не сказано, подразумевается.

Имущество смерда, не имеющего сыновей, переходит к князю как землевладельцу-феодалу¹.

Князья распоряжаются своей землей и населяющими ее смердами. Прямых доказательств этого у нас нет, но достаточно убедительные косвенные доказательства имеются. В 30-х годах XIII в., правда, рязанские князья Ингвар, Олег и Юрий вместе с 300 бояр и 600 мужей дали монастырю «9 земель бортовых и 5 погостов» с 1010 «семьями», несомненно, не холопскими, а именно крестьянскими, т.е., по терминологии киевской и новгородской, — смердыми². Если признать правильным чтение и толкование грамоты кн. Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю 1136—1154 г., предлагаемое С.В. Юшковым³: «Село Витославицы и смерды» вместо прежнего «и Смерды», т.е. если отказаться под словом «смерды» подразумевать географическое наименование и понимать его как обозначение определенного общественного класса, то мы получим еще одно прямое доказательство того, что часть смердов в XI и XII вв. уже находилась в феодальной зависимости.

Положение смердов, зависимых не от князей, а от других феодалов, принципиально ничем не отличается от положения смердов в княжеской вотчине и не может быть качественно иным. Заинтересованность дружинников в смердах, в их конях и пашне несомненна.

Трудно иначе понять запись в Ипатьевской летописи под 1111 г., когда по инициативе Владимира Мономаха князья и их дружинники съехались в Долобске. «Седоша в едином шатре Святотолк со своею дружиною, а Владимир с своею. И бывшу молчанию. И рече Владимир: «Брате, ты еси старей, почни глаголати, яко быхом промыслили о Руськой земли». И рече Святотолк: «Брате, ты почни». И рече Владимир: «Како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя рекуще: хочеть погубити смерды и ролью смердом...»⁴ Этих подробностей нет в записи о том же предмете под 1103 г. Между тем деталь, изложенная в тексте 1111 г., очень характерна. Чем объяснить заинтересованность

¹ «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 90.

² АИ, 1, № 2.

³ С.В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. Ученые зап. Саратов. гос. ун-в., т. III, с. 39, 1925 г.

⁴ Ипатьевская летопись, под 1103-м и 1111 г.

дружинников в смердье пашне, как не тем, что эти смерды жили в селах дружинников и были обязаны отдавать часть прибавочного труда своим господам в той или иной форме. На это же обстоятельство намекают и другие места той же летописи. В 1146 г. «разграбиша кияне... дома дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты...» Князь Изяслав говорит своей дружине в 1150 г.: «Вы есте по мне из Русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Тот же князь в 1148 г. говорил своей дружине о черниговских князьях: «Се есмы села их подожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдут: а пойдём к Любчю, идеже их есть вся жизнь»¹. В этих селах, как мы видели, жила «огневщина» (челядь) и смерды. Несомненно также и то, что вопрос о наборе смердых коней не разрешается княжеской властью, а зависит от самих дружинников. По-видимому, то же можно сказать и об участии в войске самих смердов. Эти зависимые смерды знают, прежде всего, своих господ-феодалов. В селах Галицкой земли в XIV—XV вв. владельческие крестьяне, т.е. находившиеся в феодальной зависимости², пользовались лишь ограниченным правом выхода. Совсем не имеет его крестьянин, положенный в число (in numero)³.

О том, что отношения в княжеской и боярской вотчинах принципиально ничем не отличаются, говорит, хотя и не прямо, а косвенно, характерная приписка, сделанная к ст. 11—14 пространной «Правды Русской», где идет речь о княжеских людях — сельском или ратайном тиуне и о рядовиче («А в сельском тиуне княже или в ратайной 12 гривен, а за рядовичь 5 гривен») — «Тако же и за бояреск».

Совершенно ясный смысл этой приписки должен быть распространен и на смежные статьи, трактующие о других деталях княжеской вотчины.

Очень много споров вызывала и вызывает ст. 90 Троицкого IV и др. списков «Пространной Правды»: «Оже смред умереть без дети (цитирую по Троицк. IV), то задница князю: аже будуть дыцери у него дома, то даяти часть на ня: аже будуть за мужьем, то не дати им части». О каком смерде здесь говорится? Если это смерд, независимый непосредственно от феодала, свободный член сельской общины, тогда непонятно, как князь может осуществить свое

¹ Ипатьевская летопись, под 1146-м, 1148-м, 1150-м и 1177 г.

² Сидевшие на «русском праве».

³ И.А. Линниченко. Черты из истории сословий в Юго-зап. (Галицкой) Руси XIV—XV вв.

право наследования. Если же это смерд княжеский крепостной, тогда статья делается понятной, но является вопрос, можно ли это правило распространить и на не княжеских смердов, зависимых от других феодалов? На этот счет мы, кажется, имеем положительные показания в Уставе кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовых» людях, и церковных, и монастырских, куда совершенно естественно включить и смердов. «Безатщина» этих людей, т.е. их имущество, при отсутствии прямых, надо думать мужских, наследников «епископу идет»¹.

Мне кажется, что мы очень значительно приблизимся к правильному решению вопроса, приняв во внимание аналогичную статью древнейшей «Польской Правды», которая совершенно определенно говорит о том, что князь как князь тут ни при чем, что это правило касается всякой феодальной вотчины этого периода. В так называемой «Польской Правде», записанной в XIII в., в ст. XXII, читаем: «Если умрет крестьянин (конечно, крепостной. — Б.Г.), не имея сына, господин берет его имущество, но должен дать жене ее подушки... покрывала и из имущества мужа корову... или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать»². Вислицкий статут Казимира Великого (1374 г.) в статье «De bonis derelictis post mortem villanorum vel civium absque prole decedentium» считает старый закон, по которому господа наследовали имущество своих бездетно (без сыновей) умерших крестьян, несправедливым и отменяет его³.

Этот Вислицкий статут был, по-видимому, одновременно приспособлен и для русского населения Галицкой земли, вошедшей в состав Польши, и в этой приспособленной редакции он, конечно, очень ценен для историка Киевского государства. Интересно отметить терминологию этого статута, где целый ряд терминов буквально соответствует «Правде Русской»: «свада», «копа», «уражен», «раны кровавая и синьевая» и много других: среди них, что для нас в данном случае особенно ценно, имеется и термин «смерд», тождественный термину «кмет» других вариантов того же статута: «О смерде, который забьет другого смердя» (ст. 56). «Много смердов из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити» (ст. 70).

¹ Ср. положение Lex Salica об исключении женщин из наследования земли: вся terra salica переходила мужскому полу (гл. LIX).

² Helcel Antoni. Starodawne prawa polskiego pomniki, с. 26. 1870.

³ Volumina legum, I, с. 11. Акты Западной России, т. I, № 2.

Близость Вислицкого статута (в специально для украинского населения приспособленной редакции) к «Правде Русской» несомненна. Тут мы имеем как раз и статью, соответствующую статье «Правды Русской» о смердье заднице. Она в приспособленной редакции озаглавлена так: «О пустовщине сельской, а любо месьской» и имеет следующее содержание: «Коли же который люд, а любо кметь (смерд) умрет без детей, тогда пан его увязуется в пустовщину. Про то мы ныне укладываем тот обычай: аж того имения, будет ли уставляемы бы келих учинен был за полторы гривны к церкви, где прибегал (имеется в виду «приход», приходская церковь. — Б.Г.), а остаток, што ближним и приятелем штобы дано»¹.

Господа лишаются права наследовать после зависимых от них людей, умерших без мужского потомства. Отменяется старый обычай, признанный сейчас противоречащим справедливости и нелепым. Очевидно, произошло нечто такое, что заставило считать нелепостью этот старый обычай, известный одинаково и русской, и польской «Правдам».

Я думаю, что мы здесь имеем дело с новыми пластами крестьянства, попавшего в феодальную зависимость, с новым этапом в формах эксплуатации зависимого от феодалов населения, именно с тем этапом, когда при условии широкого распространения ренты продуктами крестьяне в интересах своих господ должны были получить некоторый простор для своей хозяйственной деятельности.

Это и есть то самое первое расширение самостоятельности зависимых крестьян², о котором говорил В.И. Ленин в «Развитии капитализма в России», применительно к периоду господства ренты продуктами.

Конечно, смерды Вислицкого статута не те смерды, которые настолько близко соприкасались с барской челядью, а в том числе и с холопской ее частью, что сами приобретали много черт холопства и едва ли имели право по своему усмотрению свободно

¹ Акты Западной России, 1, № 2, с. 10. Эта статья в латинском тексте статута несколько полнее: «Abusiva consuetudine noscitur esse observatum, quod cum aliqui kmethones, seu rustici, vel alii civiles homines, absque prole de hac luce decedunt: ipsorum omnia bona mobilia et immobilia nomine vulgariter puscizna domini eorundem consueverant occupare. Unde nos eandem consuetudinem, ut vero contrariam et absurdam reputantes statuimus, quod de bonis eorundem decedentium si tantum reperitur in eisdem bonis, calyx pro marca cum media ecclesiae parochiali dandus comparetur reliqua vero bona, ad proximos consanguineos, vel affines, cessante quolibet impedimento devolvantur, prout aequitas et justitia svadent». Volumina legum, t. I, 1859, с. 11.

² В.И. Ленин. Соч., т. III, с. 127, 3-е изд.

уходить от своего господина. В Польше, куда в XIV в. попали галицкие смерды и которых имеет в виду Вислицкий статут, беглых смердов в XIII в., во всяком случае, ловили, наказывали и водворяли к прежним хозяевам¹. Польша, точно так же, как Киевское государство, знает три вида смердов-кметов: 1) крепостных, очень близко примыкающих к барской челяди, 2) зависимых в той или иной степени общинников, обязанных своим господам рентой продуктами, и 3) свободных общинников, не знающих над собой непосредственной власти феодала. Если челядь как основной контингент эксплуатируемой в барской вотчине рабочей силы имела тенденцию к постепенному исчезновению, то эксплуатация непосредственного производителя, сидящего в деревне на своем (хотя уже и не собственном) участке земли, в той или иной форме интенсивно развивалась.

Главный интерес феодалов на данном этапе развития феодальных отношений сосредоточен теперь на массовом деревенском населении — крестьянстве, и понятно, почему Вислицкий статут, одной рукой отменяя закон, ставший уже анахронизмом, другой — подчеркивает новый, ставящий целью укрепление за феодалом новых пластов крестьянства.

«Частокрот бывают села пусты панов, — читаем в том же статуте, — коли селяне идут прочь от своих панов без вины (в латинском тексте *nulla... legitima causa ad hoc persvadente...*). Мы (с) своею радю уставляем, иж...² сосед посполито (*insiniul*) не может пойти из одного села до другого, одно один, а любо два, а то с волю панскою, вынявши у некоторых члонках (т.е. за некоторыми исключениями. — Б.Г.): коли пан своему селянину дочку ему усилует, а любо жону; а любо именье силоу берет, а любо, коли будет пан у клятве черес год...³ ать три, а любо четыре, но вси могут пойти прочь, где кому любо»⁴.

Едва ли есть основания сомневаться в том, что в XI—XII вв. и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, наследо-

¹ *Milosca... quern W. abbas... convictum, in eodem loco reposuit* (1222). *Codex diplomatics Poloniae, I. Homines, quosdam iudicio vincitos in antiquum reduxit servitium* (1218). Там же, т. II. Примеры взяты у R. Hube. *Pravo Polskie w wieku XIII*, с. 43, Warszawa, 1874.

² Многоточия обозначают пропуски в изданном в Актах Западной России (т. I, № 2) тексте.

³ Акты Западной России, т. I, № 2, с. 12.

⁴ *Volumina legum*, т. I, с. 11.

вал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей. Едва ли также и судьба русского крестьянина чем-либо существенным отличалась от судьбы украинского или белорусского в период господства феодальных отношений в России, Польше и Литве. Не случайно Вислицкий статут одновременно для Польши и Украины (Галицкая земля) делает основную ставку на оброчную деревню, отменяя в то же время закон о мертвой руке как польской, так и русской; мне кажется, мы можем выйти за пределы тех источников, которые трактуют непосредственно о смерде, называя его по имени. Мы имеем основание сопоставлять смердов с сиротами. Сироты, по-видимому, те же смерды, только живущие в Северо-восточной Руси, хотя нужно сознаться, что терминология здесь не совсем выдержана. Здесь, на северо-востоке, термин «смерд» почти неизвестен. Только новгородцы называют по-своему сельское население Суздальщины смердами. Термин «сирота» здесь, напротив, весьма распространен, официально он дожил до XV в., а в частном быту им пользовались крестьяне, именуя себя сиротами и в XVI, и в XVII в. Сирот мы видим, так же, как и смердов, и свободными, и зависимыми.

О зависимых сиротах говорит, между прочим, Новгородский архиепископ Илия (XII в.) в своем поучении: «А сирота не мозите великой эпитемы давати. Пишеть бо в заповедях: «Суцим под игом работным наполю даяти заповеди». Да не мозите отягчати заповедью, ать вси каются. Иго бо легко есть»¹, т.е. архиепископ запрещает на сирот, как на людей, находящихся под «игом работным», стало быть, вынужденных к подневольному труду и не располагающих полной свободой действий, накладывать большие эпитемии, для них невыполнимые именно вследствие их подневольности. Факт освоения свободных сирот мы имеем и в проповеди Серапиона, епископа Владимирского XIII в., когда он говорит о людях, «именя не насыщающихся», поработающих и продающих свободных сирот².

Нужно сказать, что оба термина начали проникать далеко за пределы своей родины, и мы можем их употребление, хотя и в ограниченных случаях, встретить и в Новгороде, и в Суздальщине.

Наконец, мы можем расширить круг наших источников привлечением текстов памятников, прямо не говорящих о смердах,

¹ РИБ, т. VI, с. 356—357.

² Е. Петухов. Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего.

но, несомненно, их подразумевающих. Например, в завещании галицкого князя Владимира Васильковича 1287 г. написано: «...дал есмь ей (жене) село свое Городел и с мытом, а людье како то на мя страдали, тако и на княгиню мою по моем животе; аже будет князю город рубити, и ни к городу, а побором и татаршиного ко князю»¹. Последнее дополнительное распоряжение говорит о том, что люди, здесь упоминаемые, не рабы, а крепостные смерды или сироты. Они «страдают», т.е. работают на господина, и в то же время тянут тягло.

Едва ли мы будем очень неосторожны, если вспомним здесь древнейшее сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 947 г. княгиня Ольга по Мете и Луге устанавливала «погосты и дани», «оброки и дани». Несомненно, что в погостах и тогда жили смерды, и кн. Ольга, наученная горьким опытом своего супруга, сочла за благо упорядочить взимание этих даней и оброков. Эта «реформа» была рассчитана на упорядочение эксплуатации смердов прежде всего и, конечно, не только смердов. Не будет большой натяжкой, если мы скажем, что здесь можно подразумевать и некоторую организационную работу по устройению княжеских домов. Об этом подробнее речь идет в другом месте.

Если в нашем распоряжении имеется достаточно оснований видеть в наших источниках две категории смердов, из коих одна — это смерды, находящиеся в непосредственной зависимости от своих господ-феодалов, то нужно сознаться, что у нас слишком мало данных для того, чтобы точно судить о характере этой зависимости.

Нам хорошо известно, что феодальное общество характеризуется, прежде всего, наличием крупного землевладения и зависимого от землевладельцев крестьянства. Качество этой зависимости может быть, и в действительности бывает, как нам тоже известно, самым разнообразным.

В какой зависимости находились рядовичи (закупы), мы уже видели. «Правда Русская» дает нам материал для суждения об этом. Но о характере зависимости смердов мы знаем значительно меньше, да и то, о чем говорят наши источники, может иметь, как мы могли убедиться, различные толкования.

¹ СГГид, № 4—5. Ипатьевская летопись, с. 595, 1871.

Пахота в Древней Руси. Миниатюра из Лицевого свода

Теоретически рассуждая и исходя из положения, что рабство предшествует крепостничеству, более чем вероятно, что рабовладелец, стремясь подчинить себе крестьянина, был мало склонен проводить какую-либо большую разницу в степени своей власти над рабом и крепостным, считая и того и другого своими людьми. Но наличие крестьянской общины, этого оплота крестьянской независимости, во всяком случае, должно было сыграть весьма определенную роль по отношению к массе свободных смердов, задерживая темпы процесса феодализации, с одной стороны, и с другой — смягчая формы крестьянской зависимости. Как конкретно протекал этот процесс в ранней своей стадии в обществе, занявшем территорию Восточной Европы, мы, к сожалению, ничего не можем сказать точно. Во всяком случае, приведенные уже выше факты говорят о том, что и этот свободный смерд путем

внеэкономического и экономического принуждения стал попадать в зависимость от феодалов, что он боролся против надвигающегося на него феодализма путем коллективных восстаний, в летописи по вполне понятным причинам не нашедших себе полного отражения, что он протестовал, также и в форме индивидуальных действий, и прежде всего путем побега. Мы могли видеть случаи бегства смердов, отмеченные Новгородской летописью в начале XIII в., видели также меры, принимаемые новгородской властью для борьбы с бегством смердов, холопов, должников, преступников и др., правда уже в 1440 г. Хотя у нас и нет никаких оснований думать, что эти меры были выработаны только в это время, хотя неизбежно предположить, что эти меры подразумеваются уже в древнейших из дошедших до нас договорах Новгорода с князьями, тем не менее, это не прямые, а лишь косвенные доказательства.

Аналогия с положением польского зависимого крестьянина, которого господин в XIII в. мог не только возвратить из бегов, но и сильно наказать за это¹, тоже не доказательство. Древнейшая «Правда», равно как и «Правда» Ярославичей и «Пространная Правда», ясно говорит только о бегстве челядина. «Правды» знают смердов двух основных категорий, зависимых и свободных, и, говоря о смердах, часто имеют в виду свободного смерда. В «Правдах» точных данных о бегстве смердов не имеется.

«Устав» Владимира Мономаха, помещенный в «Пространной Правде», знает бегство закупа, но ни одна из «Правд» не говорит ясно о бегстве смерда. Это отсутствие ясного упоминания о беглом смерде может на первый взгляд дать повод к заключению о свободе смердов вообще, но это заключение решительно будет противоречить тому, что мы знаем о зависимом смерде из всех наших источников. Ведь в «Пространной Правде» имеется статья: «А в холопе и в робе виры нету...» (ст. 89 Троицк. IV сп.), а о том, что в зависимом смерде тоже нет виры, в «Правде» нет ни звука. А между тем это так: за смерда, за холопа, за рядовича, кормильца, кормилицу, сельского и ратайного старост, т.е. за весь рабочий состав княжого двора, изображаемого в «Правде» Ярославичей, взыскивается не вира, а вознаграждение за истребление собственности, в данном случае собственности князя. Так понимает статью

¹ Potestatem conferimus abbati homines suos ascripticios a se fugientes, ubicunque locorum eos deprehenderit, capiendi, incarcerandi et in servicium perpetuum redigendi. Codex diplomaticus Majoris Poloniae. Цитирую по R. Hube. Prawo Polskie w XIII w. Warszawa, с. 43, 1874. Там же см. и другие примеры более раннего времени.

24—27 «Правды» Ярославичей и Владимирский-Буданов¹, с которым нельзя не согласиться. Ст. 66 «Пространной Правды» говорит о том, что к послушеству нельзя привлекать холопа, закупа можно только в крайнем случае. А зависимого смерда? Опять молчание. Если молчание повторяется слишком часто, то это что-нибудь да значит. Почему «Псковская Судная грамота» ни разу не говорит ни о смерде, ни о холопе, между тем как существование в это время и смердов, и холопов нам очень хорошо известно? О «Псковской Судной грамоте» у меня идет речь специально в другом месте. Сейчас относительно молчания «Правды Русской» мы можем лишь сказать, что это загадка, одно из решений которой в смысле свободы всех смердов или, точнее, в смысле отсутствия в это время, т.е. в XI—XII вв., зависимых смердов, — исключается.

Подобное предположение, которое кто-либо захотел бы вывести из молчания одного из основных наших источников, не раз вводило в заблуждение наших исследователей, и прежде всего исследователей «Псковской Судной грамоты». Молчание «Правды Русской» о бегстве смердов, факты чего мы знаем из других источников, быть может, объясняется тем, что в XI—XII вв. количество крепостных смердов было еще невелико, что зависимость смердов носила разнообразный характер. Но что одна из форм зависимости смерда вполне соответствует западноевропейскому серважу, у нас нет сомнений. Наконец, мне кажется, в «Правде Русской» имеется статья, в которой естественнее всего как будто можно понимать бегство всякого зависимого человека вообще за исключением холопа. Это ст. 120 Троицкого IV списка. Предыдущая статья говорит о беглом холопе. «Оже холоп бегая добудет товару, то господину холоп и долги, господину же и товар». Следующая ст. 120, начинающаяся с красной киноварной буквы, что подчеркивает новую, отличную от предыдущего текста мысль, говорит: «Аще кто бежа, а поемля суседнее или товар, то господину платити за нь урок, что будет взят».

Хочу обратить внимание на употребление этого словосочетания во всем этом отделе «Правды», имеющем обычно заголовок «О холопстве»:

112. Оже холоп бежит...

113. Аще кто переймет холопа...

114. А кто сам своего холопа досочитя...

115. Аже кто не ведая чюжь холоп устрящет...

116. Оже где холоп вылжет куны...

117. Оже кто пустит холопа в торг...

118. Оже кто купит чюж холоп...

119. Оже холоп бегая добудет товару...

120. Аще кто бежа...

121. Оже холоп крадет кого любо...

Шесть раз упоминается здесь «кто» и всегда не в смысле холопа. Четыре раза говорится прямо о холопе. Очень похоже на то, что и в ст. 120 «кто» не холоп. Однако у него есть господин. Под этим «кто» может вполне скрываться и зависимый смерд¹.

Нужно также отметить, что в «Правдах» имеется в виду три случая пропажи холопа: кража холопа, бегство его после нанесения побоев свободному человеку, т.е. укрывание от наказания, и просто бегство от своего господина. Закупа, очевидно, никто не воровал, укрываться от наказания, вероятно, и он был способен, хотя закон об этом молчит: бегство закупа от господина закон знает. Смерда как смерда воровать немислимо: если его забирали в плен, он отрывался от всех своих условий производства, превращался в живой товар и приравнивался к рабу. Бежать смерд, конечно, мог и фактически бегал, как мы это и видели, но «Правды» об этом ясно не говорят ничего.

Все эти соображения я счел необходимым привести здесь с тем, чтобы мобилизовать все наши ресурсы для решения проблемы о характере и степени зависимости смерда в этот период созревания феодальных отношений в Киевском государстве. Не наша вина, если вопрос приходится решать только наполовину, если мы сейчас не можем ответить на все вопросы, поставленные перед нами в связи с проблемой положения смердов в древнейший период истории нашего общества. Но если мы не можем ответить на этот вопрос полностью, то, во всяком случае, для нас ясно видно, что смерд и в Киевском государстве переживал в основном те же этапы в своем историческом развитии, что и крестьянин любой феодализирующейся страны.

Гораздо яснее вопрос о том, кто являлся в Киевском государстве главной производительной силой. Это, несомненно, все те же смерды. Они главные поставщики даней и ренты. Никак иначе

¹ М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, с. 26, прим. 6, 1908.

¹ В сокращенном списке «Правды» ст. ст. 120—121 слиты в одну, в которую автор сокращения влил свое собственное толкование текстов.

нельзя понять хотя бы следующие тексты наших летописей: в 1169 г. новгородцы, ходившие в Суздальскую землю войной, взяли много дани, потом снова вернулись и снова «взяша всю дань и на суздальских смердех другую»¹. В 1193 г. югра обращалась к наступавшим на них новгородцам с лукавой покорностью: «Копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани»².

Совершенно ясно, что пушнина, как и другие «узорочья», поступала к князьям и их дружинникам от этих самых смердов, платящих со своих дымов и плугов чаще всего белками, куницами, соболями и другими ценными мехами, превращавшимися в руках князей и дружины в товар. Как мы видели выше, платили они свои дани и деньгами.

Дань, и очень часто именно пушниной, и была основной формой эксплуатации смердов. Эта дань перерождалась в отработочную и натуральную земельную ренту в связи с процессом освоения земли различного типа феодалами и вместе с превращением смерда в зависимого, полукрепостного или крепостного. Свободный смерд, попадавший под непосредственную власть феодала, мог, конечно, привлекаться и ко всевозможным работам на боярском дворе и для этого двора и в то же время не совсем освобождался и от даней, постепенно превращавшихся в ренту продуктами. Наконец, обе формы ренты, и натурой, и отработочная, обычно живут рядом. Таким путем подготовлялся переход к следующему, высшему этапу в истории феодальных отношений.

У нас нет недостатка в сведениях об эксплуатации смердов, об их пауперизации и причинах, заставлявших часть их переходить на еще более низкую ступень социальной лестницы и искать помощи у богатых землевладельцев. Владимир Мономах ставит себе в заслугу, что он «худого смерда и убогие вдовицы не дал сильным обидети». Из поучения епископа Серапиона узнаем, что действительно было от чего их защищать: сильные люди «имения не насыщаются, но и свободные сироты (это и есть смерды) поработают и продают»³. Мы видели, что значит продавать. Продажа в рабство

¹ Новгородская летопись, с. 149. 1888 г.

² Там же, с. 167.

³ «И ничтоже несть известно в человецех, но вся суть стропотна суги иному землю изхвати, а ин имение отъят, и того село слышавше, а дом иного ныне есть. Друзии же имения не насыщаются и свободные сироты поработают и продают, инии крадут и разбивают, а имения хоцют собрати... богатство нам дал есть бог, да от него неимушим подадим и убогим, мы же обидим еще сирот и вдовам насилуем

здесь решительно исключается. Митрополит Климент в послании к пресвитеру Фоме тоже говорит о ненасытных богачах, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Сябры — это свободные крестьяне, разновидность смердов. Епископ Тверской XIII в. (умер в 1289 г.) в одной из проповедей говорит: «Но глаголю вам, царем и князем и наместником: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть и притекают к вам яко защитником благим; но вы, цари и князи и наместници, подобии есте тучи дождевней, иже истечает над морем во время ведра, а не над землю, жаждущею воды: вы тем более даете и помогаете, у них же много злата и серебра, а не тем иже не имуть ни пенязя: бедных поработаете, а богатым даете». Об этом епископе летописец говорит: «Князя не стыдящеся пряся, ни вельмож... нищая же и сироты жаловаше».

Перед нами раскрывается процесс освоения различными типами владельцев земли с населяющими ее смердами — обычный процесс феодализации, характерный для всех стран, переживавших феодализм.

При этих условиях два основных типа смердов — еще не освоенные феодалами и уже попавшие к ним в непосредственную зависимость — есть факт столь же обычный, как и неизбежный. В одних феодальных странах в разные периоды их истории оставалось больше неосвоенных феодалами крестьян, в других меньше, но оба типа крестьян очень хорошо известны всем этим странам. В России значительная часть крестьян (почти весь север) оставалась незнакомой с непосредственной властью феодалов даже до 19 февраля 1861 г.

Изгои

Едва ли я ошибусь, если скажу, что у современного читателя при слове «изгой» невольно вызывается в памяти знаменитый текст, где фигурируют — не знающий грамоты попов сын, обанкротившийся купец, выкупившийся холоп и, в конечном счете, осиротевший князь. Обычность этих ассоциаций говорит, несомненно, о популярности приведенного текста, но и после ссылки

и убогих отнимаем». Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего // «Правосл. собес.», 1858, кн. 2, с. 481—483. Петухов считает это Слово произведением русским домонгольского периода, но отказывается считать автором его Серапиона (Е. Петухов. Серапион Владимирский, с. 12. СПб., 1888).

на этот текст вопрос остается нерешенным, потому что он гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда.

В ст. 1 древнейшей «Правды Русской» в числе общественных состояний, имеющих право на 40-гривенную виру, значится и изгой («Аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь»). Обычно наши исследователи не обращают внимания на то, что источники говорят об изгоях двух категорий, городских и деревенских; исследователи мало также отмечают и ту эволюцию, которая происходит с изгоем на протяжении времени, освещаемого памятниками, знающими этот термин. А между тем, совершенно очевидно, что между изгоем, имеющим право на 40-гривенную виру (а по древнейшей «Правде» другой виры вообще и не было), и между теми изгоями, которых князь Ростислав в 1150 г. передавал вместе с селом Дросенским Смоленскому епископу или которых, по сообщению митрополита Климента, ловят в свои сети ненасытные богачи, наконец, теми изгоями, которых церковный «Устав» Всеволода начала XII в. зачисляет в состав людей церковных богадельных, разница очень заметная¹.

Уже в свое время Калачев высказал интересную мысль, отчасти поддержанную Мрочком-Дроздовским, что «начало изгойства коренится в родовом быте». Несмотря на то, что Мрочек-Дроздовский не во всем, на мой взгляд, удачно разрешает задачу, у него имеются очень интересные и вполне приемлемые замечания. «Как явление историческое, — пишет он, — изгойство жило и развивалось при наличности известных условий быта, и поскольку менялись эти условия, постольку менялось и положение изгоя в древнем обществе». «Для определения положения изгоя в обществе, — продолжает он дальше, — надобно знать, при каких условиях и в какой форме общежития жило самое общество. Это необходимо вследствие того, что народ на различных ступенях своего развития живет в данное время в различных общественных союзах, строй которых соответствует именно данной эпохе народной жизни. Первичной формой общежития является род... впоследствии в силу различных причин родовая замкнутость исчезает, и на место рода... является община земская, обоснованная... поземель-

¹ Устав кн. Всеволода. М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, с. 209. 1908.

ною связью»¹. Но Мрочек-Дроздовский, автор цитированных рассуждений, не вполне воспользовался этими соображениями при решении задачи в целом. В итоге своего исследования об изгоях он приходит к соловьевскому определению изгойства («изгоем был вообще человек, почему-либо не могущий остаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому»), хотя и считает, что этого определения недостаточно, так как в нем не принята «в соображение среда, вытолкнувшая из себя изгоя, ни права изгоя, различные при различных состояниях общежития»², между тем как, по его же собственному признанию, только это условие исследования может быть плодотворным.

Есть еще любопытные мысли у Мрочек-Дроздовского: «Добровольные выходы из родовых союзов возможны лишь при условии надежды найти какую-нибудь пристань вне рода, хотя бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцем Ноем из ковчега... Надежда на такой уголок уже указывает на начало разложения замкнутых родовых союзов, на начало конца родового быта... самое стремление родича вон из рода есть также не что иное, как то же начало конца».

Наши источники ничего не говорят об изгойстве в связи с распадом родовых отношений. Догадки Мрочек-Дроздовского основаны не на документальных фактах, а на теоретических предположениях. Тем не менее, отказать им в вероятности нельзя.

Если ограничиваться областью фактов, то мы должны обратить внимание, прежде всего, на факт характера филологического. Слово «изгой» состоит из приставки и корня, обозначающего и сейчас в живых украинском и белорусском языках понятие «жить». Изгой — человек выжитый или вышедший из обычного своего состояния.

Но на этом определении оставаться во все время существования изгойства нельзя. Термин этот жил вместе с изгоем и наполнялся новым содержанием. В конце концов, он перестал обозначать то, что обозначал раньше. М.А. Дьяконов едва ли не близок был к правильному решению вопроса, когда высказывал смелую мысль о том, что изгой, ведя свое филологическое происхождение от слова «гоить» — жить, стал обозначать человека, не имеющего

¹ Мрочек-Дроздовский. Исследование о «Русской Правде», прил. к 2 вып., с. 44, 47. Но там же мы можем прочесть и такую фразу: «Родовой быт скользнул по изгойству, как по зеркалу», с. 48.

² Мрочек-Дроздовский. Указ, соч., с. 75.

«жизни», «животов», т.е. человека неимущего, так как, по понятиям древности, «жить» — значило иметь средства к существованию. В 1150 г., например, кн. Изяслав говорит своей дружине: «Вы есте по мне из русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився»¹.

Отсюда необходимость искать пристанища у землевладельцев, могущих предоставить ему эти средства жизни на известных, конечно, условиях.

Близок к Дьяконову и Сергеевич, считающий изгоями «людей, находящихся в бедственном положении» и указывающий на то, что «отдельных видов таких людей может быть очень много» (из них Всеволодов Устав перечисляет только три вида). Далее Сергеевич готов применять этот термин «вообще для обозначения низшего разряда людей»². Но и Дьяконов, и Сергеевич говорят об изгоях деревенских.

Может быть, если термин «изгой» действительно возник в родовом обществе, чужеродные элементы принимались в родовые замкнутые группы, но явление это стало особенно развиваться в процессе распада родовых союзов и в «Правду Русскую» попало, несомненно, тогда, когда род уже был известен только в отдельных пережитках. Изгой, по-видимому, и упомянут в «Правде Русской» в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще как будто считается полноправным членом нового, по-видимому, городского общества, в некотором отношении стоит в одном ряду с дружинником, купцом и даже с русином, возможно, представителем правящей варяго-славянской верхушки общества. Нет ничего невероятного также и в том, что это равноправие такого же происхождения и так же относительно, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не «про дело», т.е. что это есть компромиссная мера в целях успокоения общественного движения, в данном случае имевшего место в Новгороде в 1015 г., после чего и, может быть, в значительной степени вследствие чего и приписано настоящее прибавление к первой статье древнейшего текста «Закона Русского». Если это так, что весьма вероятно, то равноправие изгоев в начале XI в. было уже для них потеряно, но не совсем забыто и,

¹ М.А. Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя Др. Руси, с. 122, 1910.

² Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, с. 273, 1902.

может быть, служило неписанным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г.

Но изгоев мы встречаем не только в городе, а гораздо чаще именно в деревне, и нет ничего невероятного в том, что городские изгои в своем положении отличались от деревенских, что первые были свободны, и древнейшая «Правда» в ст. 1 говорит именно о них.

Если нет ничего невероятного в том, что изгои могли появиться в период разложения родового строя, то вполне очевидно, что они продолжали существовать и позднее; выходец из соседской общины, принятый в другую, мог сохранять за собой старое наименование изгоя.

Если искать аналогий для этого очень неясного явления древнерусской жизни, то мне кажется допустимым сравнение деревенского изгойства этой древнейшей поры с *migrans* «Салической Правды».

В тит. XLV «De migrantibus» мы имеем следующее положение: «Если кто захочет вселиться в виллу к другому и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдет-ся хоть один, который воспротивится вселению, он не будет иметь права там поселиться», но «если же вселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи».

Перед нами германская древняя община, которая имеет право принимать и не принимать к себе чужого. Будучи принят, этот чужак является полноправным членом общины. Может быть, изгой древнейшей поры и представлял собой общественную фигуру, несколько напоминавшую этого переселенца, но это было очень давно. В XI—XII вв. изгой уже ничего общего с *migrans* не имеет.

Необходимо иметь в виду, что перечень групп, среди которых в «Правде Русской» обретается изгой, представлял собой уже тогда, когда он составлялся, далеко не одинаковые по своей социальной значимости общественные элементы, и прежде всего это замечание относится к изгоям. Во всяком случае, в деревне начало XII в. уже застаёт их в совершенно ином общественном положении. Здесь они находятся в числе людей церковных, богадельных, стоящих на самой последней ступени иерархической лестницы после вдовицы, пущенника и задушного человека.

С попыткой Преснякова восстановить первоначальный текст этого места Устава нельзя не согласиться¹. Тогда этот текст примет следующий вид: «А се церковные люди: игумен, игуменья (следует перечень), слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгойской»². В этот первоначальный текст сделана вставка неизвестного глосатора: «Изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает», к которой, по справедливому мнению Преснякова, приросло «лирическое» восклицание какого-то князя: «А се четвертое изгойство, и сего приложим: аще князь осиротеет!» Это не столько лирическое, сколько ироническое восклицание, действительно, нельзя принимать всерьез, так как едва ли осиротевший князь мог попасть в число богатейших, находящихся под церковной юрисдикцией людей.

Но и эта принадлежность к церковным людям не решает вопроса об экономической сущности изгойства, так как среди церковных людей имеются, как мы видим, и игумен, и игуменья, т.е. люди, возглавляющие монастыри, принадлежащие в большинстве случаев к верхним слоям общества. Наконец, как оказывается, изгои не обязательно люди церковные. В Церковном уставе перечислены подсудные церкви люди, в числе их, действительно, имеются и изгои.

Но мы гораздо чаще встречаем изгоев в княжеских имениях. Кн. Ростислав Мстиславович дает Смоленской епископии «село Дросенское со изгои и с землею и село Ясенское и с бортником и с землею и с изгои»³. Едва ли церковными людьми можно считать и тех изгоев, которые населяли некоторые части Новгорода и были обязаны по разверстке с другими горожанами мостить новгородские мостовые. Псковская летопись упоминает княжеское село Изгои под 1341 г. Наконец, упоминание изгоев и изгойства мы имеем в нравоучительной духовной литературе, из которой решительно не видно, что речь идет только о людях церковных, скорее можно предположить обращение церкви по этому предмету именно к мирянам. В «Наставлении» духовника кающемся имеется перечень грехов в их восходящей степени. В числе грехов упоминается неправедное обогащение, и резоимство поставлено на первое место. Этот грех считается большим, чем кража. Но выше и этого греха

¹ А.Е. Пресняков. Княжое право, с. 48.

² Термин «изгойской» имеется в одном из вариантов Устава.

³ М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, с. 245—246.

считается взимание изгойства. «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупующихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавшие равно себе созданного рукою Божеею человека, ниже насытившиеся ценою уреченною».

Изгойство по отношению к «цене уреченной» есть то же, что проценты по отношению к «истому» (занятой сумме). Брать цену раба при его выкупе позволяет, но брать сверх этой цены (это, собственно, и считается изгойством) — большой грех. В этом же «Наставлении» имеется еще одна важная подробность. Церковь борется с теми, кто склонен брать изгойство и с детей выкупившихся холопов, рожденных после их освобождения¹. Пресняков справедливо склонен здесь видеть старый пережиток, когда либертин продолжал оставаться под некоторой властью своего господина².

В памятниках нравоучительной церковной литературы подчеркивается происхождение изгойства из холопства и тем самым подтверждается факт, отмеченный и Уставом кн. Всеволода («холоп из холопства выкупится»). Если церковь говорит больше всего об изгоях этого происхождения, то едва ли будет несправедливо вывести отсюда заключение о главной массе изгоев, вышедшей из холопства. Стало быть, это, главным образом, вольноотпущенники, бывшие рабы, посаженные на господскую землю, крепостные.

Здесь ясно отмечается момент изживания рабства. Поскольку церковь раньше других землевладельцев сочла для себя выгодным отказаться от рабского труда и перейти к более прогрессивным формам эксплуатации, неудивительно, что именно в церкви оказалось много вакантных мест для вольноотпущенников-изгоев. От церкви, впрочем, в этом отношении мало отставали и другие категории землевладельцев.

Митрополит Киевский Климент Смолятич (1147—1154 гг.) тоже говорит об изгоях, подчеркивая их экономическое значение в развитии крупного землевладения. Он осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Наконец, можно отнести частично к изгоям и правило Устава кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовных» людях

¹ РИБ, т. VI, с. 842. Чтения Моск. общ. ист. и древн. рос., 1912 г., кн. III; С.И. Смирнов. Материалы для ист. древн. русск. покаян. дисциплины, с. 50.

² А.Е. Пресняков. Княжое право, с. 275.

(т.е. людях, принадлежащих архиерейским домам) и церковных, и монастырских. Их судит церковная власть. «Княжи волостели» в этот суд не вступают, и «безатщина их епископу идет», т.е. их имущество при отсутствии прямых наследников переходит к епископу точно так же, как имущество княжого смерда в аналогичном случае переходит к князю.

Из всего, что нам известно об изгоях, можно сделать следующее заключение: 1) о городских изгоях мы почти ничего не знаем; 2) деревенские живут в селах церковных, княжеских, боярских; 3) состав изгойства сложен; очевидно, много путей вело в это состояние, из которых наиболее проторенным в данный отрезок времени нужно считать путь, ведущий в изгойство из холопства через отпуск-выкуп; 4) количество изгоев у землевладельца, между прочим, характеризует его богатство; 5) изгои подлежат суду своих землевладельцев; б) к ним же, весьма возможно, переходит и имущество изгоев при отсутствии наследников. О хозяйственном использовании изгоев можно догадаться без особого труда. Это чаще всего земледельцы, работающие, очевидно, не только на себя, а прежде всего на своих хозяев, т.е. это категория людей феодально-зависимых.

Итак, наши очень скудные и сбивчивые источники позволяют отметить довольно большой путь, пройденный изгоями от неизвестного нам момента их возникновения до XIII в. (позднее этот термин уже не встречается).

К XII в. положение, по крайней мере, деревенского изгоя, несомненно, более или менее определилось, и мы видим изгоя уже в вотчине крупного землевладельца в качестве крепостного, передаваемого в другие руки вместе с землей; в новом своем положении он начал смешиваться с массой других зависимых от феодалов элементов и потерял вместе со своим общественным лицом и свое особое наименование. Изгои эволюционируют подобно тем «сиротам», которые в процессе феодализации все больше и чаще превращались в зависимых и даже крепостных. Настаивать на очень большой близости зависимых сирот, смердов и изгоев, конечно, невозможно, но, несомненно, их объединяет некоторая общность положения: и сироты, и зависимые смерды, и изгои XII в. — люди, если не всегда крепостные в обычном для нас узком понимании этого термина (*Leibeigene*), то, во всяком случае, находящиеся в достаточно крепкой зависимости от своего землевладельца-фео-

дала, люди, которых мы можем смело относить к категории лично зависимых.

В заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта категория зависимого населения Киевского государства меньше всех других поддается изучению. Здесь поневоле приходится ограничиваться главным образом предположениями.

Среди зависимого от церковных учреждений населения наши источники называют еще несколько категорий: пущенник, задушный человек, прощенник. Последние имеются не только в церковных вотчинах, но и в княжеских¹. Стало быть, и в боярских, так как у нас нет никаких оснований предполагать какое-либо принципиальное различие между вотчинами княжескими и боярскими.

Кто они, эти люди?

Задушный человек — это, по-видимому, холоп, отпущенный на волю по духовному завещанию и данный в монастырь в качестве вклада с расчетом на молитвы братии «по душе» умершего вкладчика. Не подлежит сомнению, что задушный человек при этом переставал быть холопом и делался крепостным, крепким монастырю человеком.

Что касается пущенников, то нетрудно догадаться, что это люди, отпущенные из холопства и тоже ставшие крепостными церковных учреждений (поскольку все они считались людьми «церковными»).

Наших ученых давно уже занимает вопрос о соотношении этих пущенников с прощенниками. В церковном Уставе Владимира термин «прощенник», правда, встречающийся далеко не во всех вариантах этого Устава и, по-видимому, попавший сюда позднее², соответствует термину «пущенник» в Уставе Всеволода (1125—1136), тоже дошедшем до нас не в первоначальном своем виде. Если опираться на эту замену одного термина другим, весьма вероятно, однозначным, тогда придется трактовать их рядом.

Принимая во внимание, что и прощенники, и пущенники в названных документах считаются людьми церковными, можно было бы понимать происхождение этой категории зависимых от церкви

¹ Уставная грамота Смоленского кн. Ростислава Смоленской епископии 1150 г. «А се даю святей Богородици и епископу прощенники с медом и с кунами и с вирую и с продажами, и ни надобе их судити никакому же человеку». М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. 1, с. 219, 1908.

² С.В. Юшков. Исследования по истории русского права, вып. 1, с. 103. Автор полагает, что в Устав Владимира прощенники первоначально не входили совсем.

людей в том смысле, что это люди, которым «прощены» или «отпущены» их грехи. Такая терминология сохранилась в церковной практике и позднее.

В Соловецком монастыре, например, жила и работали на монастырь и в XX в. не только люди, давшие обет во время болезни на случай выздоровления, но и дети выздоровевших при таких же обстоятельствах родителей. В старину такие случаи могли быть еще более частыми.

Герберштейн тоже так объясняет этот термин: «Владимир подчинил власти церковной... и тех, кто получил чудесное исцеление от какого-либо святого». Характерна в этом отношении и прибавка в других текстах к термину «прощенник» слова «божий» («прощенники божи»)¹.

Если бы прощенники-пущенники были только людьми церковными, то вопрос разрешался бы довольно просто. Но дело в том, что мы имеем «прощенников» и в княжеской вотчине. Смоленский кн. Ростислав передает их Смоленской епископии. И это последнее обстоятельство осложняет решение задачи.

С.В. Бахрушин предлагает понимать прощенников-пущенников так же, как понимал их и Ключевский. Он называет их «людьми, либо совершившими преступление, либо неоплатными должниками, которые избавлялись от взыскания под условием пожизненной работы (иногда даже потомственной) на землях церкви»². Может быть, С.В. Бахрушин и прав, но тогда непонятным делается, почему же эти люди считаются «церковными»: ведь попадать в неоплатные должники можно было гораздо чаще к светским вотчинникам, особенно если принять во внимание, что церковных учреждений тогда было не так много.

«Правда Русская» говорит нам о том, как поступали в таких случаях (вдачи, отчасти закупы). Непонятным делается и прощение совершенного преступления, так как подобные случаи тоже могли происходить не только в монастырях и церковных учреждениях, а главное, что отказ потерпевшей стороны от иска едва ли снимал с преступника ответственность за преступление, а по мнению В.О. Ключевского — вовсе не снимал ее³.

¹ А.Е. Пресняков. Лекции по русской истории, с. 120.

² С.В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси // «Историк-марксист», II, с. 66, 1937.

³ В.О. Ключевский. Опыты и исследования, т. I, с. 320, 1919.

Пример прощенников, который приводит С.В. Бахрушин, ссылаясь при этом на Ключевского, мне кажется, не совсем убедителен, потому что в рассказе Поликарпа об иноке Григории нет «прощения», а скорее есть именно наказание. Один раз Григорий выкупил воров от государственного судьи: «Властелин градский нача мучити их» (воров. — Б.Г.), и выкупленные воры сами «вдаша себе Печерскому манастыреви»; в другой раз тот же Григорий пойманных воров наказал сам, не доводя дела до суда, «осуди я в работу Печерскому манастыреви». Воры действительно стали работать на монастырь «и с чады своими». Ключевский тоже не считает этих воров «прощенниками». Он этими примерами хочет лишь показать, «как делались монастырскими слугами и на каких условиях служили монастырю люди, отрывавшиеся от общества или угрожаемые изгнанием из него»¹. Ключевский больше склонен причислять этих «воров» к категории изгоев. «Прощенниками» в грамоте кн. Ростислава Ключевский считает предположительно людей, «доставшихся князю в холопство за преступления или за долги, может быть, приобретенных и каким-либо другим способом и им прощенных, отпущенных на волю без выкупа». «Медовый и денежный оброк они платили, вероятно, за пользование бортными лесами и полевыми участками на княжеской земле, на которой они были поселены еще до освобождения и на которой остались, получив свободу, подобно тому, как в Византии сельские рабы иногда получали личную свободу с обязательством оставаться на пашне в положении прикрепленных к земле крестьян»².

Не скрывая перед собой трудности в разрешении всех деталей вопроса, связанного с расшифровкой понятия «пущенник-прощенник», и не имея возможности сколько-нибудь убедительно истолковать применение этой терминологии к определенной категории церковных и не церковных людей, я хочу подчеркнуть лишь то, что представляется мне несомненным.

Это люди, по тем или иным причинам и мотивам вышедшие из недавнего своего состояния (точно не известно, какого именно: может быть, это бывшие холопы, может быть, и свободные люди) и попавшие в зависимость от своих господ-феодалов (церковных и светских). Это люди, по своему новому положению очень близкие к изгоям. Характерно, что они крепостные, а не рабы, и это по-

¹ Там же, с. 319.

² Там же, с. 321.

следнее обстоятельство еще и еще раз говорит нам об изживании рабства и замене рабского труда трудом более прогрессивным — трудом крепостных.

3. РЕМЕСЛЕННЫЙ И НАЕМНЫЙ ТРУД

Если мы хотим исчерпать все известные нам категории работающего на своих господ населения, не находящегося в рабском или крепостном состоянии, то мы должны указать еще на сравнительно мало распространенное явление найма рабочей силы. Наем рабочей силы мы можем подозревать, прежде всего, в городах, где среди массы ремесленников-рабов, несомненно, имелись и ремесленники, многие из которых были людьми свободными, работавшие на заказ или из найма.

В инвентаре славянских городищ Среднего Поднепровья первое место по численности находок занимают предметы домашнего обихода и сельского хозяйства. Это разнообразные глиняные сосуды (медные котлы и другие сосуды из меди и стекла встречаются редко), затем идут ножи, топоры, ножницы, молотки, долота, косы, серпы, замки, ключи, гвозди, реже — части конской сбруи и другие железные поделки, разнообразные костяные орудия и ручные мельничные жернова из камня; украшения из серебра, меди, цветной смальты, стекла и кости; золотые вещи арабского изделия, гребешки, игрушки и др. Это находки в городищах более раннего времени. Позднее, особенно со времен принятия христианства, сюда проникают предметы византийские.

Из предметов вооружения в древних славянских городищах чаще всего попадают железные, иногда костяные наконечники стрел, железные наконечники копий, дротиков, боевые топоры, железные мечи, кольчуги, железные и бронзовые кистени, луки, колчаны, щиты и в очень редких случаях железные шлемы. Очень важно отметить находки в этих же городищах орудий производства, при помощи которых сделаны некоторые из перечисленных здесь вещей, бронзовые штампы, служившие для изготовления украшений, каменные формочки для отливки металлических предметов.

Разнообразный инвентарь древних памятников свидетельствует о том, что местные обитатели, т.е. прежде всего поляне, хорошо знали различные отрасли производства, — что у них даже в период городищ было свое ремесло.

Очень интересны относящиеся уже к более позднему времени находки в самом Киеве, добытые во время случайных раскопок в городе.

Здесь в 1907—1908 г. удалось вскрыть, по-видимому, дворец княгини Ольги.

Двухэтажное каменное и кирпичное здание. О внешнем убранстве этого дома можно отчасти судить по составу строительного мусора, оставшегося после пожара этого здания. Здесь оказалось множество тонких кирпичных плиток, окрашенных в светло-коричневый цвет, куски карнизов, плит и большие части дверных наличников, выделанные из мрамора, красного шифера и других пород камня.

Внутреннее украшение стен составляли фресковая роспись и мозаика. Потолок, по-видимому, был деревянный, пол вымощен каменными плитками. Стеклопакеты. Здание выстроено раньше Десятинной церкви, т.е. до Владимира. Именно отсюда В.В. Хвойка делает предположение, что раскопанное здание — дворец кн. Ольги.

Невозможность производить в Киеве систематические раскопки, естественно, очень ограничивает наши знания о Киеве IX—XI вв. Но и то, что нам известно, позволяет с уверенностью говорить о том, что в это время Киев был знаком с разнообразными отраслями производства, что он имел многочисленные кадры ремесленников, занимавшихся выделкой различных изделий, часто в высшей степени художественных. Одна из открытых мастерских, например, служила для выделки всевозможных изделий из камня: здесь выдвигались мраморные, шиферные, гранитные и изготовленные из других пород камня карнизы, плиты и т.п., иногда украшенные орнаментом. В другой мастерской изготовлялись превосходные изразцы, покрытые толстым слоем плотной массы в виде эмалевой поливы. Не менее интересными являются остатки мастерских ювелирных изделий и дорогих предметов эмальерного производства. Здесь обнаружены были уцелевшие горны и печи специального устройства, а также каменные формочки, служившие для отливки колтов, колец, браслетов, металлических бус, складных крестов и т.д., штампы для выбивания орнамента на металлических украшениях и множество кусков разноцветной эмали двух видов — легковесной и тяжеловесной.

Вскрыты мастерские стеклянных браслетов, поделок из кости и рога (пуговицы, застежки, рукоятки мечей и ножей, гребешки, шпильки, игрушки и др.).

Что Киев не представлял собой в этом отношении исключения, видно из раскопок древнего города Белгорода, перестроенного и заново укрепленного кн. Владимиром.

Здесь вскрыто было несколько интересных построек, по-видимому, жилищ знатных людей.

Часть одной из таких построек, 7,8х4 метра, состояла из двух комнат и третьей пристроенной. Стены обмазаны толстым слоем глины особого состава. В каждой комнате было по печи, в одной из них — кроме того и очаг. Пристройка с северной стороны. Эмалевые плитки (желтого, коричневого, черного и зеленого цветов) служили украшением отдельных частей внутри комнат.

Из предметов здесь найдены — два ножа, один с костяной ручкой, эмаль и другие украшения.

Изучить все здание не пришлось, так как место, где оно стояло, было перекопано еще в XVI в.

В Белгороде, несомненно, тоже имелось местное производство эмалевых плиток и других предметов, необходимых для домашнего обихода местных жителей¹.

Все эти случайные данные говорят нам о наличии довольно развитого ремесла и опытных ремесленников в городах прежде всего.

Кто были эти ремесленники, нам точно не известно. Есть все же основание полагать, что часть этих ремесленников были свободные люди, своим трудом добывавшие себе средства к жизни. Об этом говорят, хотя и очень скупо, письменные памятники. Древнейшая «Правда Русская» (так называемая «Правда» Ярослава) знает «мзду» лекарю, «Правда» Ярославичей называет плату «от дела» плотникам («мостникам») за ремонт моста². «Закон Судный людем», памятник очень популярный у нас на Руси, упоминает заработную плату портному («шведу») за исполнение заказа. «Аще швец исказит свиту, не умея шити или гневом, да ся биет, а цены лишен»³. Здесь же встречаем труд ратай и, в не совсем ясной трактовке, пастуха: «Иже ратай, не доорав време, и идет прочь, да есть лишен оранья. Также и пастырь, иже пасет стадо». Весьма вероятно, что здесь мы имеем пашню исполу. Ратай, ушедший до срока, лишается своей доли урожая, подобно изорнику «Псков-

¹ В.В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура (по раскопкам), с. 50—94. Киев. 1913.

² «Правда Русская», Акад. сп., ст. 2 и 43.

³ Новгородская I летопись, с. 481. 1888.

ской Судной грамоты». Может быть, и пастух в аналогичном случае лишается части приплода.

Здесь уместно вспомнить и другую аналогичную фигуру, о которой говорит одна из статей «Кормчей», по всей видимости, русского происхождения: «Аще ся даст человек или женщина у тошна времени, дернь ему не надобе. А пойдет прочь, да даст 3 гривны, а служил даром». Та же статья попала в Устав Владимира Всеволодовича¹.

Редкость применения личного найма в Киевской Руси вполне понятна. Мы ведь имеем дело не с обществом наемного труда, а с обществом, где на смену первичной форме эксплуатации человека человеком в форме освоения самого человека (рабство) развивается эксплуатация, основанная на присвоении господствующим классом одного из важнейших условий труда — земли, с вытекающим отсюда крепостничеством. Население Киевской Руси так привыкло к тому, что его эксплуатируют сильные люди внеэкономическим феодальным путем, что не верило в возможность оплаты их труда даже тогда, когда она, несомненно, предполагалась. Очень интересное сообщение по этому предмету приводит С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Дело шло о постройке храма св. Георгия в Киеве. Рабочий народ не шел на работу из опасения, что ему не будут платить за труд. Князь Ярослав спросил тиуна, отчего мало работников у церкви. Тиун ответил: «Дело властельское (т.е. делается по инициативе людей, облеченных властью, феодалов), и боятся людье труд подымше найма лишени будут». Тогда князь приказал возить куны на телегах под своды Золотых ворот и объявить на торгу, чтобы каждый брал за труд по ногате на день, т.е. по 35 коп. серебром на деньги довоенного времени². Эта плата считалась в XI в. выгодной, и киевляне явились на работу в большом количестве³.

Церковь, очевидно, наблюдая эту практику внеэкономического принуждения, нашла даже нужным в своих правилах рекомендовать духовенству воздерживаться от насилия в поисках рабочей силы. В святительском поучении новопоставленному священнику середины XIII в. дается такой совет: «Дом свой с правдою строй,

¹ Там же, с. 487.

² По расчету Аристова. Промышленность Древней Руси, с. 281.

³ С.М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общ. Польза», т. I, с. 246, прим. 4. Иной вариант того же рассказа в применении к св. Софии в Киеве. См. Макарий. История русской церкви, т. I, с. 45.

не томительно; нищих на свою работу без любви не нуди»¹. В постановлении Владимирского собора 1274 г. тоже имеется очень интересная в этом отношении статья: «Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая». Под нищими здесь нужно разумеать людей, способных к труду, но лишенных возможности вести свое хозяйство и вынужденных искать прибежища, между прочим, и у церкви. Характерно, что собор называет применение труда этих людей насильем, очевидно, имея в виду факты наиболее обычные для данного времени.

Нас интересует в данном случае не только юридическая сущность продающего свою рабочую силу, но также условия, при которых мог появляться на рынке этого рода товар. Мы хорошо знаем, что природа не производит ни владельцев денег и товаров, ни владельцев одной только рабочей силы. Это своеобразные общественные отношения, свойственные далеко не всем историческим периодам.

Однако нас не должны смущать факты наличия наемного труда в обществе, производственная база которого, как мы видели, строилась главным образом на труде крепостном и на остатках умирающего рабства. Несомненно, наемный труд — зародыш капиталистических отношений. Спорадические факты, говорящие о нем в глубокой древности, нисколько не колеблют нашего представления о господстве в это время других, не капиталистических общественных отношений. В рассматриваемый здесь период нашего общества наемный труд не имел никаких условий для своего сколько-нибудь заметного развития, и мы отмечаем его лишь постольку, поскольку его знают, хотя и в очень ограниченных дозах, наши источники.

4. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Если мы попытаемся обобщить наши наблюдения над хозяйством и общественными отношениями Киевской Руси, то нам придется отметить следующие основные положения:

1. Наша страна знает земледелие в качестве господствующего занятия населения очень давно, и этот факт самым непосред-

¹ РИБ, VI, с. 105.

ственным образом отразился на истории происхождения в нашем обществе классов и на истории взаимных их отношений.

2. Поскольку земля играла в истории нашей страны с давних пор крупнейшую роль, вопросы о землевладении, его возникновении, организации вотчины, категориях зависимого от вотчинника населения, являются важнейшими вопросами, без изучения которых невозможно понять не только нашу древность, но и весь ход нашей истории до последних дней.

3. Время появления частной собственности на землю точно датировано быть не может. Во всяком случае, в IX в. частная собственность в бассейне Волхова, Днепра несомненна.

4. Для X—XI вв. имеется уже вполне доброкачественный материал, позволяющий нам составить достаточно цельное представление о характере древнерусской вотчины и внутривотчинных отношений.

5. Рабство в хозяйстве в X—XI вв. еще играет значительную роль, но оно очень заметно уступает место более прогрессивному феодальному способу производства (крепостной труд).

Эти положения доказывались в соответствующих главах книги. Мне думается, что если иногда, за отсутствием бесспорных аргументов, приходилось прибегать к гипотезам, то и они, эти гипотезы, построены не произвольно, не на песке и почти всегда вытекают в качестве косвенных выводов из фактов, достаточно проверенных.

Мне хотелось бы здесь отметить еще несколько штрихов в истории рассмотренного нами отрезка времени.

Бросается в глаза факт, что наш летописец сам подчеркивает несколько периодов в своей истории Русской земли («Откуда пошла русская земля»). Он говорит, правда очень сбивчиво и туманно, о родоплеменном строе восточного славянства, затем отмечает период образования Киевского «варварского» государства и, наконец, трактует о его распаде. При этом летописец имеет в виду не только политические события, которыми он совершенно естественно интересуется в первую очередь, но и общественные отношения.

Составитель «Начального свода» писал уже в то время, когда феодальные отношения настолько созрели, что древнейший период, успевший для него стать далеким прошлым, вызывал у летописца сочувственные идеализированные воспоминания.

Вот как автор «Начального свода» говорит об этом прошлом: «Вас молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши, разумна: како быша древний князи и мужие их, и како отбараху Русская земли и ины страны придаху под ся: тии бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружие. А дружина его кормляхуся воююще ины страны и бьющесе и ркуще: «братие! потягнем по своем князе и по Русской земле». (Не жадаху) глаголюще: «мало есть нам, княже, двусот гривен. Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожяху жены их в серебряных и расплодили были землю Руськую».

Вслед за этим летописец обращается уже к своему времени и продолжает: «За наше ненасытство навел Бог на ны поганья; а и скоты наша и села наша и имения за теми суть, а мы своих злых дел не останем. Пишет бо ся: богатство, неправдою собираемо извеется; и паки: собирает, и не весть, кому собирает я, и паки: лучше малое праведнику, паче богатства грешных многа». Отсюда он выводит мораль: «Да отселе, братия моя возлюбленная, останемся от несытства своего, нь довольни будете уроки вашими, яко и Павел пишет: ему же дань, то дань; ему же урок, то урок; никому же насилья творяще...»

Составитель «Начального свода» совершенно четко противопоставляет один более ранний период второму, более позднему, отдавая явное предпочтение первому за то, что князья и их мужи тогда воевали иные страны, богатели за счет этих иных стран, свою же землю не обременяли тяжелыми поборами. Автору «Свода» определенно не нравится новый порядок вещей. Он, несомненно, предпочитает военную добычу и дань с завоеванных народов новым видам феодальной эксплуатации.

Летописные факты говорят о том, что летописец действительно имел основание отделять один период от другого. Первый период, сложения большого государства, характеризуется завоеваниями, непрерывным и систематическим расширением территории за счет соседних племен и народов, облагаемых в итоге завоевания данью. Политические события этого периода главным образом сводятся к большим внешним военным предприятиям и к усмирению восстававших покоренных народов против своих завоевателей.

Общественные отношения этого периода отразились в древнейшей «Правде Русской», где показаны те самые мужи, которые вызывали восхищение у летописца. Но и эти воинственные мужи живут в самой непосредственной связи с крестьянскими мирами, имеют землю, хоромы, челядь. Этот период исполнен силы, блеска и славы. Не только летописец, как мы видели, увлекался воспоминаниями о нем: увлечение это не чуждо было и народным массам, прекрасно умевшим разбираться в том, что добро и что зло.

Второй период еще сложнее. Завоевания закончены. Покорять больше некого. Идет интенсивный процесс внутреннего освоения завоеванного. Если говорить об объекте, на который устремлено главное внимание господствующих классов, то это, прежде всего, крестьянская община. Мысли «мужей» направлены на расширение своего хозяйства. Этот переходный период падает на конец X и начало XI в., когда продолжалось, но значительно интенсивнее, освоение земли и сидящего на ней населения. Этот сдвиг нашел себе отражение в тематике «Правды» Ярославичей, против которой, насколько мы можем судить, не нашел бы возражений и сам Ярослав.

Несомненно, что самое появление «Правды» Ярославичей вызвано потребностью господствующих классов в защите завоеванных ими позиций, и нетрудно видеть в «Правде» Ярославичей, против кого и чего направлено острие этого закона.

Управляющий княжеским доменом (огнищанин), сборщик княжеских доходов (подъездной), заведующий княжескими конюшнями могут быть убиты умышленно, с явным намерением расправиться с ними. Может быть произведено нападение на княжеское имущество, ограблено княжеское имение, убиты его слуги, уничтожен сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, запахана княжеская земля, разрушены приспособления для ловли птиц и пр. Княжеское имение (конечно, и не только княжеское) существует словно во вражеском стане и вынуждено принимать постоянные меры защиты.

Мы знаем также, что, с другой стороны, и крестьянин-общинник не мог быть спокоен: ему непосредственно угрожали «буйные и гордые», «славы хотящие» и «имения ненасыщающиеся» богачи-землевладельцы. Об этом совершенно недвусмысленно говорят наши источники. На наших глазах, так сказать, идет борьба основных двух классов энергично феодализирующегося общества.

На княжеском дворе

В процессе феодализации наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда. Жертвы и итоги этого процесса мы видели. Это — закупы, изгои, рядовичи, сироты, попавшие в непосредственную зависимость от феодалов смерды, нищие, бедные люди, привлекаемые на работу к хозяевам через выдачу им вперед хлеба и денег. Все эти категории зависимого населения выхвачены из рядов свободного крестьянства или рекрутируются из вольноотпущенников.

Совершенно понятно, почему именно на это время, время усиления феодализующего процесса, падают сведения о крестьянских движениях, часто сочетающихся с выступлениями и городских масс.

Рабских восстаний, характерных для античных обществ, мы в Киевском государстве не видим.

Единственный и мало правдоподобный намек на восстание рабов, приводимый Герберштейном в его «Записках»¹ и отвергнутый

¹ Герберштейн С. Записки о Московитских делах, с. 119. 1908.

в свое время Татищевым¹, едва ли может быть серьезно учитываем. Во всяком случае, без предварительного специального изучения происхождения этого предания в данном случае считаться с ним сейчас нет никаких оснований.

Значительное количество рабов в этот период истории Руси не должно нас смущать. Рабство обнаруживает здесь явную тенденцию к исчезновению. Церковь первая выбросила его из своего хозяйственного обихода, в боярских и княжеских вотчинах оно доживает приблизительно до конца XV в., когда и эти архаически организованные хозяйства стремятся освободиться от рабов, бывшего источника своей силы и могущества, теперь превратившегося в свою противоположность и ставшего несомненной причиной их слабости. На наших глазах рабство, таким образом, завершает полный цикл своего диалектического развития². Но в IX—XII вв. оно еще не дошло до своего естественного конца, оно еще продолжает существовать в качестве уклада в недрах успешно развивающегося феодального общества.

¹ Татищев В.Н. История Российская, т. I, с. 377—378.

² Рабы XVII в. в подавляющем своем большинстве иног, вторичного происхождения и не тождественны с патриархальными рабами киевского и докиевского периода нашей истории.

VI

ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Можно было бы обойтись и без этой вводной главы, если бы не особые обстоятельства, оправдывающие ее появление.

Дело в том, что как у старых, так и у современных нам историков нет определенного мнения о политической сущности Киевской Руси. Нет сколько-нибудь устойчивого решения вопроса даже о том, имеем ли мы право называть Киевскую Русь государством, далеко не ясны даты существования этого государства, весьма спорен и характер этого государства даже в среде тех историков, которые склонны считать Киевскую Русь государством.

Не буду приводить историографию вопроса, а ограничусь лишь несколькими примерами.

С.М. Соловьев в основу деления истории России на периоды кладет междукняжеские отношения, которые, по его мнению, обнаруживают «естественное развитие общества из самого себя». Первый период — от призвания Рюрика до Андрея Боголюбского, когда «княжеские отношения носят характер чисто родовой». Второй период — от Андрея до Калиты: «Здесь обнаруживается стремление сменить родовые отношения, вследствие чего начинается борьба между князьями Северной и Южной Руси, преследующими противоположные цели; эта борьба после раздробления рода сменяется борьбою отдельных княжеств с целью усиления одного за счет другого, окончательная победа остается на стороне княжества Московского». Третий период — от Калиты до Ивана III. Здесь «Московские владетели все более и более дают силы государственным отношениям над родовыми» и, наконец, период

четвертый — от Ивана III до пресечения династии Рюриковичей есть период, когда окончательно торжествуют государственные отношения над родовыми, «торжество, купленное страшною кровавою борьбою с издыхающим порядком вещей»¹.

Но, несмотря на господство «родового быта», в первый же устанавливаемый С.М. Соловьевым период нашей истории происходит событие, которое сам С.М. Соловьев называет началом Русского государства. Это пресловутое «призвание варягов». «Призвание первых князей, — пишет С.М. Соловьев, — имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства...»² Стало быть, С.М. Соловьев различает несколько периодов в истории восточнославянского государства, среди которых первый, хотя и с большими оговорками, он тоже как будто склонен считать государственным (в начальной стадии его развития).

В.И. Сергеевич, собственно говоря, никаких периодов в историю Древней России не вводит. Для него X или XVI вв. часто являются носителями одних и тех же принципов общественной и политической жизни. «...Древнейшие владетельные князья, известные нашей истории, родные братья Святославици (Святослава Игоревича), улаживают свои отношения либо ратью, либо миром. Это было во второй половине X века. Совершенно то же наблюдаем и во все последующее время до полного исчезновения удельных князей» (до XVI в.)³. В другом месте он пишет: «Наша древность не знает единого «государства Российского»; она имеет дело со множеством одновременно существующих небольших государств. Эти небольшие государства называются волостями, землями, княжениями, уделами, отчинами князей, уездами»⁴.

Эти государства в лице своих князей находятся в известных отношениях, устойчивых, по мнению Сергеевича, на протяжении нескольких веков. Отношения эти определяются двумя принципами: либо договорами, либо семейным правом. Договоры действуют во взаимных отношениях князей-родственников боковых

¹ С.М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрика дома, с. IX—X. М. 1847.

² С.М. Соловьев. История России с древн. врем., изд. «Обществ. Польза», т. I, с. 103.

³ В.И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. II, с. 121.

⁴ Там же, т. I, с. 1.

во всех возможных степенях родства. Семейное право определяет отношения князей-родственников в нисходящей линии, так как в этом последнем случае мы видим отношения детей и родителей. «Подчинение детей родителям выражалось в том, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владельцами князьями. Если бы им и была дана в управление самостоятельная волость, они управляли бы ею в качестве наследников князя-отца, а не самостоятельных владельцев»¹.

Сергеевич, стало быть, не выделяет особого периода, предшествующего периоду уделов, или периоду феодальной раздробленности. Некоторая разница в политическом строе доудельной Руси и Руси удельной заключается, по мысли Сергеевича, в том, что в доудельный период нет боковых родственников князя, а имеются лишь сыновья одного отца, киевского князя.

Иначе к вопросу подходит Владимирский-Буданов. Он считает, что отдельные земли в качестве союза волостей и пригородов под властью старшего города являлись уже государствами и до «призвания варягов». Князья-варяги застали везде готовый государственный строй². Владимирский-Буданов не отрицает того, что династия Рюриковичей положила основание сближению между раздельными землями. Это выражалось в обязанности земель платить дань Киеву и в том, что они находились «под рукою» князя Киевского, но он до того далек от мысли признавать единство Киевского государства, что даже период уделов считает временем большего слития земель по сравнению с предшествующим их состоянием.

М.А. Дьяконов в этом отношении очень близко примыкает к Владимирскому-Буданову. Он прямо говорит, что быт русских славян еще до призвания варяжских князей заключал элементы, необходимые для признания наличия государства. В Древней Руси «наблюдается значительное число небольших государств, границы которых подвергались постоянным колебаниям». «Эти древнерусские государства» носят названия «земель», «княжений», «волостей», «уездов», «вотчин»³.

В.О. Ключевский «первой местной политической формой, образовавшейся на Руси около половины IX в.» считает «городовую

¹ В.И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, с. 121—122.

² М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор ист. русск. права, изд. 5-е, с. 14—15.

³ М.А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя Древней Руси, изд. 3-е, с. 68, 70.

область», т.е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем «служил и промышленным средоточием для этого округа». «Вторичной местной формой» были, по мнению того же автора, «варяжские княжества»: «княжества Рюрика в Новгороде, Синеусово на Белом озере, Труворово в Изборске, Аскольдово в Киеве... Рогволодово в Полоцке и Турово в Турове». Ключевский полагает, что этот перечень не полон, что «такие княжества появлялись и в других местах Руси, но исчезали бесследно». «Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городских областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было великое княжество Киевское», сделавшееся центром торговым и политическим и объединившее вокруг себя славян и неславян. Киевское княжество «стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать» первоначальной формой Русского государства. «Русское государство основалось деятельностью Аскольда и потом Олега в Киеве: из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства»¹.

Мнение А.Е. Преснякова по этому предмету нам известно из его диссертации «Княжое право» и из только что вышедших его лекций по истории Киевской Руси, читанных в 1907—1908 и 1915—1916 гг. Он говорит о процессе сложения Киевского государства, отмечая при этом различные этапы в истории его созидания и укрепления. «Киевский центр, — пишет А.Е. Пресняков, — уже при Игоре — прочный опорный пункт княжеской власти, укрепленный центр в «горах Киевских», связанный с другими городскими пунктами, где сидели другие князья «под рукою киевского князя». Тут же А.Е. Пресняков говорит об основном интересе княжеской власти, который он формулирует так: «Господство над славянскими элементами, сбор с них дани и вербовка из них новой военной силы, ее организация вокруг варяжского дружинного ядра для больших походов на печенегов, на Византию»². По смерти Игоря тот же автор отмечает «стремление к прочной организации Киевского государства и усвоению новой культуры»³. «Киевский центр

¹ В.О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1, с. 131—144.

² А.Е. Пресняков. Лекции, с. 78—79. Ср. с. 81. Подчеркиваю здесь только то, что характеризует отношение автора к политической организации Руси. Опускаю его мнение о южной торговле, осуществлению которой якобы и служила эта организация.

³ Там же, с. 80.

закончил подчинение остальных земель Южной Руси ко времени Владимира», «завершителя работы прежних князей над созданием и утверждением киевской власти»¹.

Владимир очертил границы своего государства — «и бе живя с князи окольными миром: с Болеславом Лядьским и Стефаном Угреким и с Андрихом Чешским»².

Те же мысли мы можем найти и в книге А.Е. Преснякова «Княжое право». Там он говорит, что Киевское государство создавалось в период до Ярослава: «Иначе было во времена до Ярослава, когда все восточное славянство подчинялось нераздельной, хотя и внешней власти Киевского князя и Киев можно было рассматривать как центр создававшегося государства»³.

М.С. Грушевский не только не сомневается в наличии Киевского государства, но и дает его историю. Он посвящает ей несколько глав: образование Киевского государства, его организация, история от Олега до Святослава, государство при Игоре, Олеге и Святославе, окончание образования государства при Владимире и распад государства в XI—XII вв.⁴. Я не касаюсь здесь его концепции, а отмечаю только факт признания им целого большого периода в нашей истории, которую Грушевский искусственно пытается приспособить к истории одной только Украины.

А.А. Шахматов представляет Киевское государство как уже не первый этап в истории государственности у восточных славян. До образования Киевского государства, объединившего бассейн «великого водного пути из варяг в греки», по мнению Шахматова, уже было два государственных центра с Киевом и Новгородом во

¹ Там же, с. 96. В предисловии к «Лекциям» Преснякова Н.Л. Рубинштейн едва ли удачно выбрал цитату для показа, как А.Е. Пресняков определяет политический строй Киевской Руси («господство одного князя над рядом волостей без внутренней организационной их связи в единое государство»). Н.Л. Рубинштейн, по-видимому, хочет отсюда сделать вывод, что А.Е. Пресняков (ср. «Историк-марксист», 1938 г., кн.1, с. 130 и др.) склонен только с большими ограничениями признавать Киевскую Русь государством. Но, как мы могли убедиться, это не так: то место, которое он процитировал, во-первых, говорит не совсем о том, а во-вторых, это текст А.Е. Преснякова, наиболее устаревший. Ведь сам Н.Л. Рубинштейн в своем предисловии к «Лекциям» отметил, что начиная со 143 страницы печатается текст лекций, читанных в 1907—1908 гг., между тем как процитированные мною места относятся к лекциям 1915—1916 гг.

² Лаврентьевская летопись, под 996 годом.

³ А.Е. Пресняков. Княжое право, с. 62. 1909.

⁴ История України-Русі, тт. I и II.

главе и, кроме того, другие «скандинавские государства», возникшие в восточноевропейской равнине.

«Уже в течение X века, — пишет Шахматов, — завершается процесс объединения восточнославянских земель вокруг Киева, получающего в силу своего положения возможность стать не только политическим, но и культурным центром для всего Поднепровья и прилегающих к Поднепровью земель». «Это показывает, что раздробленное в прошлом восточное славянство слилось в одну семью, связанную политическими и культурными узами». Эту семью Шахматов тут же называет «государственной организацией»¹.

В.А. Пархоменко одним заголовком своей книги «У истоков русской государственности» (1924 г.) говорит о своем понимании Киевской Руси. Содержание книги в этом отношении дает гораздо больше. Сам автор в предисловии так излагает свою задачу: «Данная работа представляет собою попытку рассмотреть вопрос о начале государственности у восточных славян с сосредоточением внимания на факторах, действовавших на образование нашей государственности раньше норманизма и помимо него»². Подходы автора к решению задачи мне кажутся заслуживающими признания потому, что он представляет себе Киевское государство не выходящим в готовом виде из пены морской, а рождающимся в результате длительного процесса, изучать который нужно с того момента, когда какие бы то ни было намеки источников (письменных и неписьменных) позволяют о нем говорить. Автору действительно удастся разыскать такие источники, и свою задачу проследить древнейшие судьбы восточного славянства до «призвания варягов» он в значительной мере выполнил.

Итак, из приведенных примеров мы можем убедиться, что, несмотря на разнообразие мнений по вопросу о Киевском государстве и его происхождении, все упомянутые мной наиболее видные историки второй половины XIX и начала XX в. признавали Киевский период нашей истории государственным (С.М. Соловьев в указанных выше оговорках).

Особое место в историографии этого вопроса занимает М.Н. Покровский. «Говорить о едином «русском государстве, — пишет Покровский, — в Киевскую эпоху можно только по явному недоразумению»³. Дальше оказывается, что автор не только отрицает

¹ А.А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, с. 58, 63.

² В.А. Пархоменко. У истоков русской государственности, с. 3. 1924.

³ М.Н. Покровский. Русск. ист. с древн. времен, т. I, с. 170, 1920.

существование единого русского государства — он не признает в этот период наличия государства вообще. Трактую о киевских смердах и опровергая точку зрения на смердов как на «государственных крестьян», он прямо заявляет: «Там, где не было государства, трудно найти «государственное имущество, живое или мертвое»¹. «Никакой почвы для «единого» государства — и вообще государства в современном нам смысле слова — здесь не было»². И это суждение не случайно. В другом своем труде Покровский высказывается по этому предмету еще яснее. Он считает, что «общественные классы появляются... в истории (России. — Б.Г.) довольно поздно». Он относит это появление к «XVI примерно столетию». «А была ли какая-нибудь государственная власть и раньше?» — спрашивает М.Н. Покровский, и на этот вопрос он сам и отвечает: «Нет, не было, потому что те, сначала племенные, потом военноторговые, позже феодально-земледельческие ассоциации, какие мы встречаем в России до образования Московского государства Ивана IV, весьма мало были похожи на то, что мы называем «государством»»³.

Самому Покровскому иногда бывало тесно в рамках им же созданной теории, но я не буду приводить примеров его же отклонений от столь ярко выраженной точки зрения, чтобы и мне не потерять рамок, намеченных настоящей книгой.

Перехожу к своим оппонентам, непосредственно вместе со мной работающим или участвующим в обсуждении затрагиваемых мною тем.

Вполне понятна та острота, с какой подходим все мы к предметам, для нас далеко не безразличным. Страстность тут неизбежна. Мы спорим и в споре заставляем друг друга углублять вопрос, проверять свою аргументацию, уточнять формулировки.

После выхода в свет двух изданий моих «Феодальных отношений» появилось несколько работ С.В. Бахрушина, прямо касающихся вопроса о Киевском государстве⁴, небольшая, но очень вы-

¹ М.Н. Покровский. Русск. ист. с древн. времен, т. I, с. 25.

² Там же, с. 81.

³ М.Н. Покровский. Очерк истории русск. культуры, ч. I, с. 245. На том же настаивает М.Н. Покровский в своей «Русской истории в самом сжатом виде»: «Наказаний вначале не было, потому что городская Русь X—XI вв. еще не знала общественных классов» (4-е изд., с. 22).

⁴ С.В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси // «Историк-марксист», II, 1937; Крещение Руси // «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 30

разительная по своему содержанию рецензия Н.Л. Рубинштейна¹ и его же предисловие к «Лекциям» А.Е. Преснякова, трактующим тот же предмет.

В представлении Н.Л. Рубинштейна «империя Рюриковичей», или, что то же, «Киевское государство» — не период в истории нашей страны, соответствующий периоду существования в Западной Европе большого варварского государства, достигшего своего завершения при Карле Великом и давшего начало главнейшим западноевропейским государствам (Франции, Италии и Германии), — а лишь переходный момент от родового общества к классовому феодальному, под чем Н.Л. Рубинштейн понимает период феодальной раздробленности. Этот переходный момент, по мнению Н.Л. Рубинштейна, длится около 30 лет, т.е. падает на время княжения Владимира I. Те, кто представляет дело иначе и склонны считать период существования Киевского государства более длительным (не менее 200 лет) и сыгравшим в истории нашей страны более существенную и заметную роль, по мнению того же автора, подвергаются опасности возвратиться «к старой концепции распада единого государства, упадка развитой Киевской Руси».

С.В. Бахрушин более снисходителен к тем, кто готов признавать Киевскую Русь и «единой», и «развитой» (конечно, относительно и с учетом эволюции «объединения» и «культуры»). Он признает, насколько можно судить по его отдельным замечаниям, два периода в истории Киевского государства: «период эфемерного единства» и «период целостной организации». «До последней четверти X в., — пишет он, — мы не наблюдаем признаков существования прочно сложившегося государства»², и в другом месте — «Эфемерное единство Руси... установилось едва ли раньше Святослава». «Любопытно отметить, — продолжает он, — что в договоре Святослава не фигурируют представители мелких князей и упоминается один Свенельд, о котором и летопись помнит как о самом могущественном из вассалов Игоря»³. «Только с конца X в., — заключает он, — и начинается, собственно, складываться

марта 1938 г.; Некоторые вопросы истории Киевской Руси // «Историк-марксист», III, 1937; Держава Рюриковичей // «Вестник древней истории», № 2 (3).

¹ Н.Л. Рубинштейн. Памятники истории Киевского государства. Рецензия в «Историке-марксисте», I, 1938; Он же. Предисловие к лекциям А.Е. Преснякова.

² С.В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. // «Историк-марксист», III, с. 167, 1937.

³ Там же, с. 168.

государство как целостная организация». В другой своей статье С.В. Бахрушин еще более осторожно говорит о складывании в конце X в. феодализирующейся знати и называет эту знать «будущими феодалами» (ср. с его же признанием Свенельда «самым могущественным вассалом Игоря»), которым недоставало только христианства, чтобы «освятить свои притязания на господствующее положение в Приднепровье»¹.

С.В. Бахрушин, несомненно, колеблется: государство восточных славян с Киевом во главе у него начинает складываться не то со времен Святослава, не то со времен Владимира. Ясно одно, что, по его мнению, та политическая организация, которая заключала с греками договоры при Олеге и Игоре, во всяком случае, а может быть даже и при Святославе, государством еще не была. В последней своей работе С.В. Бахрушин считает Святослава только «вождем бродячей дружины»². Чем же была в это время Русь? На этот совершенно законный и неизбежный вопрос автор отвечает в только что появившейся в «Вестнике древней истории» № 2 (3) статье «Держава Рюриковичей», где он определяет эту «державу» как сочетание «остатков военной демократии» с «элементами зарождающегося феодального государства». Под военной демократией он понимает строй, аналогичный строю греческих царей героической эпохи. Силу русских князей этой поры, по его мнению, составляет дружина, а главное их назначение — «военное предводительство» и «грабеж населения». Этому князю «противостоит вольный общинник, облагаемый данью», «закрепощения крестьянина» еще нет. Надо сознаться, что этот «ответ» едва ли разъясняет столь сложный и трудный вопрос, так как сам требует разъяснений³.

С.В. Бахрушин и Н.Л. Рубинштейн в подтверждение своих положений ссылаются на характеристику Киевского государства,

¹ С.В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси // «Историк-марксист», II, с. 55, 1937.

² С.В. Бахрушин. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории, № 2 (3), с. 95. 1938.

³ Я не имею возможности здесь подвергнуть разбору всю аргументацию автора. Каждый читатель моей книги без труда может убедиться в том, что она представляет собой попытку понять Киевскую Русь значительно иначе. Кто из нас прав, покажут ближайшие успехи нашей науки. Имею в виду, прежде всего, открытия археологические.

сделанную Марксом. Мне кажется, что Маркс смотрел на дело иначе.

«Политика Древней Руси, — пишет он, — была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу. История новых народов начинается лишь после того, как окончилось это наводнение»¹.

Новыми народами Маркс, несомненно, считает народы современной Европы: англичан, французов, немцев, русских и пр. и пр. Этот «древний» период в истории России, следовательно и других «варварских» народов Европы, Маркс называет «готическим», что, собственно, и значит «варварский», подчеркивая в то же время полную аналогию истории Киевского государства с другими «готическими» государствами Европы.

Продолжая развивать высказанную им в общей форме мысль, Маркс продолжает: «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествовала образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествовала образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и, наконец, самой Московии». «Военный быт и организация завоевания у первых Рюриковичей нисколько не отличается от военного быта и организации у норманнов в остальной части Европы». «Империя» Карла Великого и «империя» Рюриковичей — это варварские «готические» государства. Это период в истории европейских народов, предшествующий истории «новых» народов в Европе. Он помог оформиться этой истории. Но это период варварских государств, т.е. все-таки государственный.

Характеристика империи Рюриковичей («несообразная», «нескладная», «скороспелая», «составленная из лоскутьев») относится не только к империи Рюриковичей, а ко всем «варварским государствам». Империя Рюриковичей подобна другим империям аналогичного происхождения². В только что опубликованных «Хронологических выписках» Маркс по этому предмету высказывается (конечно, для себя: таков характер «выписок») еще определеннее: «...возникли сначала два государства: Киев и Новгород, Олег подчинил также второе русское государство Киев, переносит туда (892) местопребывание правительства...»³

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в., глава V.

² «Несообразная, нескладная и скороспелая империя, составленная Рюриковичами из лоскутьев, подобно другим империям аналогичного происхождения...»

³ Архив Маркса и Энгельса, т. V, с. 42. Оба разбираемых мною автора писали до опубликования «выписок».

Само собой разумеется, что и «варварское государство» складывается при известных условиях, но уже на развалинах родового строя. Мы можем указать на некоторые совершенно определенные признаки, отделяющие родовой строй от государственного. Для родового строя, конечно, прежде всего характерна его бесклассовость. Последний период в истории родового строя характерен наличием следующих учреждений: народного собрания, совета родовых старейшин и военачальника.

С развитием классового строя эти учреждения перестают удовлетворять потребности общества, некоторые из них делаются уже невозможными, и родовому устройству общества наступает конец. На его место становится государство, либо преобразующее учреждения родового строя, либо заменяющее их новыми, конечно не вдруг.

Это процесс длительный. Но если мы лишены возможности на нашем материале проследить отдельные его этапы, то не имеем права закрывать глаза на факты, нам известные, и должны иметь смелость называть эти факты их именами. Если, например, родовые союзы уже заменились территориальными, если власть отделилась от народных масс, если у власти успел встать наиболее сильный экономический класс, то мы смело можем говорить о замене родового строя государственным, как факте уже совершившемся.

Маркс не только высказал свое принципиальное отношение к варварскому государству как этапу в политической истории народов Европы, но и сделал краткий, но очень интересный набросок конкретной истории «готической» империи Рюриковичей.

«Ancient maps of Russia are unfolded before us, displaying even larger European dimensions than she can boast of now: her perpetual movement of aggrandizement from the ninth to the eleventh century is anxiously pointed out; we are shown Oleg launching 88.000 me against Byzantium, fixing his shield as a trophy on the gate of that capital, and dictating an ignominious treaty to the Lower Empire; Igor making it tributary; Sviatoslaff glorying, «the Greeks supply me with gold, costly stuffs rice fruits and wine: Hungary furnishes cattle and horses; from Russia draw honey, wax, furs and men»: Vladimir conquering the Crimea and Livonia, extorting a daughter from the Greek Emperor, as Napoleon did from the German Emperor, blending the military sway of a northern conqueror with the theocratic despotism of the Porfiro-

geniti, and becoming at once the master of his subjects on earth and their protector in heaven»¹.

С.В. Бахрушин считает, что Маркс здесь высказывает не свои мысли, а ссылается на чужие, не беря на себя за них никакой ответственности. Мне кажется, что С.В. Бахрушин прав тут только отчасти. Действительно, Маркс не проверяет этих фактов, а берет их у известных ему авторов («нам указывают»), но из этих фактов выводы делает, несомненно, сам Маркс. Если бы эти факты оказались неверными, то и выводы пришлось бы тем самым считать аннулированными. Но этого делать не приходится. Договор Олега как результат его победы у нас имеется; факт его существования и его содержание говорят неопровержимо о государственной деятельности Олега. Есть и договор Игоря. Походы Святослава в Болгарию никогда ни у кого не возбуждали сомнения. Взятие Владимиром Корсуня, завоевание ятвягов, женитьба на греческой царевне, крещение и канонизация — тоже факты совершенно доброкачественные. Остается «щит на воротах Цареграда», которому никто никогда не придавал никакого решающего характера, бытовая деталь, впрочем, весьма вероятная.

Однако, как бы мы ни относились к этим соображениям Маркса относительно Киевского государства, неизбежно остаются в силе его основные замечания об огромных размерах империи Рюриковичей и ее непрерывном возрастании с IX по XI столетие, чем, стало быть, определяется и время ее существования. Огромные ее размеры Маркс учитывал, конечно, и тогда, когда сопоставлял ее

¹ «Старинные карты России, будучи раскрыты перед нами, обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе даже большими размерами, нежели те, которыми она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX по XI столетие отмечают с тревогой. Нам указывают на Олега, бросившего против Византии 88 000 человек и продиктовавшего, укрепив свой щит в качестве трофея на воротах этой столицы, позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира. Нам указывают также на Игоря, сделавшего Византию своей данницей, и на Святослава, похвалявшегося: «Греки доставляют мне золото, драгоценные ткани... фрукты и вина, Венгрия снабжает скотом и конями, из России я получаю мед, воск, меха и людей», и, наконец, на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию и принудившего греческого императора отдать ему дочь, подобно тому, как это сделал Наполеон с германским императором. Последним актом он сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе». К. Marx. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, p. 75, London, 1899.

с громадной империей Карла Великого; он указывал на то, что на этой территории впоследствии появилось несколько восточноевропейских государств.

В первых главах мне как будто удалось показать, что в IX в. мы имели уже право говорить о классах, в X в. эти классы делаются нам известны с достаточной ясностью, об XI—XII вв. нужно сказать то же, но с гораздо большей конкретностью. Этим самым мною показаны основания, по которым мы имеем право говорить и о возникновении государства.

Обратимся за некоторыми справками к нашим древним источникам.

Как летописец понимал Киевскую Русь? Считал ли он ее государством, хотя бы и в своем собственном понимании термина? Это далеко не праздный вопрос. Ведь летописец говорит все время и о таких государствах, которые не вызывают никаких возражений в праве их называться этим именем даже у тех авторов, которые готовы отказать в этом праве Киевской Руси. Летописец формулирует свою задачу следующим образом: «Повесть временных лет: откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть».

Что подразумевал летописец под термином «Русская земля»? Только ли географическое понятие или же и политическое? А если и политическое, то какое именно? Владимирский-Буданов отвечает на этот вопрос решительным утверждением, что летописец под термином «земля» в данном случае понимал не географическое пространство, а обозначал своим словом понятие государства. В доказательство своей мысли Владимирский-Буданов приводит очень убедительные факты. Некоторые из них я и позволю себе повторить здесь. Он указывает на то, что именно этим термином «земля» летописец обозначает и соседние иностранные государства: «Когда угры, победив славян, основали свое государство, то «оттоле прозвася земля угорьска». Князья моравские прислали к византийскому императору просьбу дать им учителя христианской веры и говорили так: «Земля наша крещена, и несть у нас учителя». Игорь, помирившись с греками «повеле печенегам воевати болгарскую землю», т.е. государство, враждебное Византии. В Польском государстве по смерти Болеслава Великого возник мятеж; об этом наш летописец говорит так: «Умре Болеслав Великий в Лясах, и бысть мятеж в земли Лядьске». В таком же смысле пользовался термином «земля» и наш князь Святослав, когда го-

ворил: «Хочю жити в Переяславци на Дунай, яко то есть среда в земли моей». «Для юридического значения (термина. — Б.Г.) всего важнее знать, — пишет Владимирский-Буданов, — как именуют государство того времени люди в трактатах, заключенных между двумя государствами. В договоре Олега трактующие выражаются так: если греческий корабль потерпит крушение, то русские обязаны проводить его «на землю крестьянску» (что однозначаще с «христианским царством», ст. 14), а если крушение случится близ земли русской, то «да проводим я в Русскую землю». Когда послы Олега возвратились в Киев, то «поведаша Олегу вся речи обою царю, како створиша мир и уряд положиша межю Грецкою землею и Русскою». То же словоупотребление и в том же смысле мы имеем и в «Правде Русской» («Правда установлена Русьской земли») и много раз в «Слове о полку Игореве» («полегоша за землю Русскую», «погании... прихождаху с победами на землю Русскую», «тоска разлилася по Русской земли» и т.д., и т.д.)».

Приведенные здесь факты не есть неопровержимое доказательство тому, что термин «Русская земля» тождествен понятию «Русское государство». Но, тем не менее, поскольку древние авторы термин «земля» прилагали и к Византии, и к Польше, и к Венгрии, и к Болгарии, и к Руси, мы вправе допустить, что у них было какое-то основание выражаться именно так, а не иначе. У всех перечисленных здесь политических организаций в глазах наших древних авторов было нечто общее, и мне кажется, что это общее, их объединяющее, заключалось в их государственности: все эти политические организации были государствами.

Факт заключения договоров с их основной целью создания торговых и политических связей, гарантируемых государственными санкциями с обеих сторон, говорит о наличии в обеих договаривающихся странах классов, заинтересованных в торговле и политических между двумя государствами отношениях, а также и о наличии государственного аппарата, способного обеспечить выполнение заключаемых договоров.

В договоре Игоря совершенно ясно названы общественные силы, больше других заинтересованные в создании торговых связей с Византией. «А великий князь Русский, — читаем в договоре, — и боляре его да посылают в Греки к великим цесарем греческим корабли, елико хотять, со слы и с гостьми». Это князь и «боляре его». Они имеют право посылать в Византию свои корабли в неограни-

ченном количестве «со слы и с гостями». Едва ли мы ошибемся, если сделаем отсюда вывод, что хозяином положения, ответственным руководителем пресловутой торговли Руси с Византией, был князь и его бояре, богатые влиятельные люди, как мы уже видели, крупные землевладельцы, имеющие свои дружины. Гости-купцы играют тут роль довольно второстепенную. Бояре сажают их вместе со своими «слами» на корабли, отправляемые в Византию. Конечно, в данном пункте речь идет только о торговых сношениях Руси с Византией, и этим не решается вопрос о роли купцов, равно как и боярства, в общественной жизни Киевской Руси.

Само собой разумеется, что государства эти находились не на одном уровне своего стадийного развития: нельзя ставить знака равенства, например, между Византией и Русью в X в. Само собой разумеется также, что государства эти не оставались в неподвижности. Русь времен Олега или Игоря не та, что Русь Владимира или Ярослава. Все это совершенно правильно. Совершенно напрасно критики упрекают меня в том, что я в X в. вижу уже создавшееся «территориально-политическое единство» (Н.Л. Рубинштейн) или «большое хорошо организованное феодальное государство» (С.В. Бахрушин)¹. Единство, хотя и относительное, несомненно, было. На этом я настаиваю и сейчас, но о «хорошей» организованности государства, тем более «феодального», я не говорил, и говорить не собираюсь.

Я понимаю, что слов здесь недостаточно. Необходимы доказательства. А где их взять для столь далекого от нас времени, столь скудно освещенного источниками? Ведь недаром по этому предмету спорили всегда, спорят сейчас и едва ли полная ясность когда-либо придет на смену более или менее обоснованным гипотезам. Невольно хочется напомнить слова проникновенного источникововеда А.Е. Преснякова, сказанные им по поводу содержания источников о княжении князей Олега и Игоря. «Разве с отчаяния перед... сбивчивостью (источников. — Б.Г.) можно пойти за А.А. Шахматовым, вовсе разрывая всякую связь между Олегом и Игорем. Скорее, особенно под влиянием «еврейского документа», можно соблазниться, во всяком случае, остроумной догадкой книжника-летописца, который создал то построение, какое нахо-

¹ С.В. Бахрушин, правда, говорит осторожно только о том, что «создается впечатление большого, хорошо организованного государства» // «Историк-марксист», кн. III, с. 167, 1937.

дим в Новгородской I (летописи. — Б.Г.). Сбивчивость данных, какими располагаем, открывает простор для построений на разные лады. Пархоменко в статье по поводу нашего «еврейского документа» видит в Олеге норманнского викинга, который только ненадолго появляется в Киеве, сажает тут Игоря, а сам устремляется на Византию и после удачного похода уходит с добычей в «Тмутараканскую Русь» и тут переживает все рассказанное евреем: борьбу с хазарами, поражение, второй поход на Византию («быть может, вместе с Игорем») и гибель на чужбине». «Это построение, — продолжает Пресняков, — было бы не хуже других, если бы Пархоменко не переплел его с рядом фантазий — о родстве Игоря с Аскольдом, о княжении какого-то угорского князя в Киеве и т.д., да сверх того не скинул со счетов Олегова договора, свидетельствующего, во всяком случае, не о набеге норманнского пирата, а о стремлении установить прочные и длительные отношения между двумя странами»¹.

О соображениях Шахматова, Пархоменко и самого Преснякова о «еврейском документе» и пр. — в своем месте. Сейчас я ставлю перед собой очень скромную задачу показать, в каком положении находится в настоящее время вопрос о политическом строе Киевской Руси, даже не весь вопрос в целом, а лишь одна его сторона. Мне хотелось высказать несколько соображений относительно взглядов авторов, либо совсем не склонных признавать Киевское государство в качестве одного из этапов в истории нашей страны, либо признающих Киевскую Русь государством, но со столь большими оговорками и ограничениями, что самое признание делается равносильным непризнанию.

Продолжаю рассмотрение вопроса в следующей главе, посвященной специально положению в Киевском государстве княжеской власти, причем предполагаю пользоваться главным образом договорами Руси с греками и некоторым другим актовым материалом, прибегая к летописному рассказу лишь в редких случаях. Это ограничение в круге источников делаю умышленно, чтобы избежать упреков в следовании за концепцией нашего первого историка-летописца, действительно не чуждого тенденциозности, особенно в вопросах, связанных с характеристикой деятельности князей Рюрикова дома.

¹ А.Е. Пресняков. Лекции по русск. истории, I, с. 72.

2. КНЯЗЬ И КИЕВСКАЯ ЗНАТЬ

Все русские историки всегда интересовались вопросом о положении князя в Киевский период нашей истории. Не удивительно, что в этом отношении у нас богатое наследие прошлого. Но едва ли нужно приводить здесь все их мнения. Мне кажется вполне достаточным привести соображения только тех авторов, у которых были продуманные научные концепции всего процесса развития нашей страны.

Представители «родовой теории» выводили значение княжеской власти Киевского периода из принципа принадлежности власти всему «владельческому дому», считали всю землю русскую «семейственным достоянием» и ее князя — представителем княжеского рода¹. Род Рюриковичей, пришлый или призванный, был, по мнению С.М. Соловьева, необходимостью, вызванной сознанием невозможности жить общею жизнью при наличии родовых усобиц: «Нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род с одним общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство... чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода». «Князь должен был княжить и владеть... он думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьей во время мира; он наказывал преступников, его двор — место суда, его слуги — исполнители судебных приговоров; всякий новый устав проистекал от него... князь собирал дань, распоряжался ею». Князь собирал эту дань либо лично с дружиной, либо получал ее от покоренных племен путем доставки ее самими подвластными племенами («возить повозы»).

Князь становился во главе войска, собранного от зависимых от него племен и народов. Это и называлось быть «нарядником Земли»².

Иное представление о князе у противников школы «родового быта». Самый чувствительный удар был ей нанесен В.И. Сергеевичем, его известной книгой «Вече и князь», вышедшей в 60-х годах

прошлого столетия. В предисловии к своей книге автор высказал исходные принципы своих главнейших положений. «Древняя история России» распадается на два периода, не одинаковые по времени и различные по характеру своих учреждений. В течение первого, княжеского периода Россия представляется разделенною на множество независимых одно от другого княжений; в течение второго, царского, она является соединенной в одно государство с политическим центром в Москве»¹. Сергеевич, стало быть, не признает в истории России особого периода существования «варварского» Киевского государства, предшествующего периоду раздробленности (уделов). И позднее В.И. Сергеевич оставался на тех же позициях. В «Русских юридических древностях» уже в начале XX в. он высказался по этому предмету с полной определенностью: «Нашим древним князьям приходилось вращаться в очень сложной среде. Они находились в известных отношениях к народу, к другим владельческим князьям и, наконец, к своим вольным слугам». Отношение к народу выражалось, по мнению Сергеевича, в отношениях князя к вече, которое его призывало, заключало с ним ряд, показывало ему «путь чист на все четыре стороны», когда было им недовольно. Взаимные междукняжеские отношения определялись договорами между князьями, «правителями независимых одна от другой волостей»². Сергеевич словно не хочет замечать того, что в IX—X и половине XI в. вече, за единственным исключением для Новгорода, где первое вече упомянуто под 1016 годом, не функционирует, что князей народ не выбирает и не изгоняет, что в то время нет еще независимых волостей, что князья друг с другом никаких договоров не заключают. Наблюдения Сергеевича ценны только для периода уделов (феодальной раздробленности). Князь Киевского периода, которого Сергеевич пытался втиснуть в рамки удельного строя, по существу остался в его труде не изученным.

Так же, собственно говоря, рассуждает и М.А. Дьяконов. «Княжеская власть — столь же исконный и столь же повсеместный институт, как и вече. У отдельных славянских племен «княженья» упоминаются задолго до призвания Рюриковичей. Корни этой власти скрываются в доисторическом патриархальном быту...» Дав эту необходимую справку о корнях княжеской власти, Дьяконов непосредственно за ней начинает говорить об отдельных

¹ И.Ф.Г. Эверс. Древн. русск. право. СПб., 1835, с. 26 и др.

² С.М. Соловьев. История России с древн. времен, с. 213—218.

¹ В.И. Сергеевич. Вече и князь, стр. I, М. 1867.

² В.И. Сергеевич. Русские юрид. древн. изд. 2-е, т. II, стр. 119.

волостях-княжениях. «Князь — необходимый элемент в составе государственной власти всех русских земель». «В составе государственной власти каждого княжения князь занимал, по сравнению с вечем, существенно иное положение, так как был органом постоянно и повседневно действующим»¹.

Не многим отличаются от этих мнений и суждения Владимирского-Буданова: «Происхождение княжеской власти доисторическое», «...власть принадлежит не лицу, а целому роду». «Члены княжеского рода или соправительствуют без раздела власти...» или «делят между собою власть территориально». «Этот последний порядок с конца X в. взял решительный перевес и создал так называемую удельную систему»². И у него княжеская власть в ее историческом развитии полностью не изучена. Период Киевского государства не отделен от последующего удельного.

Киевский князь Святослав Игоревич

¹ М.А. Дьяконов. Очерки общ. и госуд. строя Др. Руси, изд. 3-е, с. 146—148 и др.

² М.Ф. Владимирский-Буданов. Указ, соч., с. 37—38.

В.О. Ключевский занял в данном вопросе особую, очень интересную позицию. На смену «городовым областям» явилось «варяжское княжество» и потом Киевское государство, во главе которого стал киевский князь со своей дружиной. Этот первый опыт политического объединения Русской земли, по мнению Ключевского, был следствием того же интереса, которым прежде созданы были независимые одна от другой городские области, делом внешней русской торговли.

Киевское княжество, как и торговые области, ему предшествовавшие, имело не национальное, а социальное происхождение, было создано не каким-либо племенем, а классом, выделившимся из разных племен. Руководившая городскими областями военно-торговая аристократия поддержала самого сильного из конунгов, помогла ему укрепиться в Киеве... Та же аристократия помогла киевским князьям распространить свою власть из Киева... «...Военно-торговая аристократия больших городов была самой деятельной силой в создании политического единства Руси, которое тем и началось, что этот класс стал собираться под знаменами вышедшего из его среды киевского князя». «Пока новое правительство, князь с дружиной, не укрепилось и нуждалось в помощи городской знати, из которой оно само вышло, обе общественные силы стояли очень близко друг к другу. Весь X век они действуют дружно... вместе воюют и торгуют, вместе обсуждают в думе князя важнейшие вопросы законодательства». С половины XI в. обнаруживается «взаимное удаление» княжеского правительства и городской знати. Появление у княжеских дружинников («бояр») привилегированной земельной собственности, признаки которой, по мнению Ключевского, «становятся заметны в XI веке, еще более удалило этот класс от городского общества, владевшего торговым капиталом». Но и после Ярослава князя «за исключением Мономаха, став уже степными наездниками, боронившими Русскую землю от поганых, во многом оставались верны привычкам и понятиям своих языческих предков IX и X вв., морских викингов на русских реках... Двухвековой деятельностью в русском князе выработался тип, завязавшийся в самом ее начале. Это военный сторож земли, ее торговых путей и оборотов, получавший за то корм с нее. Когда князей развелось много, они стали делиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, деля между собою и меняя области по очереди старшинства. Это очередное владение делало князя бродячим гостем области,

подвижным витязем, каким он был два века назад. Тогда старшие города остались одни постоянными и привычными руководителями своих областей... местные миры, стянутые к Киеву князьями X века, опять потянули к своим местным центрам»¹.

У Ключевского, как легко в этом убедиться, период Киевского государства выделен и объяснен. Однако далеко не все в этом объяснении приемлемо. Вызывает, прежде всего, возражение принимаемая им за основную движущую силу «внешняя русская торговля», нельзя согласиться и с его трактовкой княжого боярства и городской знати, в положении которых Ключевский отмечает два периода: первый до XI в., когда между князем, его дружиной и городской знатью имеется общность торговых интересов, и второй — с XI в., когда бояре становятся привилегированными землевладельцами, а городская знать по-прежнему сильной своим торговым капиталом. Не кажется нам убедительной и бойкая характеристика «князя» и его метаморфозы: «морской наездник-викинг», «степной наездник», «военный сторож торговых путей», «бродячий гость области», «подвижной витязь» и пр.

В 1909 г. в своей книге «Княжое право» А.Е. Пресняков подверг критике теорию Ключевского о торговом происхождении городских областей, а потом и Киевского государства, и высказал свое собственное отношение к политическому строю Киевской Руси. Пресняков тоже выделяет до-Ярославов период нашей истории, как период существования Киевского государства, сохранявшего единство путем концентрации власти в руках князя, владевшего Киевом. Значение князя Пресняков склонен сильно преувеличивать. Тысяча и тысяцкий, сотни, сотские, десятские — все это, по его мнению, княжеская администрация, созданная князьями: князь — организатор общества в полном смысле слова. Еще ярче те же мысли выражены им в его «Лекциях»: «Князь не только начальник военных сил, охранитель земли от внешних врагов, он и установитель «наряда», и это его значение растет по мере развития в жизни явлений, которые выходили за рамки сложившегося «по старине и пошлине» народного быта»². Но внимание А.Е. Преснякова сосредоточено главным образом на Руси XI—XII вв., т.е. на периоде феодальной раздробленности. Княжеская власть за время существования Киевского государства рассмотрена им сравнительно очень бегло.

¹ В.О. Ключевский. Боярская дума, изд. 5-е, стр. 32.

² А.Е. Пресняков. Лекции по русской истории, стр. 183 и др.

Никакого упрека в пренебрежении этим интересным периодом нашей истории нельзя сделать М.С. Грушевскому. Будучи уверенным, что он занимается только историей Украины, не считаясь с тем, что Киевское государство есть период в истории всего русского и не только русского народов, он, однако, внимательнее, чем кто-либо из наших историков, не исключая даже С.М. Соловьева, изображает историю Киевской державы во всех ее деталях. Конечно, он не мог не обратить внимания и на историю княжеской власти в период образования и существования Киевского государства. Князья племенные, по его мнению, не играли сколько-нибудь заметной роли. Только киевские князья приобретают видное значение. Они концентрируют вокруг Киева украинские земли. Этот процесс концентрации был очень трудным. Киевская держава не была прочной. Ее единство требовало постоянного подновления. «Проявить инициативу, собрать соответствующие очень значительные силы мог только глава государства — киевский князь: он организовывал пограничную сторожевую службу, созывал полки от подвластных племен, спроваживал варяжских кондотьеров и т.п. Поход в случае успеха давал большую добычу, от которой главная доля поступала киевскому князю, но, как видно из фрагмента, вставленного в «Повести» под 907 г., не была забыта и дружина, не только мобилизованная для походов, но и остававшаяся на заставах. Таким образом, эти походы, которые были венцом тогдашней дружинной организации, соединяли в один организм всю дружинную организацию, раскинутую по всей территории государства, давали чувствовать единство государства и тем самым были для нее очень важны»¹.

Расходясь по целому ряду принципиальных вопросов с М.С. Грушевским, я считаю вместе с ним, что период Киевской державы — крупнейший и важнейший факт истории народов нашей страны, и прежде всего народа русского, с его позднейшими разветвлениями на великоруссов, украинцев и белоруссов, факт, правильное понимание которого является непременным условием уразумения дальнейшей истории этих народов и потому требующий самого тщательного научного исследования.

Самым решительным образом я расхожусь и с теми из современных историков, которые обнаруживают явную тенденцию недооценивать значение этого периода нашей страны. Перехожу к

¹ М.С. Грушевский. Історія України-Русі, т. I, с. 428.

специальному рассмотрению положения и роли князя в Киевском государстве.

Древнейшие сведения о власти у восточных славян мы имеем у Иордана и византийских историков.

Иордан (ум. 552 г.), говоря о военных столкновениях антов с готами в IV веке, называет антского «короля» (rex) Божа, после одного неудачного сражения попавшего к готам в плен, где он вместе со своими сыновьями и 70 «старейшинами» (primates) был распят. Этот самый Бож умел наносить готам и поражения, стало быть, стоял во главе значительных сил. Перед нами военный союз племен под начальством одного вождя. Особого значения придавать титулу (rex), каким наделяет Божа Иордан, конечно, нельзя.

Маврикий Стратег (в конце VI века) говорит, что у славян и антов много вождей, с которыми он рекомендует византийскому правительству считаться: привлекать подарками и обещаниями тех из них, кто находится поближе к византийским границам, и при их помощи громить других славянских и антских вождей. Он же указывает на опасность для Византии в возможности объединения разрозненных и славян, и антов.

Прокопий Кесарийский (ум. в 562 г.) подчеркивает, что славяне и анты не имеют над собой единой власти (подобной византийской) и решают свои важные дела на общих народных собраниях.

Менандр, византийский историк, указывает на знатного и могущественного анта Мезамира, которого боялись авары, так как он среди антов пользовался большим влиянием. Византийский же историк Феофилакт тоже знает славянских вождей и по имени одного из них называет целую территорию «Землей Ардагаста». Он называет и других вождей.

Из этих косвенных данных мы можем сделать заключение, что в VI веке н.э. анты, т.е. восточные славяне, уже начали выходить из рамок родоплеменного строя, что перед нами «либо высшая ступень варварства», либо «военная демократия».

Вожди со своими дружинами превращаются в высших представителей государственной власти. Эти представители государственной власти — короли или князья (дело не в наименовании), выросшие из племенных вождей в носителей монархической власти, превращают народное достояние — землю — в свое имущество и помогают своим дружинникам в освоении земли. Появившиеся в процессе разложения рода и общины крупные землевладельцы поддерживают своих королей или князей, сами становятся в ряды

дружины и тем закрепляют свое общественное и политическое положение.

Ввиду растущих размеров государства исчезают за ненадобностью и старые родовые органы управления. Совет старейшин заменяется совещаниями с новой знатью, народное собрание замирает.

В обществе, где основной отраслью производства было земледелие, господствующий класс, постепенно складывавшийся вместе с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь классом крупных землевладельцев, и таковыми стали князья и окружавшая их знать. Формой политического господства при этих условиях могла быть только власть этой земельной аристократии.

Отлично понимаю, что это лишь социологическое построение, а не решение конкретного вопроса о политической структуре Киевского государства, и потому от теории перехожу к исследованию подлинного материала, оставленного нам нашей древностью.

Если наши ученые совершенно справедливо заподозривают точность летописных рассказов о событиях особенно IX и части X вв. и относятся к фактам этого периода, занесенным в летопись, с вполне понятной осторожностью, то относительно договоров с греками в нашей науке все тверже устанавливается мнение, что мы здесь имеем дело с документом исключительной ценности и источниковедческой объективности. Сейчас ни у кого нет сомнения в том, что эти договоры действительно были заключены между двумя государствами, что в них отмечены те стороны русско-византийских отношений, которые были важны в данный момент для обеих сторон.

Совершенно определенно можно говорить о том, что договоры были написаны по-гречески и одновременно переведены на русский язык. Перевод договора 911 года был сделан болгаринном на болгарский язык и выправлен русским справщиком, переводчиком договора 945 года был русский книжник, отразивший в своем переводе смешение и русской, и болгарской книжной стихии¹.

Этот источник давно был оценен нашими исследователями. Шлецер, не признавая подлинности договоров, однако отзывался о них восторженно: «Сей трактат, — писал он, — если мы признаем его подлинность, есть одна из величайших достопримечатель-

¹ С.П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», VI—VII, с. 102—103.

ностей Среднего века, есть нечто единственное во всем историческом мире».

По-видимому, не подлежит сомнению и то, что тексты договоров хранились, как важнейший государственный документ, в княжеском архиве в Киеве. Составитель «Повести временных лет», поскольку он работал не только с ведома князя, но, по-видимому, и по его поручению, имел доступ в княжеский архив и получил возможность использовать ценнейший источник, несомненно, помогший ему ориентироваться в главнейших событиях X в. Автор «Повести» иногда делал к тексту договоров свои пояснения. Как он поступал в таких случаях, делал ли он свои замечания, исходя из смысла текста договоров, или же привлекал к комментированию этого текста другие материалы, решить трудно, но, во всяком случае, несомненно одно: между текстом договоров и замечаниями летописца имеется согласованность.

К этому ценнейшему источнику я и перехожу.

Рассказывая о походе 907 года на Царьград и о заключении договора, летописец комментирует текст договора так: «И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривне на ключ и потом даяти уклады на русские города: первое на Киев, та же и на Чернигов, и на Переяслав, и на Полтеск, и на Ростов, и на Любеч и на прочия города: по тем бо городом седяху велиции князи под Ольгом суще»¹. Это сообщение летописца. Дальше идет текст договора, где, между прочим, читаем: «...и тогда возьмут (русские, прибывающие в Царьград. — Б.Г.) месячное свое: первое от града Киева и паки ис Чернигова и ис Переяславля»².

В договоре 945 года повторяется та же фраза: «...тогда возьмут месячное свое сли слобное, а гостье месячное, первое от града Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля»³. В некоторых текстах того же договора прибавлено: «и прочии города» или «и из прочих городов».

Совершенно очевидно, что летописец от себя прибавил к этому перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч. Очень возможно, что эта прибавка сделана даже не автором «Повести», а его продолжателем-компилятором. Но главное не в том, кто это сделал, а в том, имелось ли к тому основание. Определенное сомнение

¹ А.А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I, с. 31, 1916. Пользуюсь текстами договоров в издании Шахматова, как наиболее критическом.

² Там же, с. 32.

³ Там же, с. 54.

вызывает наличие в этой прибавке Полоцка, который был присоединен к владениям Киевского князя, по-видимому, только при Владимире I в 960 г., конечно, если основываться на данных Лаврентьевской летописи.

Киев здесь поставлен на первое подчеркнутое место не случайно. О Киеве, как некоем экономическом и политическом центре, говорит и Константин Багрянородный в своем труде «De administrando imperio»: «Однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси идут из Новгорода (Новгород), в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милински (Смоленск), из Телюцы (по-видимому Любеч), Чернигош (Чернигов) и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата»¹. Внешняя Русь это, по-моему, Русь в широком территориальном смысле слова в отличие от Руси в узком понимании термина, т.е. Киевщины, а может быть, также и Причерноморья и Приазовья². Во всяком случае, в представлении Константина Багрянородного и внутренняя, и внешняя Русь есть Русь — это для нас важно отметить. Арабский писатель конца IX или начала X в. Джайхани, а также западноевропейские источники называют также Русью всю страну, зависимую от Киева³. И в изображении Константина Киев — это центр страны.

Это центральное значение Киева подчеркивается у Константина тем, что Киев — место сбора всех судов из всей Руси, и из того, что здесь сидит великий князь Игорь, посадивший, между прочим, своего сына в Новгороде в качестве подручника, как представителя своей великокняжеской власти»⁴.

С этим последним фактом связан и тот комментарий, которым снабжает летописец разбираемое нами место договора. После перечня городов он замечает: «По тем бо городам седяху велиции князи под Ольгом суще». Святослав Игоревич, сидя в Новгороде,

¹ Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, с. 8, 1934.

² Шахматов определяет ее как страну, зависимую, подвластную Руси, Томсен — лежащую за Киевом, Смирнов П. — как волжскую; Грушевский — как «провинциальную Русь», Хлебников — «с той стороны».

³ М.С. Грушевский. Указ. соч., I, с. 423.

⁴ В.А. Пархоменко в этом Новгороде видит не Новгород Великий на Волхове, а какой-то другой, южный, но мнение его противоречит всему контексту сообщения Константина.

несомненно, тоже находился «под» Игорем, но едва ли летописец под упоминаемыми им «князьями» имел в виду родственников киевского князя, хотя бы потому, что их тогда было мало. Их всех можно было перечесать по пальцам, а летописец говорит об их солидном числе.

Об этих подчиненных, зависимых от Олега князьях настойчиво говорят тексты всех договоров. В договоре 911 года после перечня послов, отправленных Олегом в Византию для оформления договора, сказано: «Иже послани от Ольга, великого князя Русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр»¹. Дальше в договоре еще несколько раз говорится о том же и в тех же выражениях: договор заключается «похотеньем наших великих князь и по повеленью от великого князя нашего и от всех, иже под рукой его сущих Руси», «...да любим друг друга (византийцы и Русь) от всея душа и изволения и не вдадим, елико наше изволение быти от сущих под рукою наших князь светлых никакому же соблазну или вине...»², «Тако же и вы, Греци, да храните такую же любовь к князем нашим светлым Русским и ко всем иже суть под рукою светлого князя нашего...»³

О таких же «князьях», зависимых от киевского князя Игоря, говорит и договор 945 года: послы и гости были посланы в Грецию «от Игоря, великого князя русского, и от всякая княжия и от всех людий Русския земля». А несколькими строками ниже о том же посольстве договор выражается несколько иначе: «И великий князь наш Игорь и князи и бояре его и людье вси рустии послашаны к Роману и к Костянтину и к Стефану, к великим царям греческим, сотворити любовь с самими цесари и со всем боярством и со всеми людьями греческими на вся лета, дондеже сияет солнце и весь мир стоит».

И дальше в том же договоре упоминаются бояре Игоревы. «А великий князь русский и бояре его да посылают в Греки к великим цесарем греческим корабли, елико хотять, со слы и с гостями...» Двусторонняя присяга на договоре должна была служить гарантией его выполнения: русская делегация присягала на том, «...яже суть написана на харатьи сей хранити от Игоря и от всех бояр и от всех людей от страны Руския в прочая лета и во ину.

¹ А.А. Шахматов. «Повесть врем. лет», с. 33.

² Там же, с. 34.

³ Там же, с. 35.

Аще ли же кто от князь или от людий русских ли хрестеян или нехрестеян преступит се, еже написано на харатьи сей, будет достоин своим оружием умрети...»¹

То же имеем и в договоре кн. Святослава 972 года. Князь Святослав заключает договор. Он говорит за себя и за тех, кто находится под его рукою, «иже суть подо мною Русь, бояре и прочий». Клянется он не один: «...кляхся ко цесарем греческим и со мною бояре и Русь вся... Аще ли тех семех преже реченых не сохраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога...» Характерно, что в договоре Святослава князья уже не упоминаются, а называются только бояре.

С.М. Соловьев по этому же поводу замечает: «Князьями никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владетельных родов». Но тут же С.М. Соловьев высказывает ни на чем не основанное положение, что эти князья, о которых говорят договоры, есть «родичи» киевского князя. Впрочем, он тут же и прибавляет: «Об отношениях этих родичей к князьям мы ничего не знаем»². Поиски «родичей» увлекли нашего крупнейшего историка на ложный путь и не позволили ему видеть того, что было на самом деле.

Едва ли не правильнее будет признать в этих князьях с несколькими разукрашенными византийской терминологией титулами местных князей, которых систематически подчиняли себе, а потом и истребляли киевские князья. Когда писалась летопись, имена многих из этих князей уже были забыты, имена других летописец не счел нужным называть, поскольку у него была вполне определенная задача изобразить в наиболее привлекательном виде историю князей Рюриковской династии, несомненно, враждебной всем другим княжеским ветвям: мы знаем, как беспощадно расправились Рюриковичи с непокорными им местными князьями. Никаких «родовых» междукняжеских отношений здесь мы не видим. Впрочем, и сам С.М. Соловьев, самый яркий защитник «родовых» междукняжеских отношений, должен был сделать очень существенную оговорку, что «эти отношения (т.е. отношения киевских князей IX—X вв. к другим, не киевским князьям. — Б.Г.) не были

¹ А.А. Шахматов. «Повесть врем. лет», с. 59—60.

² С.М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрика дома, с. 41.

подобны последующим родовым отношениям княжеским, именно уже потому, что родичи (!) Рюрика называются мужами его, что указывает на отношение дружинное, следовательно, служебное, а не родовое»¹.

Если отбросить «родичей» Рюрика, которые якобы называются «мужами», как не доказанный, не доказуемый и не нужный даже самому Соловьеву домысел автора, получится формулировка политического строя Киевского государства X в., хотя и не исчерпывающая, но в основном правильная. «Муж», сидящие по местам, оказываются в «служебных» отношениях к киевскому князю. Как мы сейчас увидим, не только «муж», но и князья, ни в каком родстве с Рюриком не состоящие, быть может, лишь за отдельными и очень редкими исключениями.

Договор Игоря 945 года дает нам очень интересные детали, по которым мы можем несколько ближе всмотреться в тогдашние политические отношения.

Мы имеем здесь не только общее место о том, что Игорь «посла муже своя к Роману» или указание на то, что уполномоченные, явившиеся к византийскому двору были «посланы от Игоря, великого князя русского и от всякого княжия и от всех людий Русския земля», но и очень любопытный перечень этих уполномоченных «слов» и «купцов».

В данном случае нам особенно интересны «слы». Бросается в глаза их высокое положение в обществе и государстве: они и в договоре стоят на первом месте, имеют золотые печати и право на привилегированное положение в самом Царьграде как высокие представители своей страны. Но и этого мало. Мы имеем здесь совершенно ясные указания, кого именно представляют эти делегаты.

Ивор является послом самого Игоря, великого князя русского. Он стоит на первом месте и выделен особо. Он не смешивается с остальными «общими силами». Среди этих последних в порядке их упоминания в договоре идут: Вуефаст — посол Святослава, сына Игорева; далее называется посол жены Игоревой, княгини Ольги, и Игоря, племянника Игорева; еще один представитель другого племянника Игоря — Якуна поставлен ниже. Здесь важно отметить, что послы даже жены Игоря и его сына попали в число «общих слов», чем подчеркивается особое значение великого князя Киевского, что находится в полном согласии с другими имею-

щимися в нашем распоряжении источниками. Называются дальше, по-видимому, княжие мужи — бояре и знатные женщины (а может быть, только одна), имевшие своих представителей в этом посольстве: Предслава¹ и жена Улеба Сфандра. Всех мужей названо 20. За ними идут купцы. Их 30. О том, кто эти мужи, мы уже говорили. Здесь необходимо подчеркнуть их положение при князе и значение в качестве уполномоченных от Киевского княжеского правительства. Это ведь все знать, те самые светлые князья и бояре, о которых так часто говорят договоры. Это те, о которых Святослав в договоре 972 года сказал «иже со мною», в отличие от других, которые были «под» ним. Не сами они едут в Византию, а посылают своих людей, людей из своих собственных дворов, приблизительно таких же, какие были у кн. Ольги и кн. Святослава.

Что в договоре 945 года представительство от князей и бояр не случайность, а система, видно из путешествия кн. Ольги в Царьград и приема ее при дворе византийского императора, описанного Константином Багрянородным. Ольга прибыла в Константинополь не одна, а с племянником, людьми собственного двора (8 человек), представителями кн. Святослава, представителями («апокрисиарии») русских вельмож (20 человек или 22), купцами (43 или 44 человека). У представителей-апокрисиариев «русской правящей знати» своя собственная свита. Стало быть, это люди не мелкие, представляющие еще более знатных людей. Здесь мы видим, по сути дела, совершенно тот же принцип, что и в делегации 945 года. Там был особо выделен князь Игорь, тут — княгиня Ольга: она называется в византийских документах гегемоном и архонтиссой руссов, т.е. так, как греки называли наиболее знатных и великих из иностранных гегемонов²; выделена она и ценностью подарков, выданных греками всему посольству. Ей подарили 700 милисиариев и золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями, между тем как племяннику Ольги, получившему подарок самый ценный по сравнению с другими членами посольства, выдано было только 50 милисиариев, а «апокрисиарии» русских вельмож получили только по 24 милисиария, а купцы — по 20³.

¹ М.С. Грушевский считает, что это мужчина — Предслав, на том основании, что женщины в договоре обозначаются «княгиня» или «жена». *Історія України-Русі*, I.

² *Изв. ГАИМК*, вып. 91, с. 71, прим. 117.

³ Там же, с. 47—48.

¹ С.М. Соловьев. Там же.

Княгиня Ольга ведет переговоры с византийским императором

В русском народном эпосе хорошо запомнилась эта черта в политическом строе Киевской Руси:

Гой еси, Иван Годинович!
 Возьми ты у меня, князя, сто человек
 Русских могучих богатырей;
 У княгини ты бери другое сто¹.

Становится понятным, почему у кн. Ольги свой собственный замок Вышгород, свое село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи и доселе»), у Рогнеды — Изяславль. Делается также понятным, для чего дань от древлян была распределена так, что две ее части поступали Киеву, а третья «ко Вышегороду». Сам летописец объяснил это так: «Бе бо Вышегород град Вользин». Но все эти сообще-

¹ Кирша Данилов. Древн. русск. стихотв., с. 138; С.М. Соловьев. Ист. России с древн. времен, изд. «Общ. Польза», т. I, с. 219.

ния летописи только небольшие куски старой жизни, несомненно, вырванные, так сказать, из контекста. Но и они при сопоставлении их с другими материалами дают нам основание думать, что князья и бояре X в. имели свои дворы и хозяйства, база которых, несомненно, заключалась в земле. В частности, это касается двора и хозяйства Ольги.

В этом аспекте делается понятным во всей конкретности знаменитое место летописи о путешествии кн. Ольги по Деревской и части Новгородской земель.

После окончания войны с древлянами Ольга восстановила дань, наложенную на них прежними князьями в усиленном размере («и возложи на ня дань тяжку»), а потом решила укрепить за собой Древлянскую землю новыми мерами, не довольствуясь той связью, которая через дань устанавливалась обычно победителем. «И иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки; суть становища ее и ловища». Те же административно-политические меры она применила и к части Новгородских земель в следующем году (947): «...и уставы по Мете повосты и дани (и по Лузе оброки и дани); ловища ея суть по всей земли знаменья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе». (Лаврент. летопись).

В Новгородской I летописи этот текст, особенно в части, касающейся Новгородской земли, звучит еще показательнее: «Иде Ольга к Новугороду и уставы по Мете погосты и дань; и ловища ея суть по всей земли и знамение и места по всей земли и погосты; а санки ея стоять во Пьскове и до сего дни; по Днепру перевесища и села, и по Десне есть село ея и доселе». В Ипатьевской: «Иде Ольга в Новугороду и уставы по Мете погосты и дань и по Лузе погосты и дань и оброки; и ловища ея по всей земли, и знаменья и места и погосты (и сани ея стоят в Плескове и до сего дне) и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и до сего дни».

Что же, собственно, делает Ольга в Древлянской и Новгородской землях? Мне кажется, она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земель создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти Киевского князя на местах.

Стоит ближе всмотреться в вышеприведенное сообщение летописи, чтобы основной его смысл сделался ясен.

Летописец повествует в только что процитированном тексте о двух моментах: один прошлый, связанный с непосредственной деятельностью Ольги, второй современный, доживший до времени писания «Повести временных лет», т.е. до середины XI в. Первый момент для Деревской земли выражен летописцем так: «И иде Вольга... уставляючи уставы и уроки»; в I Новгородской — «и уставы по Мете повосты и дани и по Лузе оброки и дани». Что же из этого вышло? В Деревской земле: «Суть становища ее и ловища», а в Новгородской «ловища ее суть по всей земли, знаменья и места и повосты. И сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и села по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе». Летописец даже несколько вынужден был расширить территорию деятельности киевского князя (может быть, уже и не Ольги даже), включив Днепр и Десну (где стояли Ольжичи), прихватив для своих итогов по аналогии следы работы и других князей.

При чем тут сани? Я думаю, что сани — это вещественное доказательство (предмет материальной культуры) того, что Ольга ездила по Новгородской земле. Сани эти берегли в Пскове подобно тому, как в Ленинграде бережется ботик Петра, в Новгороде — баржа Екатерины II и т.п. Ольга ездила в этих санях. Летописец это хорошо знал или крепко в это верил. Он использовал этот факт в своих целях. Дальше остались от времен Ольги «по всей земле» Новгородской — ловища, знаменья, места, повосты, а по Деревской земле становища и ловища, по Днепру и Десне — перевесища и села.

Летописец понимает, что он пишет о прошлом, связывая его, однако, с настоящим, и поэтому в заключение опять прибегает к доказательству: «И есть село ее Ольжичи и доселе». Но ведь Ольга «сел» как будто и не устраивала! По крайней мере, летописец об этом выше ничего не говорил. Вот тут-то и необходимо приглядеться ближе к тому, что делала здесь Ольга. Начнем с самого простого — с погостов («повосты»). Конечно, Ольга их не устраивала, так как она их застала давно существующими. Не в этом суть. Летописец говорит совсем о другом. Ему нужно сказать, что Ольга известную часть погостов взяла на себя, освоила их. В состав погостов входили и села. И вот в доказательство того, что это так и было, летописец приводит факт их наличия уже в его время. Более

убедительного доказательства он не смог привести, да и едва ли это было нужно.

Но кроме погостов и входящих в них сел Ольга брала на себя и «места». Что это за места? На этот вопрос, мне кажется, удачно отвечает И.И. Срезневский. «Не один раз находим в наших древних сказаниях, — пишет он, — место в смысле особенного сельбища. Так, например, в «Повести временных лет» читаем: «Ярослав церкви ставляше по градом и по местом», в Лаврент. летописи: «Несь места, ни еси, ни сел тацех редко, иде же (татарове) не воеваша»; в другой летописи (Ипатьев. летопись под 1290 г.) — «въеха в место, а в город нельзе бысть въехати...»¹

Основная мысль, заключенная в вышеприведенном тексте летописи, — это освоение Киевским князем земель, населенных и ненаселенных, на периферии государственной территории.

Обращаю внимание еще на одно место того же текста: Ольга ездит по Деревской земле «уставляючи уставы и уроки», «уставляет» она и по Мете и Луге. Уставы эти, по-видимому, главным образом сводились к определению повинностей населения по отношению к Киеву и киевскому князю, практическому осуществлению чего и служили княжеские места, погосты и села. Вспомним «Правду» Ярославичей с ее изображением княжеского имения, где огнищанин, подъездной (ездовой), вирник едва ли замыкаются в своей деятельности границами княжеской вотчины.

Уставы и уроки нам очень хорошо известны по «Правде Русской»: «Уставлена была Правда Русской земли», известны «уроки смердам, оже платят князю продажу», уроки о скоте, уроки ротные, мостовые, железные, городнии и др.

Я думаю, мы имеем полное основание привести здесь и аналогичный факт из времен Ярослава Мудрого. По отношению к Ростово-Суздальской земле он вел, по-видимому, ту же политику, что и его не очень далекие предки по отношению к Древлянской земле и бассейнам Меты и Луги. В IV Новгородской летописи отмечен факт: Ярослав в 1024 г. ездил по Ростово-Суздальской земле и «устави ту землю».

В связи с таким пониманием деятельности Ольги стоит и наше отношение к другим документам и, как мне кажется, прежде всего, к мало изученному Уставу Новгородского князя Святослава Оль-

¹ И.И. Срезневский. Чтения о древних русск. летописях. Прилож. к II т. Записок Акад. наук, с. 35. 1862.

говича 1137 г. Из его содержания и из заголовка видно, что новгородский храм св. Софии, по-видимому, со времен его построения содержался из средств княжеского двора¹, что Святослав Ольгович застал здесь уже хорошо налаженный порядок содержания княжеского храма. Приехавший с юга князь в Уставе своем пишет: «А zde в Новгороде, что есть десятина от даний, обретох уряжено прежде мене бывшими князи». То, что он застал здесь, его не удовлетворило, и он решил произвести реформу: вместо неопределенной и, по-видимому, слишком большой суммы поступлений от княжеских вир и продаж, поступавших из его двора в пользу св. Софии, он решил выдавать св. Софии определенную сумму в 100 гривен новых кун из Онежских земель, управляемых его уполномоченным (домажирич из Онега)². И только если у онежского домажирича не хватит средств выплатить всю сумму, то 20 гривен князь обещает выплачивать по-прежнему из своей казны. Далее идет перечень отдельных погостов и мест, расположенных к северу до самого моря, с которых князь решил отдавать св. Софии десятую часть своих даней: «В Онеге на Волдутове погосте 2 сорочка, на Тудорове погосте 2 сорочка, на Ивани погосте с даром 3 сорочка» и т.д.³ Обращаю внимание на то, что часть имен географических в этом перечне происходит от имен личных, которые, по моему мнению, надо относить к лицам, возвышавшимся над массой, может быть даже к прежним собственникам этих мест, теперь входящих в состав владений новгородского князя Святослава, получившего их после изгнания Всеволода.

К числу имен географических, получивших свои названия от имен личных, можно отнести следующие: Волдута, Тудор, Иван,

¹ «Устав, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших имати пискупом десятину от даний и от вир и продаж, что входит в княж двор всего». М.Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, I.

² Доможирец, по Срезневскому: домочадец. «Воздвиже господь... на Соломона Адера, своего ему доможирца» (Словарь). Мне думается, что это не простой домочадец, а уже более высокого ранга человек — дворецкий, огнищанин.

³ Барсов по поводу этого Устава говорит: «Из Устава 1137 г. видно, что в это время колонизационная область новгородцев достигала на с.-в. только Пинеги, что славянское население было в ней крайне малочисленно и редко. На необозримом пространстве от Онежского озера до Белого моря, Пинеги, Ваги и Сухоны этот Устав насчитывает только 26 местностей, в которых успели тогда утвердиться новгородцы. Ясно, что конец XI в. следует признать эпохой первого утверждения новгородского славянства в Поонежье и Подвинье» (Очерки русск. истор. географии, с. 203. Варшава, 1885).

Спирк, Вихтуй, Чюдин, Лигуй, Вавдит, или Валдит, и др. Я не беру на себя смелость утверждать, что я правильно отделил географические имена от личных, тем менее буду настаивать на тождестве лиц, упоминаемых в договорах с названными в грамоте Святослава Ольговича (Спирк-Сфирк, Тудор-Тудор, Лигуй-Лидул). Но я допускаю, что «прежде бывшие князи» в Новгороде, т.е. предшественники Святослава Ольговича, его «прадеды и деды» (отец Святослава Олег, дед — Святослав Ярославич, прадед Ярослав Мудрый, прапрадед Владимир Святославич, дальше идут по восходящей Игорь и Ольга — это и есть «прадеды и деды» Святослава Ольговича) «установили» Новгородскую землю, т.е. завели здесь свои княжеские погосты и села, обложили их «оброками и данями», снабдили их «указами и уроками». Иными словами, я допускаю, что освоение земли в Новгороде началось давно, и что Ольга «устанавливала» лишь там, где еще этих княжеских владений не было. Если Ольга устраивала свои земли, погосты и села в местах, мало освоенных (Деревская земля, бассейн Луги и Меты), то центральные части владений киевского князя (земля полян, прежде всего) были «устроены» раньше. Иначе едва ли могло быть.

Барсов, стало быть, считает, что в Уставе Святослава Ольговича названы все места, занятые новгородскими славянами. Едва ли это на самом деле так, потому что на основании разысканий самого Барсова видно, что тут названы места в самых разнообразных пунктах Новгородских владений: на севере по рекам Онеге, Ваге, на р. Вытегре, на юге Онежского озера. Не исключена возможность наличия и еще более южных мест (Барсов называет даже район Тихвина), на востоке — р. Вытегра и оз. Лача. Очень маловероятно, чтобы «колонизация» шла такими огромными и ничем не оправдываемыми скачками. Несомненно, что между Тихвином и Онегой были и другие земли, принадлежавшие новгородцам. Но самое главное возражение против толкования Устава Барсовым падает не на эти шаги колонизации, а на необходимость прибегать к «колонизации» вообще для объяснения Устава. Без «колонизации» Устав объясняется, как мне думается, лучше. Перед нами не славянская колонизация, а освоение земли и сидящего на ней населения без различия этнических его особенностей вооруженными дружинами новгородской знати, тоже без различия этнической ее принадлежности. Все эти Волдуты, Тудоры, Сфирки и др. едва ли были славянами. Предки их либо приходили сюда в богатую пушниной и другими ценностями страну из какой-либо соседней

земли, либо, с такой же вероятностью, могли быть местной знатью, как думает не без основания М.К. Любавский. И те и другие, однако, могли попадать и в дружину к русским новгородским князьям, что, несомненно, и случилось с Чудином и, возможно, с некоторыми другими.

Часть их владений могла перейти к князьям Рюриковичам по мере усиления их политического могущества.

Предлагаемое мною объяснение, конечно, гипотеза, но она кажется мне более реальной, чем толкование, не менее гипотетическое, Барсова.

Итак, и князья киевские, и их окружение, бояре-мужи, не оторваны от земли, они, признавая над собой княжескую власть, сами участвуют в управлении страной. Но мужи-бояре не теряют в то же время своей личности. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в лице Свенельда перед нами один из таких крупных представителей знати. В.А. Пархоменко настаивает на том, что Свенельд был древлянским князем и одно время сидел князем в Новгороде¹. А.А. Шахматов считает, согласно с летописью, Свенельда боярином, мужем кн. Игоря, посаженным Игорем в Деревской земле. Свенельд или, вернее, его сын Мстислав Лютый убил Игоря, когда этот последний захотел нарушить права Свенельда на древлянскую дань². Из этих двух гипотез вторая, более близкая к текстам летописи, представляется мне и более вероятной. А.А. Шахматов старается осмыслить поведение Свенельда и Игоря в летописном рассказе о смерти Игоря и прибегает здесь к ряду остроумных и правдоподобных догадок, но не меняет социальной природы героев, В.А. Пархоменко идет значительно дальше А.А. Шахматова. Я не собираюсь разбирать весь этот интересный эпизод. Меня интересует Свенельд как княжой муж, по аналогии с которым мы смогли бы понять и других мужей, посылавших по поручению кн. Игоря своих уполномоченных в Византию. Свенельд — богатейший человек, имеющий свою прекрасно снабженную всем необходимым сильную дружину, за свои военные и политические заслуги посаженный кн. Игорем на очень ответственный пост представителя княжеской власти в завоеванную, но далеко еще не замиренную Древлянскую землю. У нас нет прямых показаний источников

¹ В.А. Пархоменко. Начало христианства Руси, с. 120. Полтава, 1913.

² А.А. Шахматов. Разыскания о древнейших русск. летописных сводах, с. 364—365.

о том, что он землевладелец, получающий ренту со своих вотчин. Но поскольку нам известно, что князья и княгини в это время уже владели замками и селами, абсолютно не будет грехом, если мы допустим, что Свенельд и в этом отношении обставлен не хуже своего сюзерена¹. Конечно, это только одно из возможных предположений.

Факты выступлений феодальной знати против своих сюзеренов в истории любой феодальной страны слишком хорошо известны. Стоит вспомнить хотя бы знаменитого палатного мэра Пипина Короткого, провозгласившего себя королем на место последнего Меровинга и дважды помазанного римским папою. Свенельд с таким же успехом мог бы стать родоначальником новой династии князей киевских, если бы ему удалось одолеть Рюриковичей. Предположение свое я строю на гипотезе Шахматова о серьезном столкновении Свенельда с Игорем. Но, может быть, этого столкновения и не было. Сам Шахматов, очень остроумный в своей догадке, говорит о существовании во время писания летописи «двух различных сказаний»: «По одной версии он (Мстислав Свенельдич. — Б.Г.) убил киевского князя (Игоря. — Б.Г.) и этим вызвал войну киевлян с древлянами, по другой — он убит древлянским князем, и это убийство вызвало войну киевлян с древлянами»².

Во всяком случае, Свенельд — один из знатных мужей, признававших над собой власть кн. Игоря, а позднее Святослава. Таких же знатных мужей летопись называет нам не раз: таковы, на-

¹ С.В. Бахрушин указывает мне на то, что я, «несмотря на тщательный подбор примеров... для X в. смог привести только несколько указаний легендарного характера о княжеских селах этого времени, притом заимствованных из позднейшей литературы» («Историк-марксист», III, стр. 169, 1937). Он держится мнения, что собственное имя села кн. Ольги, Ольжичи, ничего общего с Ольгой не имеет, кроме созвучия. Созвучие я легко могу уступить С.В. Бахрушину, но принадлежность этого села кн. Ольге, засвидетельствованная летописцем, остается в силе до тех пор, пока кто-либо не докажет ошибочность мнения летописца, который настойчиво уверяет нас, что это село было еще и в его время. Дело не в названии: в Новгородской I оно просто пропущено, но на Ольгином селе на Десне летописец настаивает. Замечание С.В. Бахрушина о том, что село Берестово, принадлежавшее Владимиру, упоминается автором не раньше времен Ярослава, решительно не опровергает факта наличия у Владимира этого села. Не обязательно, чтобы факты, сообщаемые авторами 30—40 лет спустя, были неправдоподобными только потому, что они записаны с некоторым запозданием. В таком же роде и третье возражение критика. Между тем у меня приведено не три, а шесть примеров княжеского землевладения в X в.

² А.А. Шахматов. Указ. соч., с. 371—372.

пример, Асмуд, современник Свенельда, Блуд, воевода Ярополка, а потом Владимира, Георгий Симонович, при Владимире Мономахе и др. У нас есть основание думать, что и те мужи, которые в качестве «слов» названы в договорах Игоря и Олега, такие же большие знатные люди, вместе с которыми действуют князья не только во внешних сношениях с другими государствами, но и в делах внутренних.

Владимир постоянно совещается со своими боярами и старцами градскими, дети Ярослава созывают своих бояр для установления «Правды Русской». Подобных фактов много. Приводить их не буду.

Старый спор Ключевского, Сергеевича и Владимирского-Буданова о том, обязан ли был князь совещаться с подручной ему знатью, отпадает сам собой как совершенно бесплодный. Князь не мог действовать один, поскольку он осуществлял, прежде всего, интересы растущего класса бояр. Они шли вместе со своим вождем, великим князем, потому что иначе в данный период их существования они не могли достигнуть своих целей, т.е. укрепиться в своих позициях. Это для данного момента единственно возможная форма политического господства знати, но, в то же время, эта могущественная знать являлась и залогом силы князя киевского. Сотрудничество этих сил неизбежно. Следующий период, период феодальной раздробленности, есть период усиления независимости магнатов, роста политического значения горожан и ослабления княжеской власти.

Этот новый период пока еще не наступил. Киевский князь еще не потерял своей власти. Он признанный глава государства. Но это не самодержец. Он представитель правящей знати, признающей над собою власть великого князя в своих собственных интересах, разделяющей с ним власть. Это — аристократия. Среди этой подручной великому князю знати мы видим и Святослава, сына Игоря, который, согласно сообщению Константина Багрянородного, сидел тогда (или, во всяком случае, был одно время) в Новгороде, самом настоящем Новгороде Великом (иначе нельзя понять ясного смысла сообщения Константина, где последовательно вслед за Новгородом, отправляющим свои однодеревки в Киев, идут Смоленск и Любеч). Он тоже находится под властью великого князя киевского.

Понятно, почему рядом с этой аристократией, возглавляемой князем, мы не видим никаких конкурирующих политических учреждений.

Относительно данного периода нашей истории совершенно не прав В.И. Сергеевич, говоря, что политический строй Древней Руси характеризуется «смешанной формой правления, в которой участвуют два элемента, а именно: монархический в лице князя и народный в лице веча»¹. Это определение политического строя может быть отнесено к периоду феодальной раздробленности, да и то со значительными оговорками.

Вечевых собраний в период существования Киевского государства наши источники не знают, да и не могло их быть при известных уже нам условиях. Они появляются позднее.

Не прав В.И. Сергеевич и тогда, когда видит вечевое собрание в договорах Руси с греками. По его мнению, факт, что для заключения договора в Византию отправляются послы не только от имени князя и его бояр, но и от людей всех русских («людье вси рустии»), говорит о том, что и здесь инициатором договора является вече. Сергеевич прямо так и говорит, что «под людьми Игоря, принимающими участие в заключении договора, надо разуместь все наличное население Киева, а не какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей». Но стоит нам только присмотреться ближе к тексту договора 945 года, и мы получим основание усомниться в правильности заключения В.И. Сергеевича. Эти тексты были приведены выше. Там действительно, после упоминания князя Игоря и бояр его, названы «и людье вси рустии». Но точно такой же перечень имеется здесь и применительно к греческой стороне: цесари греческие, все боярство и «все люди греческие...». «Людье вси рустии» здесь играют ту же самую роль, что «все люди греческие», но никому ведь не придет в голову предполагать тут константинопольское вече. Здесь перед нами представительство двух правительств, говорящее от имени всех своих людей, и больше ничего. Тем более что в договоре 911 года совершенно ясно выражено, кто именно заключает договор: послы для заключения договора посланы от Олега, великого князя русского, и от всех, «иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр».

Договор 945 года упоминает «всех русских людей» совсем с другими расчетами. Русский князь говорит о всех русских людях для того, чтобы крепче подчеркнуть непосредственно следующую за этими фразами мысль об обязательности договоров для всех

¹ В.И. Сергеевич. Лекции и исследования, изд. 3-е, с. 130—143.

русских людей. Не от имени веча заключались договоры, а от имени князя и боярства, но князь здесь стоит всегда на первом месте.

В текстах всех договоров несколько раз подчеркивается мысль, что греческие цари имеют дело с великим князем русским, представляющим всю свою страну. Русский великий князь Игорь имеет право посылать сколько хочет кораблей в Грецию, но должен сообщать грекам в особой грамоте, сколько именно кораблей он посылает. Это, конечно, для контроля, чтобы под видом кораблей русского князя не проникли в Грецию корабли, так сказать, безответственные. Договор оговаривает и случай, если придут корабли из Руси без грамоты. Тогда они задерживаются впредь до выяснения, для чего греческое правительство обращается к князю русскому. К нему же обращается византийское правительство и в других случаях. Другими словами — русский князь Игорь, по данным договора, является главой государства. Он разрешает недоразумения, возникающие между двумя государствами, он запрещает своим послам творить бесчиния в греческой стране, он просит военной помощи у греческих царей в случае нужды, он обязуется помогать своей военной силой грекам, что русские князья неоднократно и делали, он гарантирует неприкосновенность Корсунской страны, он же за всех своих людей обещает хранить в неприкосновенности условия договора. «Игорь, великий князь, да хранит си любовь правую, да не разрушится дондеже солнце съяет и весь мир стоит в нынешния веки и в будущая», т.е. здесь подчеркивается непрерывность власти: договор остается в силе и при преемниках Игоря.

Договор 971 года кн. Святослава в этом отношении еще ярче. Он начинается с подчеркивания власти князя Святослава: «Аз Святослав, князь Руский, якоже кляхся, и утверждаю на свещанье сем роту свою. Хочю имети мир и свершену любовь...» Но это еще не значит, что Олег, Игорь и Святослав, с именами которых связаны наши договоры, — самодержцы в смысле неограниченности своей власти внутри страны. Самодержавие в этом смысле явление позднее, выросшее при других условиях. Власть Олега, Игоря, Святослава и Владимира есть власть правящей киевской знати, возглавляемой князьями. Эта власть выросла в боях в результате удачных походов на соседние племена и народы; власть эта росла до тех пор, пока ее рост был в интересах господствующих классов не только победителей, но очень скоро и побежденных. Власть эта, однако, покоилась на непрочном основании, поскольку государство не было крепко спаяно и постоянно обнаруживало

трещины, что требовало самых энергичных мер для поддержания государственного единства. Но слабой ее считать нельзя, так как дружина и неслужилая знать были заинтересованы в том, чтобы власть их вождя не была призрачной. Киевский князь в этот период нашей истории, как мы могли убедиться, решительно ничего общего не имеет ни с «платным военным сторожем», ни с «политической случайностью» и еще меньше с «блуждающей кометой», как он представлен у Ключевского.

Здесь я не останавливаюсь на функциях князя в области законодательства, управления страной и суда, на его роли предводителя военных сил страны. Эти стороны деятельности киевского князя еще больше подчеркивают значение его власти в политическом строе Киевского государства.

Борьбу князей за единство территории я предполагаю показать на конкретной политической истории Киевского государства, а сейчас хочу отметить главнейшие моменты в истории княжеской власти.

1. Власть эта не оставалась неизменной на протяжении двух веков существования Киевского государства.

2. Несмотря на лоскутность Киевского государства, несмотря на неоднократные и вполне ощутительные попытки отдельных его частей нарушить политическое единство страны, эта власть в течение всего X и половины XI в. оказывалась победительницей.

3. Это, хотя и неустойчивое, единство дало возможность созреть элементам распада, росшим в недрах государства.

4. Землевладельческая знать, смогшая усилить благодаря этой государственной организации (несмотря на ее примитивность) свою материальную и политическую независимость, привела государство к распаду.

Так в недрах Киевского государства таились и росли силы, создавшие новый период нашей истории, период феодальной раздробленности.

3. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ДРЕВНЕРУССКОМ ВЕЧЕ

В этой книге, посвященной Киевскому государству, о вече говорить совсем не обязательно по той простой причине, что в Киевском государстве вече, строго говоря, не функционировало: расцвет вечевой деятельности падает уже на время феодальной раздробленности.

Оправданием этой главы служит лишь тот факт, что в нашей литературе по вопросу о вече далеко не всегда различаются два периода в истории нашей страны: период Киевского государства, когда вече молчит, и период феодальной раздробленности, когда оно говорит и даже достаточно громко. Для того, чтобы отметить эти два периода, показать их соотношение как двух периодов, обусловливающих друг друга, но, тем не менее, существенно различных, несколько замечаний о древнерусском вече, мне кажется, будут не лишними. Но замечания эти играют лишь служебную роль по отношению к главам, посвященным политическому строю Киевского государства.

О древнерусском вече писали очень много. Можно сказать, что ни один историк Древней Руси не обходил молчанием этот институт.

В нашей литературе имеется и ряд специальных работ, посвященных этому предмету¹.

Однако нельзя сказать, что этот вопрос решен окончательно. В самом объемистом и полном исследовании по этому специальному предмету В.И. Сергеевича, которое по праву занимает в нашей исторической литературе первое место, как раз и выявлено было много сторон дела, требующих новых дополнительных разысканий.

В настоящей главе я не ставлю перед собой задачи пересмотра вопроса в целом, а хочу лишь остановиться на вопросе о периодизации в истории этого института, поскольку это важно для определения характера Киевского государства.

В.И. Сергеевич полагает, что вече существовало на протяжении всей нашей древнейшей истории до татар. Ссылаясь на известный текст Лаврентьевской летописи под 1176 г. («Новгород-

¹ С.М. Шпилевский. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV // «Юрид. журнал», 1861, № 5; В. Дьячан. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменения их устройства в XIV и XV вв., 1882; А. Лимберт. Предметы ведомства вече в княжеский период древней России. 1877; В.И. Сергеевич. Вече и князь, 1867; Русск. юрид. древности, т. 2; Он же. Первичные народные собрания у германцев и греков // Журн. мин. юст., XII, 1907; И.А. Линниченко. Вече в Киевской области. Киев, 1885; Довнар-Запольский. Вече. Русск. ист. в очерках и статьях под ред. Довнар-Запольского, т. I; Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права, глава о вече и Прибавления: «О законных и незаконных вечевых собраниях», «Об отношении пригородного вече к вече старшего города»; Ф.В. Тарановский. Отзыв о сочинении В.И. Сергеевича «Древн. русск. право», 1911, с. 45—68 и пр.

ци бо изначала и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вече сходятся...») и на другие места летописей, он делает решительное заключение: «Итак, по мнению начального летописца и позднейшего, жившего в конце XII века, вече было всегда». И дальше, пытаясь доказать этот в сущности уже принятый им тезис фактами, он продолжает: «Но мы можем привести и официальные документы X века, свидетельствующие об участии народа в общественных делах того времени. Это договоры Олега и Игоря с греками. Первый договор заключен был не только от имени князей, но «и ото всех иже суть под рукою его сущих Руси» (911 г.). Для заключения второго договора послы были отправлены «и от всех людей Русския земли»¹. Выше он выражается по этому предмету не менее решительно: «Вече как явление обычного права существует с незапамятных времен» и приводит в доказательство как слова Лаврентьевской летописи об «изначальности» этого обычая, так и факты о полянах, сдумавших дать хазарам от дыма меч, о поведении древлян в переговорах с кн. Ольгой, об осаде Белгорода печенегами и др.

Васнецов В. Вече во Пскове

¹ В.И. Сергеевич. Русск. юрид. древности, т. II, с. 33, 1900.

Так, вече в изображении В.И. Сергеевича существует в Древней Руси непрерывно. Лишь татарское завоевание, по мнению В.И. Сергеевича, очень решительно разрывает историю вече. «Событием первостепенной важности, — пишет В.И. Сергеевич, — проложившим путь к новому порядку вещей, является татарское завоевание... Нашествие татар впервые познакомило русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развития вечевой деятельности была сразу уничтожена»¹.

Вопрос слишком серьезный, чтобы над ним не задуматься еще и еще раз.

В работах более поздних, писанных после выхода в свет книги В.И. Сергеевича «Вече и князь», имеются образцы иного подхода к теме. Так, Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» разбивает историю вече на несколько эпох. Это видно из заголовков соответствующего отдела его книги: «Происхождение и первая эпоха в истории развития народных собраний», «Вторая эпоха в развитии народных собраний», «Третья эпоха вечевых собраний». Первая эпоха — VI—IX вв. — характеризуется тем, что здесь живут «племенные сходки», вторая — IX—X вв. — «переход от племенного собрания к городскому», когда «для решения дел сходятся в старший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города», и третий период — XI—XIII вв. — «есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную и полного развития ее прав. Она совпадает со временем окончательного установления власти старших городов»².

Близко примыкает к Владимирскому-Буданову и Довнар-Запольский в своей специальной статье «Вече»: «Древнерусское вече не зародилось на глазах истории: начало его лежит в древнейших обычаях славян». Дальше автор приводит ссылку на Прокопия, вспоминает древлян, договоры с греками и «изначальность вечевоего строя» по цитате из Лаврентьевской летописи, т.е. идет здесь за Сергеевичем. Но в дальнейшем он расходится с последним и пользуется схемой Владимирского-Буданова, внося, однако, в нее немаловажные поправки и дополнения. По его мнению, «за исключением Новгорода и Киева, т.е. полян и новгородских славян, в

среде остальных племен русские князья держались военной силой. Когда князь господствовал с помощью наемного войска, притом большей частью иноземного, то голос вече не мог сказываться. Однако вечевая жизнь не была совершенно подавляема военной силой. Вече продолжало ведать дела, касающиеся племени или отдельных городов, так как князья совершенно не вмешивались в управление, довольствуясь одною данью... С развитием княжений вече теряет свой племенной характер, потому что княжества не всегда совпадали с древними границами племени. В эту эпоху, т.е. с конца XI в., начинается быстрое развитие вечевых отношений».

Причины падения вечевых собраний для Московской Руси и для Литовской не одинаковы. Для Восточной Руси «одной из серьезнейших причин» было татарское завоевание, второй причиной автор считает особый характер Московской Руси. «Вече, — пишет он, — создание городской Руси, создание подвижного торгового населения. В Северо-восточной Руси условия жизни были совершенно иные: это земледельческая Русь, противоположность торговой Днепровской и Волховской. Сельскому человеку трудно было откликаться на все явления политической жизни...». В Западной Руси «вече работает более спокойно и, за немногими исключениями, мирно уживается с наследственной княжеской властью». После включения этой Западной Руси в состав Литовского государства «вече некоторое время продолжало свое существование... хотя, конечно, лишенное своего политического значения. Потеря политической самостоятельности превратила здесь вече из органа политического в местную самоуправляющуюся единицу», и, в конечном счете, вече превращается в «сейм».

Как мы видим, история вече у Довнар-Запольского, как, впрочем, и у других авторов, связана с представлением обо всем процессе развития Древней Руси: городская торговая Русь в бассейне Днепра и Волхова противопоставляется Довнар-Запольским Руси деревенской, земледельческой, Северо-восточной: племенной строй, по его мнению, существует во время Киевского государства и распадается лишь во время уделов, иноземная военная сила князей, за непонятным с этой точки зрения исключением Киева и Новгорода, препятствует развитию вечевоего строя, князья самым явным образом «не вмешиваются в управление» и пр. Однако попытка рассматривать вече в его развитии и желание внести периодизацию в жизнь этого института у автора, несомненно, имеется.

¹ В.И. Сергеевич. Русск. юрид. древности, т. II, с. 34.

² М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права, изд. 5-е, с. 53—54.

У М.Н. Покровского, с одной стороны, мы видим признание, что вече имеет свою историю. «Было бы очень неосторожно, — пишет он, — думать, что вече на всем протяжении своей истории всегда было одним и тем же»¹. Но он же и отказывается изучать эту историю: «Мы не будем пока касаться вопроса о происхождении вечевого строя, ни эволюции последнего...» — говорит он, а в другом месте объясняет, почему он это делает: «Мы отделяем древнейшее племенное вече... от позднейшего городского», но «связывать эти два явления как последовательные звенья одной цепи развития» он не видит оснований: «Киевское городское вече возникает, можно сказать, на наших глазах в совершенно определенной социально-экономической обстановке: нет ни малейшего смысла искать ему определенных предков»².

Высказав правильную мысль о том, что киевское вече XII в. отлично от вече родового общества, Покровский едва ли поступает правильно, отказываясь искать хотя бы и отдаленных предков киевского народного собрания XII в. Ведь задача историка, прежде всего, и заключается в том, чтобы изучать общественные явления в их последовательном развитии. Покровский не пожелал этим заниматься. Изложив свои принципиальные соображения и успокоившись на том, что нет смысла углубляться в прошлое для изучения вечевых собраний XII в., он в своих рассуждениях о вечевом строе города ограничивается лишь фактами XII в.: «Древнерусские республики, — пишет он, — начали аристократией происхождения, а кончили аристократией капитала. Но в промежутке они прошли стадию, которую можно назвать демократической. В Киеве она падает как раз на первую половину XII в. В этот период хозяином русских городов является действительно народ»³.

Важнейшие периоды этого процесса мне представляются в следующем виде: к IX в. у народов, населявших бассейн Волхова — Днепра, уже налицо классовый строй, остатки родового общества заметно уходят в прошлое: в нескольких местах этой большой территории уже наметились политические объединения, выросшие на развалинах племенного строя: к концу IX в. можно

¹ М.Н. Покровский. История России с древн. времен, т. I, с. 73, 1920.

² М.Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I, с. 247.

³ М.Н. Покровский. История России с древн. времен, т. I, с. 73—74. Критику взглядов Покровского я даю в сб. «Против исторической концепции М.Н. Покровского», ч. I.

говорить о наличии «варварского» государства с Киевом во главе, непрерывно и быстро растущего в течение X и в начале XI в.; высшая точка развития этого государства есть в то же время и момент созревания сил, готовых его разрушить; распад этого лоскутного «варварского» государства обусловлен ростом отдельных его частей с крупными городами во главе: этот рост связан не только с повышением экономической силы этих городов, но и с подъемом политического значения городской массы, с которой вынуждены считаться не только верхи общества, но и размножившиеся князья: дальнейшая история частей распавшегося Киевского государства определяется соотношением классов в каждой из них.

Эти предпосылки, доказывать которые я здесь не собираюсь, я кладу в основу пересмотра вопроса о периодах в истории древнерусского вече.

Итак, из приведенной историографической справки выясняется, что с периодизацией истории вече дело обстоит неблагоприятно. Причина этого совершенно ясна. Нельзя отделять историю вече от истории нашей страны в целом: вопрос о вече — только деталь, хотя и очень важная, общего исторического процесса, и потому неудивительно, что мы имеем в нашей литературе значительные разногласия в трактовке столь сложного предмета.

Но и этого мало. Не трудно даже из очень краткой историографической справки, приведенной выше, убедиться в том, что не все авторы, писавшие о вече, вкладывают одинаковое содержание в этот термин. Владимирский-Буданов, например, как мы уже видели, находит возможным считать вечем и те совещания, которые устраивал кн. Владимир в Киеве, созывая для этого старцев и бояр и «люди многы». Сам Владимирский-Буданов видит опасность в этом понимании термина «вече» и спешит предупредить читателя, что в подобных «общеземских думах» совмещаются два будущих учреждения — боярская дума и «вече». Не совсем понятно, почему автор говорит здесь о «будущих» учреждениях, включая сюда и вече, если он считает, что эта «общеземская дума» есть «второй этап» в истории вече и представляет собой «переход от племенного собрания к городскому». Несколько разъясняет это недоумение лишь то, что автор городское народное собрание считает вечевым собранием с наиболее развитыми формами этого органа власти.

Термин «вече» происходит от корня «ве», откуда «вещать», совершенно соответствующее — *colloquium, parlamentum*. Это — народное собрание для обсуждения и решения важных общих дел.

На мой взгляд, нет никаких оснований прибавлять к этому определению какие-либо разъяснительные дополнения вроде собрания «старшего города» или собрания «племенного»; сужением термина будет и определение его как «органа государственной власти», потому что тогда естественно возникает вопрос о том, можно ли считать вече народное собрание догосударственного периода нашей истории?

Для удобства и ясности дальнейшего изложения необходимо остановиться на определенном понимании предмета нашего изучения. В качестве исходного положения мне кажется необходимым принять определение термина «вече» как народного собрания (классового и доклассового общества) для обсуждения и решения общих дел. Предполагается — важных, поскольку по пустякам народное собрание не созывается.

Отсюда вытекает неизбежность изучения народного собрания на протяжении веков с самым внимательным учетом условий, при которых жило вече. Характер этих условий определяет и периодизацию в истории этого важнейшего института нашей древности.

Если и старые наши историки на основании показаний наших источников склонялись к признанию «племенного веча», то нам, если мы примем во внимание огромный материал, собранный Морганом, придется не только признать это древнее происхождение вечевых собраний правильным, но и значительно углубить самую проблему. К тому же мы имеем специальную работу Энгельса, построенную на этом богатейшем материале, где автор дает свои соображения об эволюции доклассового строя, о появлении классового общества и государства с главнейшими его учреждениями. Месту вечевых собраний в этом процессе уделено специальное внимание.

Сейчас мы можем говорить о том, что при родовом строе роль народного собрания зависела от той ступени развития, на какой этот родовой строй находился в данный момент.

1. Управление племенем советом вождей, избранных родами. Эта форма господствовала по общему правилу у племен, стоящих на низшей ступени варварства.

2. Координирование между советом вождей и высшим военачальником. Этот порядок сложился на средней ступени варварства.

3. На высшей ступени варварства наблюдается управление советом вождей, народным собранием и высшим военачальником.

Этот порядок продолжал существовать до «учреждения политического общества», т.е. государства.

«По общему правилу совет (вождей. — Б.Г.) был открыт для каждого частного лица, пожелавшего высказаться на нем по поводу общеизвестного дела... Но решение выносилось советом».

Так как совет избирался племенем пожизненно, но члены его могли всегда быть смещены, то, естественно, в совете «народный элемент неизбежно должен был иметь доминирующее влияние»¹.

Появление государства изменяет эту систему.

Начальный момент в истории образования государства Энгельс для германского общества изображает в следующих чертах: 1. «Наступил момент для превращения власти военного вождя в королевскую власть, и это превращение совершилось». 2. «Совет старшин, если он давно не исчез, не мог бы собираться и был вскоре заменен постоянными приближенными короля». 3. «Старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также становилось все более и более собранием лишь низших военных начальников и вновь нарождающейся знати»².

Конечно, в разных частях Европы, у разных народов от этой схемы, естественно, должны были быть некоторые отклонения, но в основном эти этапы в развитии государственной власти верны и для других народов. Древнейшие и притом достаточно ясные сведения о политическом строе славян мы имеем у Прокопия (середина VI в.): «Славены и анты, — пишет он, — не управляются одним лицом, но с давних времен живут в демократическом правлении, и поэтому у них всякие дела решаются общим собранием». Об этом общем собрании (вече) Прокопий рассказывает по поводу событий, связанных с именем греческого воеводы Хилвудия. Для решения вопроса собрались «почти все анты». Они решили действовать сообща. Тут же они принуждают псевдо-Хилвудия принять на себя роль подлинного Хилвудия и намечают поход на Византию и подунайских славян.

Маврикий (конец VI в.) характеризует славян приблизительно так же: «Они не имеют правления, — пишет он, — и живут во вражде между собою: у них много начальников, которые не живут в мире, поэтому полезно привлекать некоторых из них на свою сторону обещаниями, словами или подарками, в особенности ближай-

¹ Л. Морган. Древнее общество, с. 70—71. Л., 1934.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, с. 129.

ших к нашим границам, и тогда нападать на других славян, чтобы общая война их не спаяла и не объединила под одну власть»¹.

У Иордана (VI в.) мы имеем очень интересное сообщение о наличии у антов князя или короля (*rex*), который упоминается здесь вместе с 70 старейшинами, вождями (*primates*). Остготский Винитар воюет с антами, анты его бьют, но потом ему удается взять их князя Божа (*regem eorum Voz nomine*) в плен. Этого Божа вместе с сыновьями и 70 старейшинами он распинает².

Анты, вне всяких сомнений, — славяне, жившие на территории современной Украины и севернее ее. Бож, несомненно, — военачальник значительных сил, старейшины — едва ли не вожди, избранные родами. Трудно как-либо иначе понять эти сообщения.

Перед нами родовое славянское общество высшей ступени варварства.

В X в. существование Киевского государства тоже не вызывает у нас никаких сомнений. Тут, как мы уже видели, налицо власть киевского князя с подчиненными ему князьями и боярами. Имеется при князе совет старейшин, в экстренных случаях, быть может, в городах собирается и вече (точных сведений у нас нет), но, во всяком случае, это уже не то вече, о котором упоминал Прокопий. Ни в X в., ни в первой половине XI в. для развития вечевого строя благоприятных условий в Киеве нет. Власть киевского князя слишком сильна, город политически еще слишком слаб, чтобы рядом с нею могло процветать городское вече. Если не считать исключительных случаев, известий о вечевых собраниях в X в. у нас нет. Исключительные случаи я вижу в описании двух осад городов печенегами (Киева в 968 г. и Белгорода в 997 г.) в отсутствие князей с их дружинами.

Под 968 г. описывается осада печенегами Киева в то время, когда Святослав с войском воевал в Болгарии Дунайской. В описании этой осады ни разу не называется вече, но оно как бы подразумевается. Осажденные оказались в безвыходном положении. «И вѣстужиша людье в граде и реша: «Несть ли кого, иже бы мог на ону страну дойти и рещи им: аще не подступите заутра, предатися имамы печенегом». И рече один отрок: «Аз преиду»; и реша: «Иди». Перед нами народное совещание, на котором обсуждается тяжелое положение киевлян и способы спасения. Другой по-

добный случай — осада печенегами Белгорода. Сообщение о событиях 997 г., несомненно, легендарного характера. Оба события записаны позднее, уже в XI в. Во втором случае вече называется полным своим именем.

В рассказе об осаде Белгорода отмечены некоторые черты городского строя X в., надо думать, сильно переплетенные с фактами того же рода XI в. Тут мы имеем старейшин градских и людей — горожан. Нетрудно заметить руководящую на вече роль старейшин градских. Белгород — это княжеский любимый город-замок. Осада его печенегами происходит в отсутствие князя и дружины. Горожанам пришлось выдержать осаду и проявлять свою инициативу. Собирается вече; оно выносит решение о необходимости сдачи города. Один старец, не бывший на вече, но имевший свой собственный план защиты города, желает приостановить решение веча и обращается с этой целью к «старейшинам градским». Старейшины с радостью отменяют вечевое решение. («Они же ради обещахася послушати».) Надо думать, что если они с такой легкостью отменяют решение веча, то, очевидно, они, во-первых, очень активно участвовали в принятии первого решения и, во-вторых, имели силу провести отмену решения. Для суждения о вече с этими фактами, конечно, необходимо считаться, но с серьезными оговорками. Необходимо также обратить внимание и на другую сторону дела: если бы был здесь в это время князь с дружиной, едва ли бы вообще понадобилось собирать вече. Князь с дружиной действовали бы по собственной инициативе, как это вытекает из многочисленных аналогичных случаев. Как правило, в X в. при наличии князя в городе вече не встречается. При князе мы видим всегда совет старейшин города, или, иначе, старцев градских, бояр и дружину.

Со старейшинами и боярами Владимир решает вопрос о принятии христианства, по совету старцев и бояр он отправляет послов в Византию для ознакомления с христианским культом, перед ними же, старцами и боярами, отчитываются эти послы в исполненном поручении, князь со старцами и боярами решает вопрос о преимуществах вир перед местью. Летописец, подводя итоги политической деятельности Владимира, говорит о нем так: «Бе бо Владимир любя дружину и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем»¹. Но нельзя все-таки сказать, что

¹ Mauricius Strategicum, XI, 5.

² Иордан, гл. 48.

¹ Лаврентьевская летопись, с. 124. 1897.

народ безмолвствует даже в это время наибольшей силы княжеской власти в Киеве. Мы уже видели, как этот народ вел себя в осажденном печенегами Киеве в 968 г. «Люди» киевские активно участвуют в различных киевских событиях, хотя и не играют здесь решающей роли. Под 983 г. в летописи записан рассказ о двух варягах-христианах, сыне и отце, погибших вследствие нежелания отца выдать своего сына в жертву языческим славянским богам. По предложению «старцев и бояр» был брошен жребий, который и выпал на юношу-варяга. Когда же отец его решительно отказался принести в жертву своего сына, посланные от «старцев и бояр» обращаются к «людям» («...шедше поведаша людем»), и эти «люди» «вземше оружие, поидоша на нь (варяга) и роззяша двор около его»¹.

Конечно, это не вече. Это не народное собрание, но все же — народная масса, энергично реагирующая на создавшееся положение. Под 987 г. сообщается в летописи аналогичный факт. «Старцы и бояре» сообщают свои впечатления о религиях разных стран и народов в присутствии князя и народа: «И бысть любя речь (их) князю и всем людем», конечно, тем, которые здесь присутствовали в это время. Конечно, и здесь нет никакого веча. Это люди, которых часто приглашал к себе Владимир. Под 996 г. летопись рассказывает, как Владимир праздновал крупные события своего княжения: после постройки Десятинной церкви он «створи праздник велик в то день боляром и старцем градским...», после победы над печенегами он «сотвори праздник велик, варя 300 провар меду, и созываше боляры своя и посадники, старейшины по всем градом и люди многие, на Успенье св. Богородица, и ту паки сотворяше праздник велик», сзывая «бещисленное множество народа...»² «И тако по вся лета творяше». Нужно помнить, что рассказы эти не современны своим сюжетам. Кого подразумевать под этим народом, мы точно сказать не можем. Ясно все-таки, что это — не бояре, не старейшины, не посадники, т.е. не верхи киевского общества, а городские люди, очевидно, те самые, которые несколько позднее будут говорить с князьями иным языком и при иных политических условиях. Необходимо здесь подчеркнуть, что даже самый сильный из князей этого периода нашей истории считается с городской массой и, по-видимому, не считается не может. Так

¹ Лаврентьевская летопись, с. 80—81.

² Там же, с. 122.

дело обстояло в Киеве. Но не будем забывать, что «империя Рюриковичей» — империя «лоскутная», т.е. не спаянная в единый крепкий организм, не монолитная и в смысле этническом, и в смысле стадильности развития своих частей.

У соседних древлян, например, в том же X в., по-видимому, родоплеменной строй не был еще совсем изжит. Древлянские князья X в. еще очень похожи на вождей и военачальников периода высшей ступени варварства. «Деревская земля» (под этим термином можно разуметь народное собрание), а не деревские князья посылают к Ольге своих послов. Совещание вождей и народного собрания здесь весьма вероятны. О том же как будто говорит и множественность равноправных князей у древлян («наши князи добри суть...»)¹. Если мы и можем здесь подразумевать вече, то оно имеет характер старого народного собрания периода высшей ступени варварства. Весьма вероятны такие же собрания и у других, более отсталых племен, включенных в состав Киевского государства. Так, например, еще в XII в. черниговские князья Давидовичи «созваша вятиче»² для привлечения их к совместным действиям.

Эти народные собрания древлян надо отличать от совещаний Киевского князя с боярами. Первые — это еще не изжитые остатки родового строя периода высшей ступени варварства, вторые — следствие укрепления княжеской власти, отделения власти от народных масс, уже успевших выйти из рамок родового общества. Нас не должно смущать то обстоятельство, что оба явления наблюдаются параллельно в одно и то же время. Наша страна и в этот период времени была огромна и в смысле стадильного развития в отдельных своих частях пестра.

Было бы ошибкой не считаться с этими условиями и рассматривать все части громадной территории как нечто цельное. Это верно даже в том случае, если допустим, что относительно древлян мы в данном случае ошибаемся. Вот почему нельзя не возражать против построения В.И. Сергеевича, совсем не склонного признавать эти стадильные различия в отдельных частях обширного Киевского государства.

Для Сергеевича все равно: недатированное ли сообщение летописца о временах далекой древности («сдумавше поляне и вдаша от дыма меч»), когда хазары подчиняют себе полян, датированное

¹ Лаврентьевская летопись, с. 54 и др. 1897.

² Ипатьевская летопись, с. 240. 1871.

ли 945 годом событие о переговорах древлян с княгиней Ольгой («и послаша древляне лучшие люди...», «посла ны Деревьска земля»), наконец, факты договоров с греками (907—911 гг.), относящиеся к Киеву, к киевскому обществу и киевскому князю. Сергеевич ставит все эти одновременные и относящиеся к различным территориям факты в один ряд и делает из них общий вывод. Против такого исследовательского приема необходимо во имя научной методологии самым решительным образом протестовать.

Правильно отметив черты архаического строя у полян до IX и у древлян середины X в., Сергеевич совершенно произвольно пытается те же черты присвоить и Киеву X в., с его уже несомненно государственным устройством. Договоры с греками X в. он считает тоже плодом вечевого решения. По мнению Сергеевича, как мы уже видели, факт, что для заключения договора в Византию отправляются послы не только от имени князя и его бояр, но и от людей всех русских («людье вси рустии»), говорит о том, что и здесь инициатором договора является вече. Сергеевич прямо так и говорит, что под людьми Игоря, принимающими участие в заключении договора, надо разуметь все наличное население Киева, а не какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей¹. Но стоит нам только присмотреться ближе к тексту договора 945 г., и мы получим основание усомниться в правильности заключения В.И. Сергеевича. Вот текст полностью: «И великий князь наш Игорь, и бояре его, и людье вси рустии послаша ны к Роману и Костянтину и к Стефану, к великим царем греческим, створити любовь с самими цари, со всем боярством и со всеми людьями греческими...»

«Люди вси рустии» здесь играют ту же самую роль, что «все люди греческие», но ни здесь ни там вече не имеется в виду.

В договоре 911 г. совершенно ясно выражено, кто именно и с кем заключает договор. Послы для заключения договора посланы от «Ольга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр». «Такоже и вы, греки, — читаем в том же договоре обращение к грекам, — да храните такую же любовь ко князем нашим светлым руским и ко всем, иже суть под рукою светлого князя нашего».

Если уж учитывать возможность некоторых перемен в объеме и характере власти киевского князя за протекшие 34 года (911—945), т.е. от договора Олега до договора Игоря, то, во всяком слу-

чае, не в сторону умаления ее, а как раз в обратном направлении: сила княжеской власти, несомненно, росла до начала или даже до середины XI в., и вече все меньше имело возможности проявлять себя в политической жизни государства.

Договор 945 г. тоже упоминает «всех русских людей»¹, но совсем не в том смысле, какой придает этому упоминанию Сергеевич, а с другими расчетами. Русский князь говорит о всех русских людях для того, чтобы крепче подчеркнуть обязательность соблюдения договоров для всех русских людей. «И иже помыслит от страны Руские разрушити такую любовь» принявший ли христианство или не крещеный (т.е. буквально всякий русский), «да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна...» Вот для чего понадобилось вспомнить о русских людях «всех». То же относится, надо думать, и к другой стороне, заключающей договор.

Договоры заключало не вече, а Киевский князь со своим правящим окружением.

Подъем значения вечевых собраний падает на вторую половину XI и на XII в.² Если говорить об исключениях, то они имеются только для Новгорода, где упоминание о вече относится к 1016 г. Это «исключение» вполне закономерно и понятно, потому что тот процесс, который обнаружился в других частях Киевского государства во второй половине XI в., для Новгорода стал уже несколько более ранним фактом.

Замечание А.Е. Преснякова о том, что до XI в. в наших источниках отсутствуют «всякие указания на вечевую деятельность», можно признать правильным, если не считать двух свидетельств, вызывающих справедливое недоверие, о чем говорилось выше.

Чем объяснить это явление? Мне кажется, оно стоит в связи с распадом Киевского государства.

¹ «...от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжя и от всех людей русские земли». «И в. к. наш Игорь и бояре его и людье вси рустии послаша ны к Роману...» Договор 945 года.

² Известия о вечевых собраниях X—XII вв. встречаются в наших летописях под годами: в Белгороде 997-м (легендарный рассказ об осаде Белгорода печенегами); в Киеве 1068-м, 1113-м, 1146-м, 1147-м, 1150-м; во Владимире Волынском 1097-м; Звенигороде 1147-м; Полоцке 1159-м, 1186-м; Смоленске 1185-м; Ростове 1157-м, 1175-м; Суздале 1157-м, 1175-м; Владимире-на-Клязьме 1157-м, 1175-м, 1176-м; Переяславле 1175-м; Рязани 1177-м; Новгороде Великом (если не считать рассказа, вызывающего сомнения, о приглашении на стол Владимира, записанного в летописи под 970 г.), 1016-м, 1136-м, 1137-м.

¹ В.И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. II, с. 33—34.

По мере упадка Киева как политического центра, объединяющего значительные пространства, по мере усиления отдельных частей империи Рюриковичей в этих последних поднимается политическое значение крупных городов, способных играть роль местных центров и отстаивать независимость своей области от притязаний старой «матери городов русских». В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходилось считаться и пригородам, и князьям.

Но как же относиться к тому классическому месту Лаврентьевской летописи, на которое ссылаются все наши историки в доказательство исконности вечевых собраний у восточных славян?

Это знаменитое место летописи под 1176 г. действительно говорит о городских народных собраниях, но отнесение этого института в глубокое прошлое («изначала») без серьезных оговорок невозможно. Этот текст требует комментария. Под 1176 г. в Лаврентьевской летописи помещен удивительный по яркости рассказ о борьбе владимирских ремесленников и мелких купцов с ростовским и суздальским боярством. Победа владимирских «новых», «мезинных» людей над старым родовитым боярством Ростова и Суздаля вдохновила летописца, и он стал размышлять по этому поводу: всегда-де и везде было так, что пригороды подчиняются решениям старших городов, а здесь вышло как раз наоборот. Это просто «чудо». «Мы же да подивимся чуду новому и великому и преславному Матере Божья, — пишет летописец, — како заступи град свой от великих бед и гражаны своя укрепляеть: не вложи бо им Бог страха и не убояшася князя два имуще и власти (волости. — Б.Г.) сей и бояр их прещенья ни во что же положиша, за 7 недель безо князя будуще в Володимери граде, толико возложеше всю свою надежу и упование к святой Богородице и на свою правду. Новгородца бо изначала и смольняне и кыяне и полочане и вся власти яко же на думу на веча сходятся, на что же старейший сдумают, на том же пригороды стануть, а zde город старый Ростов и Суждаль и вси бояре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды божья, но «како нам любо», рекоша, «такое створим: Володимерь есть пригород наш...» «...не разумеша правды божья исправити ростовци и суждальци, давний, творящеся старейший; новии же людье мезинии володимерстии, уразумевше, яшася по правду крепко...»¹ «...Не хотяче покоритися ростов-

¹ Лаврентьевская летопись, с. 358—359. 1897.

чем и суждальцем и муромьцем, зане молвахуть: пожьем и паки ли посадника в нем (городе Владимире. — Б.Г.) посадим: то суть наши холопи каменници»¹ (в Никоновской летописи этот перечень расширен: «холопи, каменносечци и древодельци и орачи»).

Отсюда с полной очевидностью вытекает, по мнению летописца, что вечевые собрания в Ростове и Суздале были издавна, что в этих собраниях решающая роль принадлежала старой знати, боярству, что знать через вечевые собрания старшего города до сих пор всегда держала в повиновении пригороды. Так, уверяет нас летописец, было «изначала». А сейчас произошло нечто новое, до сих пор небывалое. Это «изначала» относится не только к существованию вечевого строя, но прежде всего к обязанности пригородов подчиняться городам, к господству знати над людьми «мезинными». На этом, во всяком случае, логическое ударение летописного рассказа. Упоминаемая здесь знать и есть те «светлые бояре», представителем которых в договорах с греками являлся в свое время великий князь Киевский. До известного времени этот «изначальный» порядок держался. Затем в нем появилась трещина.

Распад Киевского государства на так называемые «уделы» объясняется тем, что к известному времени успели образоваться области, достаточно окрепшие, чтобы не только перестать нуждаться в помощи киевского князя, но и осознать выгоду в отделении от Киева. Такова судьба всех скороспелых варварских монархий. У каждой из крупных частей бывшего Киевского государства появились свои собственные интересы, идущие вразрез с недавним политическим строем. Зачем, в самом деле, вмешиваться Новгороду, Смоленску, Полоцку и др. в запутавшиеся дела Киева, зачем платить ему дань, зачем посылать свои войска в распоряжение киевского князя, когда и деньги, и войско так нужны им самим, новгородским, смоленским, полоцким боярам, для осуществления их собственных задач, с которыми они сейчас могут справиться и самостоятельно, без помощи Киева.

Но ведь дело-то не только или не всегда в боярах. Мы видим на примере Ростовско-Владимирских событий 1176 г. новую силу, победившую бояр, — это город с его купеческим и ремесленным населением. С этой силой вынуждены считаться и князья. Окрепшие области стараются обзавестись собственными князьями. Многим князьям это тоже на руку. Долго они были подручниками

¹ Ипатьевская летопись, с. 405. 1871.

киевского великого князя. Теперь пришло новое время. Они только не всегда учитывали, что окрепшие области продолжают расти, благодаря своей силе, начинают распорядиться сами своей судьбой, пытаясь превратить и князей в орудие своих планов. Но это удастся им далеко не всегда: в одних местах мы видим полное низведение князей на служебное положение — это там, где сильное боярство со своими собственными дружинами захватывает в руки власть (Новгород в середине XII в.), неудавшаяся попытка сделать то же в Ростове и Суздале (убийство князя Андрея), в других местах городские низы, ремесленники и купечество в борьбе с боярством нуждаются в помощи княжеских дружин, здесь княжеская власть крепнет (Галицко-Волынское княжество в первой половине XIII в.), а иногда и забирает в свои руки власть (Владимирское княжение), особенно при Всеволоде III.

Это и есть период расцвета того городского вечевого строя, который нам хорошо известен. Этот период для разных областей длится не одинаково долго: новгородское боярство, хотя и вынужденное считаться с городской массой и вечевым строем города, сумело, однако, занять в стране господствующее положение и в течение нескольких веков (до 1478 г.), за исключением моментов революционного выступления городских низов, не выпускало из своих рук власти, всегда, без всяких исключений, поставляя из своей среды выборных посадников и тысяцких, весьма успешно пользуясь при этом вечевым строем как своим аппаратом. Здесь вече умирает одновременно с боярской республикой. То же мы видим и в Пскове. Во Владимире вече прекращает свою жизнь сравнительно рано.

Вечевой строй долго существовал только в западных и северо-западных областях бывшего Киевского государства, сопредельных с Литвой и Польшей, где хорошо и надолго запомнилось время господства можновладства, а потом и шляхты: «республиканские» учреждения, ограничивавшие власть князей и королей, здесь и там имеют одну и ту же почву.

В своем труде «Вече и князь», не теряющем значения и сейчас, В.И. Сергеевич собрал очень большой материал, сделал немало интересных и глубоких замечаний. Главнейшим недостатком его труда, мне кажется, надо считать недостаточный учет конкретно-исторических условий существования веча в разные периоды истории древней России вплоть до его исчезновения.

Нельзя согласиться с ним и тогда, когда он приписывает татарам решающую роль в прекращении вечевых собраний, о чем шла уже речь выше.

Сергеевич утверждает, что татары впервые познакомили русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно и что ханы татарские не входили в соглашение с «народом»¹. Тут, во-первых, неверно то, что «русские княженья» «впервые познакомились с властью, которой необходимо было подчиняться без «соглашения», во-вторых, с «народом» не входили в соглашение не только ханы татарские, но и князья киевские X в. и до середины XI в. Если бы можно было говорить о «соглашении», во всяком случае, очень своеобразном, то оно заключалось не с народом, а с правящими верхами покоряемых племен и народов. Наконец, в-третьих, «почва для вечевого деятели» ни в какой мере не была уничтожена и при татарах там, где имелась база для ее существования. Я имею в виду Новгород, прекрасно познавший прелести татарской власти, очень хорошо усвоивший на практике необходимость безусловного подчинения Орде и, тем не менее, и не думавший прекращать практику вечевых собраний. Причины этого прекращения иные и с татарами не связаны, а если и связаны, то лишь отчасти.

В итоге пересмотра материала о народных собраниях мы должны прийти к основному выводу, что эти народные собрания у нас, как и везде, имеют свою историю. Эта история неразрывно связана с этапами жизни нашей страны. Периоды в истории веча — это периоды в истории народов, образовавших Киевское государство и его переживших. Эти периоды можно свести к следующим положениям:

1. Вече ведет свое происхождение от родового строя.

2. С появлением варварского государства вече теряет благоприятную почву для своего существования. В достаточной степени сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в «соглашения» с народом и ограничивается совещаниями с дружиной, преимущественно старшей. Вечевые собрания (сведений точных у нас нет) вероятны лишь в исключительных случаях, когда, например, города оказывались в трудном положении, предоставленные собственной инициативе.

¹ В.И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., II, с. 34.

3. В различных частях Киевского лоскутного государства историческое развитие протекает неравномерно. Киевский центр в этом отношении в IX—X вв. идет впереди. В то время, когда в киевском центре в X в. вечевых собраний мы почти не видим совсем, эти собрания существуют в более отсталых частях Киевского государства, но носят характер племенных собраний.

4. Вечевые собрания в городах оживляются со второй половины XI в., в связи с ростом и по мере роста отдельных частей Киевского государства, и в частности городов.

5. Вечевые собрания живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при котором феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Предварительные замечания	5
II. Место сельского хозяйства в хозяйственной системе	
Древней Руси	24
III. Сельское хозяйство и сельскохозяйственная техника	
Древней Руси	39
IV. Сведения о древнейшем общественном строе	
восточных славян	60
V. Общественные отношения Киевской Руси	80
1. Землевладение и землевладельцы	83
2. Организация крупной вотчины X—XI вв.	104
Челядь	113
Рабы	129
Рядовичи	138
Закупы	141
Вдачи	150
Смерды	151
Изгои	173
3. Ремесленный и наемный труд	184
4. Некоторые итоги	188
VI. Важнейшие черты политического строя Киевской Руси	194
1. Предварительные замечания	194
2. Князь и киевская знать	210
3. Несколько замечаний о древнерусском вече	235

Греков Борис Дмитриевич
ГРОЗНАЯ КИЕВСКАЯ РУСЬ

Редактор В.Г. Манягин
Художник Б.Б. Протопопов
Верстка А.А. Кувшинников
Корректор И.А. Носкова

ООО «Алгоритм–Издат»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 06.03.12. Подписано в печать 27.04.12.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л.16. Тираж 2000 экз. Заказ